

К 24
2520

8 9/430

КНИГА
В. ПЕТЕРБУРГ

быт

ОЧЕРКИ

И

РАЗСКАЗЫ

ИЗЪ

СТАРИННАГО БЫТА

ПОЛЬШИ

KARNOVICH

"RAZSKAZY
IZ POLISHI"

СОЧИНЕНІЕ

Е. П. КАРНОВИЧА

ВОЛОГОДСКАЯ
~~С. С. СУЩИНСКАЯ~~
БИБЛИОТЕКА

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

ВЪ ТИПОГРАФИИ Ф. С. СУЩИНСКАГО

Екатерининскій каналъ, 168

1873

K-24 + materials

Slav 5805.12
✓

HARVARD
UNIVERSITY
LIBRARY
"JN 19 1975

5805
12
15

СОДЕРЖАНІЕ.

	Стр.
I. Польское посольство во Францію	1
II. Нитка жемчуга	20
III. Вызовъ родственниковъ	34
IV. Князь Іосифъ Яблоновскій	46
V. Охота на вепра	53
VI. Повинутый замокъ	78
VII. Князь Іеронимъ Радзивилъ, вслкій хорунжій Литовскій	100
VIII. Панна Ельжбета	110
IX. Шляхтичъ Кульчиковский	117
X. Патріотка	123
XI. Юзя	127
XII. Четыре мѣшка	144
XIII. Анна Ожельская	160
XIV. Раніе Косханку	178
XV. Станиславъ-Августъ, король польскій	198
XVI. Свадьба Каси	219
XVII. Албанская банда	229

	Стр.
XVIII. Панъ Лада и Фридрихъ Великій	246
XIX. Неправедное наслѣдство	278
XX. Янъ Декартъ	288
XXI. Хозяинъ и гость	296
XXII. Сѣверскіе послы	308
XXIII. Янъ Собѣскій подъ Вѣною	319
XXIV. Святослава Сандецкая	334
XXV. Косцюшко	344

I.

Польское посольство во Францію.

Настоящій разсказъ нашъ относится къ 1645 году. Въ это время сидѣлъ на польскомъ престолѣ король Владиславъ IV, которому представлялась нѣкогда возможность царствовать на Москвѣ. Королю Владиславу было въ эту пору около пятидесяти лѣтъ. Давно была ему пора жениться,—и онъ, наконецъ, послѣ разныхъ соображеній, рѣшился предложить свою руку принцессѣ Маріи-Людвикѣ Мантуанской, жившей при дворѣ регентши Франціи, Анны Австрійской, матери малолѣтняго короля Людовика XIV.

Сватовство польскаго короля къ принцессѣ началось при посредствѣ ловкаго и расторопнаго ксендза Ронкони, бывшаго польскимъ резидентомъ въ Парижѣ. Когда дѣло о бракѣ было улажено частнымъ образомъ, то Владиславу нужно было попросить формально руки принцессы. Король исполнилъ это черезъ особеннаго посла; а французскій дворъ далъ на предложеніе Владислава свое согласіе. Теперь оста-

вадось только королю отправить въ Парижъ чрезвычайнаго посла, который, какъ представитель королевской особы, долженъ былъ обвиняться въ Парижѣ съ Маріей-Людвикою и привезти ее въ Варшаву.

Въ эту пору, денежные дѣла короля Владислава, вслѣдствіе войнъ съ Москвою, Швеціей и Турціей, были очень плохи. Даже самый бракъ короля съ принцессой Мантуанской былъ не безъ финансовыхъ расчетовъ съ его стороны. Король зналъ, что, женившись на богатой принцессѣ, онъ могъ легко занять, на счетъ ея приданнаго, до 600.000 злотыхъ, а этимъ займомъ онъ надѣялся кое-какъ поправить свои разстроеныя обстоятельства. Нужно было только Владиславу выбрать такого знатнаго и богатаго польскаго магната, который бы могъ быть достойнымъ представителемъ польскаго короля при пышномъ парижскомъ дворѣ.

Такой выборъ магната, для доставки имъ королевской невѣсты изъ Парижа въ Варшаву, сильно затруднялъ Владислава IV,—не потому, однако, чтобы въ тогдашней Польшѣ не нашлось такихъ людей, которые, по своему уму и по своему образованію, не могли бы съ честью явиться въ Парижѣ. Это обстоятельство не могло затруднять Владислава, такъ какъ еще за сто лѣтъ до той поры, сама королева Елисавета отдавала въ Лондонѣ справедливость учености и разуму польскихъ пословъ. Въ настоящемъ случаѣ встрѣчалось затрудненіе совсѣмъ другаго рода.

Въ ту пору значеніе магнатовъ въ Польшѣ было слишкомъ сильно; при малѣйшемъ неудовольствіи, при размолвкѣ съ королемъ изъ-за какой-нибудь бездѣлицы, они прекращали съ нимъ сношенія и тогда трудновато было королю сойтись съ своимъ недругомъ. Между тѣмъ Владиславъ

IV былъ въ постоянномъ раздорѣ съ большей частью магнатовъ. Тѣ же изъ нихъ, которые были близки къ нему и которые, по своему имени и образованію, могли бы явиться достойными его представителями въ Парижѣ, не были такъ богаты, чтобъ могли показаться въ столицѣ Франціи съ подобающимъ блескомъ и съ ослѣпительнымъ великолѣпіемъ, какъ этого требовала важная цѣль посольства. Король же, какъ мы сказали, находился самъ въ затруднительномъ положеніи по денежной части до такой степени, что иногда и на дворцовой кухнѣ оказывался недостатокъ въ сѣстныхъ припасахъ. Вслѣдствіе этого Владиславъ не могъ дать отъ себя своему представителю огромныхъ денежныхъ средствъ, которыя однако были необходимы въ настоящемъ случаѣ.

Не оставалось Владиславу ничего болѣе, какъ сблизиться съ кѣмъ нибудь изъ магнатовъ; и выборъ короля, послѣ долгихъ колебаній, палъ наконецъ на воеводу познанскаго, Криштофа Опалинскаго, считавшагося въ то время однимъ изъ первыхъ богачей во всей Польшѣ. Остановившись въ своемъ выборѣ на панѣ Криштофѣ, король не былъ однако вполне увѣренъ въ успѣхѣ. Богатый воевода, хотя и жилъ чрезвычайно роскошно, но съ прискорбію короля былъ крѣпокъ на деньгѣ въ нѣкоторыхъ случаяхъ, а между тѣмъ предлагаемая Опалинскому честь—привезти въ Польшу королеву—могла разстроить все его состояніе, какъ бы громадно оно ни было.

Король рѣшился однако попытать счастья и вступить въ переговоры съ Опалинскимъ.

Въ это время была не занята важная должность коронаго маршала; Владиславъ предложилъ эту должность Опа-

линскому съ тѣмъ, чтобы онъ сѣзидилъ на свой счетъ въ Парижъ и привезъ ему оттуда невѣсту; и кромѣ того въ общихъ словахъ пообѣщаль ему весьма почетное званіе маршала при будущей королевѣ. Дѣлая такое лестное предложеніе пану Криштофу, король не могъ впрочемъ надѣяться, что дѣло между нимъ и неподатливымъ Опалинскимъ кончится безъ новыхъ затрудненій. Въ ту пору случалось очень часто, что магнаты, получая королевское предложеніе — занять какую нибудь высокую должность, принимали ее не иначе, какъ постановивъ съ своей стороны какія либо особыя условія. У Владислава былъ еще въ свѣжей памяти тотъ обидный для него случай, когда онъ не задолго передъ этимъ предложилъ воеводѣ познанскому, Станиславу Любомірскому, званіе краковскаго каштеляна и какъ тотъ соглашался принять эту первую свѣтскую должность во всемъ королевствѣ, съ тѣмъ только уговоромъ, чтобы младшему его сыну было пожаловано богатое старство краковское. Король не могъ этого сдѣлать, такъ какъ подобная отдача была бы противна опредѣленіямъ сейма, но Любомірской настаивалъ на своемъ и дѣло кончилось тѣмъ, что слишкомъ требовательный воевода отказался отъ высокаго сана, предложеннаго ему королемъ.

Владиславъ опасался, что и панъ Криштофъ, въ добавокъ къ сдѣланнымъ ему предложеніямъ со стороны короля, присоединитъ еще свои собственныя условія.

У Опалинскаго была однако слабость ко двору. Владиславъ воспользовался этимъ; онъ исподволь повелъ съ нимъ дѣло черезъ людей постороннихъ, обѣщая пану Криштофу, кромѣ двухъ маршалствъ, еще богатя староства. Воевода не устоялъ, и поддавшись этимъ искушеніямъ

рѣшился поѣхать въ Парижъ за королевской невѣстой.

Опалинскій сталъ готовиться къ отъѣзду.

Надобно замѣтить, что панъ Бриштофъ отправлялся въ край уже хорошо знакомый полякамъ. Еще Марія-Людовика не сидѣла на польскомъ престолѣ, а ужъ поляки превосходно знали Францію, ея языкъ, ея нравы и обычаи. Большею частью польскіе вельможи того времени проводили свою молодость въ Парижѣ и нерѣдко даже служили при французскомъ дворѣ. Такъ, тогдашній великій гетманъ Потоцкій былъ въ юности пажомъ Генриха IV, а великій канцлеръ литовскій Альбертъ Радзивиль пользовался въ своей юности особенной благосклонностью короля Людовика XIII. Бывшій же въ то время краковскимъ воеводой Якубъ Собѣсскій всю свою молодость провелъ въ Парижѣ и туда же отправилъ своихъ молодыхъ сыновей.

Впрочемъ не одни только свѣтскіе сановники, но даже и высшія духовныя лица были хорошо знакомы съ Франціей, а въ числѣ ихъ былъ и архіепископъ гнѣзненскій Станиславъ Лещинскій, примасъ королевства.

Вообще же въ Парижѣ было въ то время много поляковъ, которые не только что ловко служили при королевскомъ дворѣ въ пышныхъ залахъ, но и храбро сражались подъ французскими знаменами, желая своими военными подвигами или составить себѣ громкое имя, или поддерживать боевую знаменитость своихъ предковъ.

Опалинскій былъ назначенъ главнымъ посломъ, такъ какъ онъ былъ представителемъ короля. Другими же послами, отправившимися вмѣстѣ съ нимъ, были его близкіе родственники: воевода поморскій Денгофъ и епископъ варминскій Вацлавъ Лещинскій. Изъ нихъ первый долженъ

былъ подписать въ Парижѣ брачный контрактъ между Владиславомъ и Маріей-Людвикою, уже подписанный въ Варшавѣ самимъ Владиславомъ и французскимъ посланникомъ при польскомъ дворѣ.

Въ началѣ сентября 1645 года, Денгофъ отправился моремъ во Францію изъ Данцига, а въ концѣ сентября того же года выѣхали изъ Варшавы въ Парижъ воевода познанскій и епископъ варминскій. Тщеславность и огромныя богатства Опалинскаго ручались за то, что онъ, взявшись быть въ Парижѣ представителемъ короля, исполнить это съ той пышностію, которая поразитъ французовъ. Нельзя было сомнѣваться, что панъ Криштофъ, жившій у себя въ Сѣраковѣ съ большимъ великолѣпіемъ, еще великолѣпнѣе покажетъ себя на чужой сторонѣ.

Дѣйствительно, Опалинскій отправился во Францію не только забравъ всѣхъ шляхтичей, служившихъ у него въ Сѣраковѣ, а также и своихъ ближайшихъ родственниковъ, но и увеличивъ свою свиту множествомъ наемныхъ слугъ. Кромѣ того воевода взялъ съ собою три хоругви, т. е. три отряда—два пѣшихъ и одинъ конный. Съ воеводой поѣхали въ Парижъ: маршалокъ его двора, два конюшихъ, медикъ, родомъ нѣмецъ, секретарь, баронъ Вольцогентъ, духовникъ и ученый монахъ бернардинскаго ордена. Кромѣ того, за каждымъ изъ родственниковъ воеводы познанскаго ѣхала собственная ихъ, тоже огромная, прислуга. Посольство сопровождалось множествомъ коней, повозокъ и колымакъ. Изъ всего этого составила такая громадная ватага, что посольство, при выѣздѣ изъ Варшавы, должно было раздѣлиться на двѣ части и отправиться въ Парижъ разными дорогами для того, чтобъ избѣжать тѣсноты въ тѣхъ мѣ-

стахъ, гдѣ нужно было посламъ останавливаться для отдыха.

Въ числѣ коней, слѣдовавшихъ за послами, было много превосходныхъ турецкихъ лошадей, конята которыхъ въ день вѣзда пословъ въ Парижъ должны были быть украшены серебрянными и золотыми подковами. Множество великолѣпныхъ колымагъ, обитыхъ золотомъ, бархатомъ и шелковыми матеріями, и взятыхъ послами въ Парижъ, отличалось такимъ богатствомъ отдѣлки, что даже самыя роскошныя экипажи тогдашняго французскаго двора должны были показаться, въ сравненіи съ посольскими колымагами, не болѣе какъ только простыми повозками. Трудно было перечислить золотую и серебрянную посуду, которую везли съ собой во Францію польскій воевода и польскій епископъ, не говоря уже о множествѣ драгоценныхъ камней, рѣдкихъ мѣховъ и богатыхъ шелковыхъ матерій, забранныхъ ими изъ Варшавы.

Для бѣльшей пышности и сообразно съ обычаями того края, въ который ѣхало польское посольство, члены его украсили себя почетными дворянскими титулами, взятыми ими только на время. Извѣстно, что конституція 1638 года не позволяла польской шляхтѣ, для поддержанія среди ея равенства, носить на родинѣ графскіе или княжескіе титулы; однако, при поѣздѣ за границу дѣло было совсѣмъ другое. Каждый шляхтичъ могъ величать себя какъ ему было угодно. При настоящей же поѣздкѣ воевода Денгофъ титуловался княземъ, епископъ Лещинскій и два члена посольства—титуловались графами. Наконецъ даже самъ Опалинскій, этотъ ревнитель шляхетскаго равенства и преслѣдователь пустыхъ титуловъ, не отказался назваться на этотъ разъ графомъ Бнинскимъ.

Въ то время когда воевода Денгофъ ѣхалъ моремъ около береговъ Даніи, Опалинскій, съ огромнымъ обозомъ, медленно тянулся въ Францію сухимъ путемъ, чрезъ Германію, удивляя нѣмцевъ своимъ поѣздомъ. Спустя мѣсяць послѣ выѣзда Опалинскаго изъ Варшавы, обѣ части посольства съѣхались въ Любекъ и отсюда оба польскіе посла, черезъ Голландію, во второй половинѣ октября, пріѣхали въ Парижъ. Съ особеннымъ удовольствіемъ узнали они, что дворъ еще не переѣхалъ на зимнее житье въ столицу и что по этому они могутъ дать нѣсколько дней отдыха и людямъ и конямъ для того, чтобы въѣхать въ Парижъ во всемъ блескѣ.

Торжественный въѣздъ польскихъ пословъ былъ назначенъ на 29-е октября.

По разсказамъ французскихъ мемуаровъ того времени, случай этотъ былъ однимъ изъ самыхъ замѣчательныхъ событій, совершившихся въ тогдашнемъ Парижѣ. Для того, чтобъ дать французамъ посмотрѣть хорошенько такую небывалую диковинку, пословъ просили въѣхать въ Парижъ въ воскресенье и при томъ около полудня. Опалинскій охотно принялъ это предложеніе, и въ назначенный день потянулся по улицамъ Парижа его длинный поѣздъ. И хозяева и гости старались въ этотъ день превзойти другъ друга щегольствомъ и пышностью, но въ настоящемъ случаѣ и французы и поляки поразили другъ друга рѣзкою противоположностью своихъ вкусовъ. Поляки до такой степени изумили своимъ богатствомъ и своей тяжелой восточною роскошью, что тогдашніе французскіе ученые пустились въ серьезныя розысканія о томъ, не происходятъ ли пріѣхавшіе къ нимъ издалека гости отъ мидянъ и древнихъ пер-

совъ, которые оставили въ исторіи память о своихъ диковинныхъ, почти баснословныхъ богатствахъ. Въ свою очередь, поляки, напротивъ, дивились бѣдности французовъ. Въ глазахъ поляковъ, привывшихъ ко множеству драгоценныхъ камней, къ массивнымъ серебряннымъ и золотымъ издѣліямъ, всѣ принадлежности щегольскихъ французскихъ нарядовъ: банты, ленты, шитье, перья и кружева, которыми такъ тщеславились французы, казались никуда негодными тряпками. Спутники Опалинскаго даже дивились между собою тому, какъ можно было выставять напоказъ такіа бездѣлушки передъ иностранными гостями.

Поляки вѣхали въ Парижъ черезъ предмѣстье св. Антонія. Здѣсь во дворцѣ Рамбулье ожидалъ ихъ герцогъ д'Эльбѣфъ съ двѣнадцатью придворными чиновниками. Здѣсь же Опалинскій поставилъ въ порядокъ свой поѣздъ, который подъ предводительствомъ французскаго церемоніймейстера двинулся въ самый Парижъ.

Шествіе открывалось пѣшей хоругвью воеводы познанскаго. Передъ ней, на превосходномъ конѣ чистокровной турецкой породы, ѣхалъ начальникъ воеводской хоругви, въ желтомъ атласномъ жупанѣ, въ пунцовой шолковой фезѣ, подшитой дорогими соболями. Соболя шапка ротмистра съ золотой тульей была украшена дорогой пряжкой изъ рубина и бѣлыми страусовыми перьями: ножны его сабли были густо усажены бирюзой. Сѣдло и чапракъ были вышиты золотомъ, а стремяна и вся отдѣлка сбруи были серебрянныя. За хоругвью шли 30 человекъ пѣхоты въ жупанахъ изъ краснаго сукна и въ такихъ же плащахъ, у každого пѣхотинца было на плащѣ по восьми большихъ се-

ребриныхъ пуговицъ; серебрянные ножи, сѣкеры и мушкеты на плечѣ составляли вооруженіе этого отряда.

Было бы слишкомъ долго описывать въ подробности всю пестроту и все великолѣпіе посольскаго поѣзда, который перемежался съ отрядами конной французской гвардіи. Атласные и бархатные жупаны и фезаи всевозможныхъ цвѣтовъ — бѣлыя, желтыя, красныя, фіолетовыя, литыя золотыя и серебрянные поясы, сабли съ отлично-вычеканенными рукоятками, и съ ножами, осыпанными бирюзой и множествомъ драгоцѣнныхъ камней, брилліантовыя пряжки на дорогихъ собольихъ шапкахъ и золотая сбруя безостановочно въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ мелькали въ глазахъ удивленныхъ французовъ.

Особенно поразила парижанъ ближайшая прислуга воеводы познанскаго. Она состояла изъ двадцати четырехъ человѣкъ, ѣхавшихъ на отличныхъ арабскихъ и турецкихъ коняхъ. Каждый изъ всадниковъ, одѣтый въ богатый нарядъ, имѣлъ за спиной лукъ и колчанъ, наполненный стрѣлами. Въ поѣздѣ участвовали также шесть герольдовъ или трубачей, они были одѣты въ гербовые цвѣта рода Опалинскихъ и съ гербами этой фамиліи, вышитыми серебромъ и золотомъ. За герольдами два конюха вели подъ узцы бѣлаго турецкаго коня, на которомъ ѣздилъ иногда самъ воевода. Сѣдло и чапракъ на этомъ конѣ были отдѣланы золотомъ и множествомъ бирюзы; вся сбруя была изъ чистаго золота; на лбу у коня сверкала большая рубиновая бляха, а широкая сбруя имѣла столько золотыхъ кистей и золотой бахрамы, что весь конь Опалинскаго, казалось, былъ покрытъ золотой попоной, унизанной драгоцѣнными камнями. Подковы коня были золотыя.

Богатство поѣзда увеличивалось однако все болѣе и болѣе, по мѣрѣ того, какъ приближались послы. Наконецъ показался и самъ Опалинскій, какъ будто весь, съ головы до ногъ, залитый въ золото и обсаженный драгоценными камнями. У коня, на которомъ ѣхалъ теперь Опалинскій, даже вся сбруя была отдѣлана брилліантами. Конь этотъ былъ приученъ къ тому, чтобы стать на колѣни при явленіи королевской фамиліи.

Съ жаднымъ любопытствомъ зѣвала толпа на всѣ рябившія въ ея глазахъ богатства: что же касается собственно парижанокъ, то онѣ засмотрѣлись не только на посольскій поѣздъ, но и на самого посла. Опалинскому было въ это время съ небольшимъ тридцать пять лѣтъ. Его важная осанка и лихая посадка на конѣ, пріятный взглядъ его большихъ черныхъ глазъ, выразительныя черты и свѣжесть его лица, а также длинныя, густыя усы воеводы чрезвычайно понравились французенкамъ. За послами нескончаемой вереницей тянулись кареты и ѣхали французскіе и польскіе всадники. Поѣздъ замыкался длиннымъ рядомъ возовъ съ вещами, принадлежавшими посламъ. Чтобы понять какъ огроменъ былъ весь этотъ поѣздъ, надобно замѣтить, что хотя онъ вступилъ въ Парижъ въ самый полдень, но тянулся однако до самыхъ позднихъ сумерекъ, такъ что когда послы проѣзжали около королевскаго дворца, на балконѣ котораго сидѣлъ восьмилѣтній Людовикъ съ своей матерью, то уже почти ничего не было видно.

Въ Парижѣ для жительства посламъ былъ отведенъ вандомскій дворецъ, владѣтели котораго были въ ту пору изгнанниками. Первая аудіенція была назначена Опалинскому на другой день, т. е. 31 октября. Она происходила

съ чрезвычайной пышностью и здѣсь поляки изумили французовъ богатствомъ своихъ нарядовъ.

Миновавъ длинный рядъ великолѣпно убранныхъ покоевъ, они вошли въ аудіенцъ-залу. Здѣсь король и королева были окружены множествомъ придворныхъ кавалеровъ и дамъ, которыя въ своихъ пестрыхъ и яркихъ нарядахъ казались полякамъ живыми цвѣтами и изъ которыхъ приглянулись имъ очень многія. Людовикъ XIV и его мать, сдѣлавъ одинъ шагъ на встрѣчу посламъ, благосклонно выслушали краткія рѣчи, произнесенныя епископомъ и воеводою, и приняли отъ нихъ вѣрительныя грамоты, присланныя Владиславомъ IV. Послѣ этого, королю и королевѣ были представлены знатныя польскіе шляхтичи, сопровождавшіе пословъ на аудіенцію.

По окончаніи аудіенціи, послы отправились въ неверскій дворецъ, къ королевской невѣстѣ. Окруженная множествомъ принцевъ и принцессъ Бурбонскаго дома, Марія-Людвика чрезвычайно вѣжливо встрѣтила пословъ у самыхъ дверей залы. Опалинскій подаль ей письмо короля Владислава, а епископъ варминскій поднесъ ей, отъ имени жениха, брилліантовый крестикъ, на которомъ было между прочимъ шесть камней невѣроятной стоимости. Принявъ этотъ подарокъ, принцесса поручила стоявшему подлѣ нея епископу оранскому поблагодарить пословъ и съ большимъ вниманіемъ выслушала ихъ дальнѣйшія привѣтствія.

Марія-Людвика была въ это время уже не первой молодости, ей было слишкомъ 33 года, но издавна распространившаяся въ Польшѣ молва о ея рѣдкой красотѣ оправдывалась еще и доселѣ. Принцесса отличалась также красотостью характера, набожностью и благоразуміемъ.

Откланившись принцессѣ, послы удалились въ вандомскій дворецъ, а въ воскресенье, 5-го ноября, была назначена свадьба. При этомъ случаѣ нужно было представителю Владислава IV показать окончательно весь блескъ своего огромнаго богатства. Опалинскій съ большимъ удовольствіемъ готовился исполнить это, но къ крайнему его огорченію брачный обрядъ долженъ былъ совершиться не съ той пышностью, которую онъ ожидалъ встрѣтить при этомъ торжествѣ. Свадьба будущей королевы польской была назначена не въ соборной церкви и не въ присутствіи всего французскаго двора, какъ предполагалъ посоль, но въ небольшой дворцовой капеллѣ, и при томъ только въ присутствіи самыхъ близкихъ родственниковъ королевской фамиліи. Панъ Криштофъ, раздосадованный и обиженный этимъ распоряженіемъ, требовалъ, чтобы бракъ будущей королевы польской былъ совершенъ въ Парижѣ съ подобающимъ великолѣпіемъ. Королева Анна уклонялась отъ этого настойчиво, приводя между прочимъ, какъ причину неизбежнаго отказа, то обстоятельство, что въ случаѣ торжественнаго бракосочетанія Маріи-Людвиги въ присутствіи всего двора, между принцами и принцессами королевскаго дома непременно возникнетъ споръ за первенство и что это дѣло не такъ легко будетъ уладить, какъ кажется со стороны. Королева-правительница находила по этому нужнымъ—не допускать на свадьбѣ Маріи-Людвиги присутствія всѣхъ принцевъ и принцессъ королевской крови, а при этомъ условіи уже никакъ нельзя было совершить брачный обрядъ въ соборной церкви и при томъ съ тою пышностью, которой такъ неотступно домогался подставной женихъ.

Говорятъ, впрочемъ, что правительница, отказывая коро-

левѣ польской въ торжественномъ бракосочетаніи, думала не о спорахъ принцевъ и принцессъ за первенство, но совсѣмъ другое. Она хотѣла лишить супругу Владислава IV особеннаго почета по инымъ причинамъ. Королева Анна была принцесса австрійскаго дома и ей было чрезвычайно непріятно, что король польскій роднился теперь, посредствомъ своего брака, съ принцессой Мантуанской, не съ ея домомъ, а съ домомъ Бурбоновъ, непріязненнымъ въ ту пору Австріи.

Мелочная, женская придирчивость королевы Анны къ будущей супругѣ Владислава дошла даже до того, что она не позволила невѣстѣ надѣть, во время свадьбы, королевскую мантию, между тѣмъ какъ самое платье принцессы было сшито такъ, что безъ мантии оно должно было казаться чрезвычайно некрасивымъ по своему покрою. Невѣста видѣла необходимость покориться волѣ правительницы. Вслѣдствіе всего этого, на свадьбу будущей королевы польской собралось въ дворцовую капеллу, вмѣстѣ съ польскимъ посольствомъ, не болѣе двухъ-сотъ человекъ. Вся пышность, весь блескъ, которыми Опалинскій хотѣлъ при этомъ случаѣ поразить французовъ, были почти напрасны: для малаго числа свадебныхъ гостей, и при томъ составленнаго большей частью изъ своихъ же земляковъ, казалось пану Криштофу неумѣстнымъ выказывать все свое богатство и нести столько издержекъ, сколько понесъ ихъ обманувшійся воевода.

Епископъ варминскій служилъ обѣдню, послѣ которой совершилось бракосочетаніе. Воевода познанскій, въ кунтушѣ изъ серебрянной парчи, отороченномъ дорогими соболями, заступалъ мѣсто короля около невѣсты, одѣтой въ бѣло-серебристое глазетовое платье. Послѣ брачнаго обряда,

епископъ надѣлъ на Марію-Людвигу, королевскую корону, а правительница повела молодую за руку въ залу, гдѣ былъ приготовленъ обѣденный столъ. Во время обѣда, Опалинскій, какъ представитель короля, сидѣлъ рядомъ съ Маріей-Людвигой.

Бракъ принцессы Мантуанской сопровождался въ Парижѣ балами. Вотъ какъ между прочимъ говоритъ о нихъ записка одной очевидицы:

„Сегодня было при дворѣ большое угощенье, на которомъ было все что только можно достать изъ разныхъ краевъ въ настоящую пору года. Королева польская послала воеводѣ Опалинскому серебрянный подносокъ, наложенный обсахаренными померанцами, лимонами и конфетками. Она сумѣла это сдѣлать съ особенною прелестью; я сидѣла поблизости польскаго посла,—продолжаетъ г-жа Мотвиль,—и могла замѣтить съ какой важностью и съ какимъ равнодушіемъ смотрѣлъ онъ и на все наше общество и на все наше великолѣпіе.“

По окончаніи пировъ Марія-Людвика отправилась въ Польшу. Бывшая тогда война въ Голландіи, распространившаяся и по побережью Балтійскаго моря, заставила польскую королеву дѣлать большіе объѣзды съ прямой дороги. Въ продолженіе четырехъ съ половиною мѣсяцевъ пробиралась она въ Варшаву среди мятежей и снѣговъ, необыкновенно изобильныхъ въ ту зиму. Только 9 марта королева вѣхала въ свою столицу. Увеличеніе и безъ того уже огромнаго польскаго посольства значительною свитою королевы чрезвычайно затрудняло всѣхъ ѣхавшихъ. Съ королевой было отправлено изъ Парижа чрезвычайное посольство, главой котораго была жена маршала де-Габріака. Во всѣхъ

городахъ и во всѣхъ мѣстечкахъ, черезъ которыя проѣзжала королева польская, ее встрѣчали привѣтственными рѣчами, музыкой, пальбой изъ пушекъ, а иногда подносили ей даже и ключи отъ городскихъ или крѣпостныхъ воротъ. Всѣ эти встрѣчи и празднества еще болѣе замедляли и разстроивали обратное путешествіе поляковъ изъ Франціи на родину. Нерѣдко королевѣ приходилось останавливаться на ночлегъ въ тѣсной и сырой кельѣ какого нибудь убогаго монастыря, а воеводѣ познанскому, епископамъ и другимъ членамъ посольства приходилось искать убѣжища въ какой нибудь придорожной хаткѣ. Здѣсь пышный воевода, въ ужасной тѣсотѣ, преспокойно раскладывался съ своими товарищами на соломѣ и спалъ богатырскимъ сномъ.

Въ Гамбургѣ встрѣтилъ Марію-Людвигу королевскій дворянинъ, посланный съ письмомъ отъ Владислава, который безпокоился о своей женѣ. Не получая долгое время отъ своихъ пословъ никакихъ извѣстій, король не только не зналъ гдѣ находится его невѣста, но ему не было даже извѣстно выѣхала ли она изъ предѣловъ Франціи; а между тѣмъ Маріи-Людвигѣ нужно было поспѣшить своимъ пріѣздомъ въ Варшаву, такъ какъ, если бы она не пріѣхала туда до 14 февраля, т. е. до заговѣнія, то приходилось бы отложить совершеніе втораго ея брака съ королемъ до конца великаго поста или нужно было бы просить у папы особаго разрѣшенія на совершеніе брака въ постное время. Очевидно было однако, что при всемъ стараніи королевскаго дворянина ускорить поѣздъ Маріи-Людвиги, она по краткости оставшагося времени никакъ не могла поспѣть даже къ самому крайнему сроку, такъ что самая удачная поѣздка должна была кончиться тѣмъ, что королева успѣла

бы прѣхать передъ заговѣніемъ только въ Данцигъ. Владиславъ сообразилъ это и потому захотѣлъ съѣхаться съ Маріей-Людвикой въ этомъ городѣ, чтобы тамъ самому обвиняться съ нею; но внезапные приступы жестокой подагры остановили короля на подорожѣ отъ Варшавы къ Данцигу. Съ досадою король вернулся въ свою столицу, сердясь на Опалинскаго за медленный привозъ королевы.

Вернувшись въ Варшаву, король послалъ къ своей невѣстѣ посла съ разными подарками, но здѣсь вышло обстоятельство, сильно огорчившее королеву. Королевскій голецъ везъ съ собою множество шубъ, шубокъ, меховыхъ кофточекъ, муфтъ и теплыхъ шапочекъ. Присылка такихъ вещей королею Маріи-Людвигъ, въ зимнюю стужу, явно показывала ей какъ заботился Владиславъ о своей будущей супругѣ. Съ большой признательностью приняла королева эти подарки; особенно ей понравилась пунцовая бархатная шубка съ золотыми пуговками, подбитая горностаемъ. Едва только королева надѣла на себя шубку, какъ на одномъ изъ ея рукавовъ оказался маленькій билетикъ съ надписью сдѣланной рукою Владислава— „Для пани Экенбергъ“. Королева не безъ изумленія обвела глазами окружавшихъ ея дамъ и кавалеровъ и сбросила съ себя шубку. Вскорѣ злые языки подсказали королевѣ, что та, для которой была назначена эта шубка, была и моложе и пригоже королевы и что ей уже принадлежало сердце Владислава.

Открытіе этой оскорбительной тайны сопровождалось слезами и рыданіями Маріи-Людвики. Король, узнавъ объ этомъ происшествіи, еще болѣе разсердился на пана Криштофа. По мнѣнію короля, подставной супругъ королевы былъ чрезвычайно виноватъ въ томъ, что онъ не сумѣлъ

скрыть грѣшки ея настоящаго мужа. Такое возрѣніе Владислава на обязанность воеводи познанскаго вскорѣ подготовило послѣднему самую жестокою обиду, а обида эта отозвалась впоследствии даже и въ дѣлахъ государственныхъ.

Не зная ничего о гнѣвѣ Владислава, Опалинскій продолжалъ ѣхать въ Варшаву, лаская себя пріятными надеждами на получение двухъ маршалствъ и богатыхъ староствъ. Вскорѣ, однако, панъ Криштофъ разочаровался въ своихъ розовыхъ мечтахъ.

На границѣ владѣній курфирста бранденбургскаго, тогдашняго вассала Польши, встрѣтила Марію-Людвигу торжественная депутація. Съ изумленіемъ увидѣлъ воевода познанскій, что во главѣ этой депутаціи находится, съ маршалскимъ жезломъ въ рукѣ, воевода поморскій Денгофъ, бывший его товарищъ по посольству въ Парижъ и успѣвшій прежде Опалинскаго пріѣхать въ Варшаву. Явившись передъ королевой, Денгофъ подалъ ей свой маршалскій жезлъ, украшенный брилльантами, и сказалъ королевѣ, что хотя званіе маршала ея двора и пожаловано ему королемъ, но что онъ почелъ бы себя еще болѣе счастливымъ, если бы ея величеству угодно было изъ собственныхъ рукъ передать ему знакъ маршалскаго сана.

Побагровѣлъ отъ гнѣва Опалинскій; у него захватило духъ въ ту минуту, когда королева, не знаящая обѣщаній, сдѣланныхъ Владиславомъ Опалинскому, съ благосклонной улыбкой передала маршалскій жезлъ его счастливому сопернику. Ясно было пану Криштофу, что теперь и всѣ прочія обѣщанія короли были ничего болѣе, какъ только пустою приманкой.

Съ большой неохотой провожалъ теперь воевода познанскій свою временную супругу и очень былъ радъ, когда въ Данцигѣ, на смѣну ему, подъѣхалъ братъ Владислава, Кароль. Воевода отъѣхалъ теперь на время въ свое близлежащее имѣніе и только подѣ самой Варшавой присоединился снова къ поѣзду королевы.

Владиславъ успѣлъ между тѣмъ получить разрѣшеніе св отца на совершеніе брака въ теченіе поста, и потому, 11 марта, въ костелѣ св. Яна, папскій нунцій обвинчалъ короля съ Маріей-Людвигой. По случаю поста не было никакихъ празднествъ.

Въ благодарность же за посольство въ Парижъ, король пожаловалъ Опалинскому богатое ковельское помѣстье, въ воеводствѣ волынскомъ, и оставилъ за нимъ староство, принадлежавшее его отцу, и такимъ образомъ щедро вознаградилъ издержки, понесенныя Опалинскимъ во время его посольства. Но не такой награды желалъ воевода познанскій, богатый самъ по себѣ и безъ королевскихъ даровъ. Онъ не могъ простить королю отдачу маршальскаго жезла Денгофу. Оскорбленный магнатъ удалился отъ двора въ свои родовыя помѣстья и поклялся въ душѣ отмстить неблагоприятному Владиславу при первомъ удобномъ случаѣ.

Опалинскій исполнилъ свою клятву.

II.

НИТКА ШЕШУГА.

Еще въ началѣ нынѣшняго столѣтія, въ одной изъ самыхъ живописныхъ мѣстностей Галиціи, стояли темно-красныя стѣны Бѣлокамскаго замка, но обвалившіяся башни и груды кирпичей въ разныхъ мѣстахъ предвѣщали скорое обращеніе этого замка въ совершенныя развалины. Заглохшій садъ, изъ густыхъ вѣковыхъ липъ и высокихъ вѣштановъ, окружалъ замокъ на большомъ пространствѣ. Въ этомъ саду видѣлись еще слѣды цвѣточныхъ клумбъ, расположенныхъ въ видѣ гербовъ и именныхъ шифръ прежнихъ обладателей опустѣлаго замка. Въ ту пору казалось, что сада не расчищали, а строеній не поправляли со времени перваго ихъ владѣльца.

Въ одномъ изъ нижнихъ этажей оставленнаго всѣми замка было небольшое окно съ желѣзной рѣшоткой и съ вывалившеюся рамою. Изъ этого окна вѣяло могильною сыростью, а въ той обширной, со сводами, комнатѣ, которую оно такъ слабо освѣщало, совершилось нѣкогда страшное, кровавое мщеніе.

Лѣтъ за сто назадъ до настоящаго времени Бѣлокам-

скій замокъ принадлежалъ князьямъ Радзивиламъ. Въ немъ жила въ ту пору жена Цароля Радзивила, извѣстнаго во всей Литвѣ и Польшѣ подъ именемъ „Ranie kochanki“. Молодая и красивая собой княгиня была отрасль одного знатнаго, гетманскаго рода: и отецъ и дѣдъ ея были великими гетманами.

Вышедшая неохотно замужъ за Радзивила, княгиня вѣтрено проводила свою жизнь; она безъ устали веселилась въ Варшавѣ при дворѣ Понятовскаго, въ то время когда мужъ ея, отъявленный противникъ офранцузеннаго короля, разбѣжалъ по любимой имъ Литвѣ, готова тамъ недруговъ Станиславу-Августу. Еще болѣе закружилась легкая голова княгини, когда „Ranie kochanki“, преслѣдуемый королемъ, долженъ былъ ухъзть за границу и считаться тамъ, какъ изгнанникъ. Княгиня нисколько не горевала о своемъ мужѣ; была въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ съ главнымъ врагомъ его—съ королемъ, и, какъ говорила молва, передавала даже обворожительному для женщинъ Понятовскому всѣ письма, получаемыя ею отъ князя, въ которыхъ добродушный „Ranie kochanki“ сообщалъ женѣ всѣ свои замыслы, не подозрѣвая ея измѣны.

Наконецъ изгнаніе князя прекратилось и онъ вернулся въ родную Литву. Князь поселился въ любимомъ имъ Несвижѣ, а княгиня между тѣмъ жила въ Бѣловамскомъ замкѣ и ѣздила веселиться въ Варшаву. Вскорѣ дошли до Радзивила положительные слухи о томъ, какъ проводила время его жена, и онъ отправилъ къ ней одного изъ служившихъ при немъ шляхтичей.

Лежація теперь въ развалинахъ стѣны Бѣловамскаго замка были въ ту пору нѣмыми свидѣтелями волокитствъ

п исканій около молодой и хорошенькой женщины, жившей въ разладѣ съ своимъ мужемъ. Онѣ были также свидѣтелями и ея вѣтренности, и ея шалостей, и ея непостоянства. Въ ту пору легко было подслушать въ замкѣ и звонкіе поцѣлуи, и страстный шопотъ, и сдержанные вздохи и веселый смѣхъ беззаботной грѣшницы. Можно было подсмотреть въ ту пору въ Бѣлокамскомъ замкѣ и смущеніе волокитъ, оставшихся ни при чемъ, и торжество счастливецъ, успѣвшихъ овладѣть сердцемъ красавицы. Толпа отборной варшавской молодежи постоянно то вздыхала, то смѣялась около обворожительной вѣтренницы. Нерѣдко въ замкѣ бывали роскошныя пиршества, при громкихъ звукахъ княжеской музыки. На эти пиршества съѣзжалось къ княгинѣ столько гостей, что они занимали не только обширный замокъ, дѣлавшійся тѣснымъ при такихъ наѣздахъ сосѣдей, но и съ трудомъ размѣщались во всѣхъ окрестныхъ избахъ и лачужкахъ.

Въ концѣ одного изъ такихъ пировъ попалъ неожиданно въ Бѣлокамскій замокъ шляхтичъ Чешейко, посланный княземъ къ княгинѣ. Всѣ дороги, шедшія отъ замка, были запружены въ это время гостями, разѣзжавшимися отъ княгини. Между роскошными колымагами и простыми бричками съ трудомъ пробрался Чешейко до воротъ княжескаго замка. Здѣсь встрѣтилъ его старый слуга радзивиловскаго дома и откровенно разсказалъ пріѣзжему шляхтичу о грѣшномъ житьѣ своей пани. Посланный князя крѣпко придумался при этомъ разсказѣ.

Надобно замѣтить, что не только порученіе Радзивила, но и сердце молодаго шляхтича заставило его побывать въ Бѣлокамскомъ замкѣ. Здѣсь при княгинѣ жила хоро-

шенъкая шляхтяночка панна Саломея, на которой хотѣлъ жениться Чешейко и только нужда мѣшала ему достигнуть желаннаго счастья.

Панна Саломея сидѣла за пальцами въ то время, когда въ ея чистую горенку неожиданно подерался Чешейко. Онъ тихо кашлянулъ позади ея, она оглянулась, вскочила, вскрикнула и вспыхнула вся, какъ вспыхиваетъ розовою зарею вечернее небо. Саломея бросилась на шею жениху, начались распросы и отвѣты. Влюбленные не успѣли еще наговориться, когда къ нимъ въ комнату вбѣжалъ запыхавшійся слуга.

— Панна Саломея,—вричалъ онъ,— у тебя есть гость, котораго княгиня сейчасъ же хочетъ видѣть.

— Вѣрно меня зоветъ княгиня, — отозвался Чешейко, и крѣпко поцѣловавъ невѣсту пошелъ слѣдомъ за слугою. Шляхтичъ проходилъ теперь черезъ длинный рядъ обширныхъ покоевъ; толпа прислуги, суетившаяся еще за уборкою множества столовъ, показывала, что княгиня жила безъ мужа среди веселаго и многолюднаго общества.

Приосанившись и поправивъ свои усы, молодой и статный шляхтичъ вошелъ смѣлымъ шагомъ въ богато-убранную опочивальню княгини. Здѣсь княгиня, въ легкомъ полувоздушномъ платьѣ, лежала на софѣ, какъ будто отдыхая послѣ сильной усталости. Привѣтливо она поздоровалась съ вошедшимъ шляхтичемъ и протянула къ нему, для поцѣлуя, свою бѣлую ручку. Желая задобрить мужнинаго посланца, княгиня теперь сама, по своей волѣ, награждала бѣднаго шляхтича такой лаской, которой такъ усильно добивалась у красавицы сама блестящая молодежь Варшавы. При множествѣ безотходныхъ волокитъ около княгини, счи-

талось особеннымъ счастьемъ даже и то, если удавалось иному насладиться поцѣлуемъ ея ручки. Но эта хорошенькая ручка не прельстила молодого шляхтича; онъ стоялъ молча передъ княгиней, покручивая одной рукой свой усъ, и поддерживая другой свою саблю. Казалось, что шляхтичъ вовсе не замѣчалъ привѣтливой ласки, оказанной ему знатною пани.

— Садись здѣсь, подлѣ меня,—нѣжнымъ голосомъ сказала княгиня равнодушному гостю, показывая ему рукою на позолоченное кресло.

Шляхтичъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ впередъ, пристально смотря на княгиню. Ея пышная красота, въ полномъ разгарѣ цвѣтущей молодости, взяла верхъ надъ суровостью шляхтича, онъ не утерпѣлъ, и низко поклонившись княгинѣ, схватилъ ея ручку и невольно, но крѣпко поцѣловалъ ее.

— Ты пріѣхалъ сюда прямо отъ моего мужа? спросила княгиня, насупивъ немножко свои тоненькія брови надъ глазками, покрытыми блестящей паволокой.

— Прямо отъ князя, ясноосвѣщенная пани,—отвѣчалъ отрывисто шляхтичъ, желая со всей неумолимой строгостью исполнить данное ему порученіе, а между тѣмъ безсознательно растерявшійся подъ обаятельнымъ взглядомъ красавицы.

— А что, есть отъ князя письмо?

— Письма отъ князя нѣтъ никакого, онъ далъ мнѣ только одну записочку, да словесныя порученія къ вашей княжеской чести.

— Это значить, что онъ сдѣлалъ тебя своимъ уполномоченнымъ... перебила съ презрительной насмѣшкой кня-

гиня. Нечего сказать, хорошо поступает со мною мой достойный супругъ!... Онъ бросилъ меня на произволъ судьбы, а самъ, какъ говорится, гоняетъ вѣтеръ въ полѣ или веселится напропалую и безъ толку проматываетъ свое состояніе, а между тѣмъ еще сердится на меня за то, что я просила короля назначить надъ нимъ опеку!...

При этихъ словахъ кровь прилила къ лицу честнаго шляхтича. Онъ удержалъ однако порывъ своего гнѣва. Сперва онъ закусилъ губы, а потомъ, спокойнымъ и ровнымъ голосомъ, принялся отвѣчать княгинѣ противъ ея нападокъ на князя.

— Скольбо я могъ замѣтить, — возразилъ шляхтичъ, — супругъ вашей княжеской милости находится въ полномъ разсудѣ, и поэтому никакой опеки учреждать надъ нимъ нѣтъ надобности... Онъ честно служитъ родинѣ своей кровью и, какъ я знаю, готовъ служить ей и послѣднимъ грошемъ, который у него останется послѣ забора его имѣній по королевскому повелѣнію... Самъ же князь вовсе не веселится: ему теперь не до того, но онъ только угощаетъ своихъ пріятелей и гостей, въ благодарность за ихъ доброе расположеніе...

— Хорошъ мой защитникъ и покровитель!... запальчиво перебила княгиня, — онъ даже никогда не бываетъ у себя въ домѣ!

— Бываетъ ли онъ у себя въ домѣ или нѣтъ, это все равно для вашей княжеской милости, сурово замѣтилъ шляхтичъ. Знайте, ясная пани, только одно, что гдѣ бы князь ни былъ, онъ всегда и вездѣ дорожить честью своей супруги, и я пріѣхалъ сюда за тѣмъ, чтобы забрать съ со-

бою того, кто, живя въ здѣшнемъ замкѣ, вредитъ доброй молвѣ о вашей княжеской милости...

Поблѣднѣвшая отъ злобы княгиня вздрогнула и бросила грозный, заискрившійся взглядъ на смѣлаго шляхтича.

— Можетъ быть ты и мнѣ лично привезъ какое нибудь привезаніе?... прерывающимся отъ гнѣва голосомъ спросила княгиня; и въ это время ея высокая грудь то поднималась, то опускалась, подъ легкой, полупрозрачной тканью.

Чешейко молчалъ, смотря не безъ волненія на раздраженную красавицу.

— Что же! говори! настойчиво сказала княгиня.

— Если вашей княжеской милости угодно было самимъ заговорить объ этомъ, то я долженъ передать вамъ желаніе князя, чтобы его супруга, для прекращенія недоброй о ней молвы, немедленно пошла на житье въ монастырь, какъ это обыкновенно дѣлаютъ всѣ наши знатныя пани, когда мужья ихъ отправляются въ далекій походъ...

— Ты забываешь съ кѣмъ говоришь!... съ гнѣвомъ вскрикнула княгиня. — Я дочь и внука гетмановъ, я сама съумѣю сберечь свою честь!...

И княгиня, въ припадкѣ запальчивости, схватилась за хрустальный графинъ.

Чешейко слышалъ уже не разъ о томъ, до какой степени забывалась своенравная княгиня въ порывахъ сильнаго раздраженія. Шляхтичъ смекнувъ, что самая крошечная, самая бѣленькая ручка можетъ въ сердитую минуту хорошо хватить графиномъ по лбу, уклонился немного въ сторону, а княгиня между тѣмъ, опомнившись отъ излишней вспышки, начала наливать изъ графина въ стаканъ воду

и выпила ее до послѣдней капли, желая показать, что она вовсе не думала вооружаться графпномъ.

— Развѣ со мной можно распорядиться такъ, какъ распорядятся съ простой служанкой?... надменно спросила она у шляхтича, оставивъ на него свои большіе, огненные глаза.

— Я не имѣю никакого права разсуждать объ этомъ,— кротко замѣтилъ шляхтичъ, кланяясь почтительно княгинѣ,— мое дѣло—исполнить только приказаніе князя.

— Напередъ однако тебѣ слѣдовало подумать, удастся ли еще исполнить такое приказаніе... перебила княгиня.

— Я думаю, что удастся, спокойнымъ голосомъ возразилъ шляхтичъ, брякнувъ саблей.

— Такъ ты въ самомъ дѣлѣ думаешь, что тебѣ удастся исполнить то, зачѣмъ ты сюда присланъ?—съ гордостью и съ изумленіемъ спросила княгиня, и ея громкій, судорожный смѣхъ раздался на всю комнату.—Нѣтъ этого никогда не будетъ!.. добавила она, топнувъ о коверъ своей маленькой ножкой и погрозивъ шляхтичу бѣленькимъ пальчикомъ.

Шляхтичъ не возражалъ ничего; онъ только самоуверенно поглядывалъ на княгиню.

— Повѣрь, что ни ты, ни князь ничего мнѣ не могутъ сдѣлать: у меня найдутся заступники,—проговорила княгиня послѣ нѣкотораго молчанія.

Затѣмъ она прошлась нѣсколько разъ по комнатѣ, въ сильномъ волненіи; потомъ остановилась передъ уборнымъ столикомъ и взяла съ него небольшой ящичекъ, обтянутый пунцовымъ бархатомъ. Княгиня открыла ящикъ и подъ ея тоненькими пальцами заблестѣли, заискрились и радушно заиграли крупные брильянты. Съ этимъ ящичкомъ въ одной

руку подошла княгиня къ Чешейко, а другую руку положила она ему на плечо.

— Ты долженъ знать, мой милый, — сказала она ему своимъ серебристымъ и вкрадчивымъ голосомъ, — ты долженъ давно знать, что силой со мной ничего не сдѣлаешь и что со мной можно сладить только уступчивостью. Разсуди самъ хорошенько — къ чему можетъ повести насъ домашняя ссора?... Если я уйду въ монастырь, то развѣ будетъ честь князю за то, что онъ одолѣлъ слабую, беззащитную женщину? Сообрази самъ и то, какая будетъ при этомъ польза и тебѣ самому?... Чѣмъ можетъ наградить тебя князь, если въ скоромъ времени онъ самъ, какъ изгнанникъ, лишится всего и останется безъ куска хлѣба?... Вѣдь ты знаешь, что у него уже отняты всѣ его литовскія имѣнія за возстаніе противъ короля...

— Все это я очень хорошо знаю, ваша княжеская милость, твердымъ голосомъ отвѣчалъ шляхтичъ, но не смотря на это я все-таки до конца хочу остаться вѣрнымъ своему доброму пану.

— Это очень похвально, — съ живостью и досадою перебила княгиня, — но вспомни, однако, что панна Саломея, которую ты такъ любишь, никогда не пойдетъ замужъ за такого бѣдняка, каковъ ты... Что у тебя есть?...

— Я и самъ не захочу заставить ее дѣлать мою нужду, и до тѣхъ норъ я не женюсь на ней, пока кое-какъ не устроюсь.

— Вотъ видишь!... съ радостью подхватила княгиня, и съ этими словами она вынула изъ ящичка нить чуднаго жемчуга ослѣпительной бѣлизны и распустила эту нить пе-

редь глазами шляхтича.—Ты знаешь этот жемчуг! спросила она Чешейко.

— Знаю; это наследственная драгоценность княжескаго рода Радзивиловъ, и она не должна никогда и ни въ какомъ случаѣ выйти изъ него... Впрочемъ, добавилъ шляхтичъ, вынимая изъ шапки доскутокъ сложенной бумаги,—вмѣстѣ съ порученіями, уже переданными вашей княжеской чести, я имѣю еще приказаніе князя—взять отъ васъ этотъ жемчугъ;—и съ этимъ словомъ онъ подавъ княгинѣ довѣренность князя на получение наследственнаго сокровища.

Княгиня взяла записку мужа, а между тѣмъ шляхтичъ протянулъ руку къ жемчугу и выхватилъ нить изъ рукъ княгини. Княгиня крикнула въ ужасѣ, увидя, что она лишилась самой главной драгоценности. Шляхтичъ не обратилъ никакого вниманія на крикъ княгини и спокойно положилъ за пазуху драгоценную вещь, съ тѣмъ, чтобъ немедленно отвезти ее къ князю. Княгиня съ изумленіемъ смотрѣла на Чешейко, который, почтительно поклонясь ясновельможной хозяйкѣ, вышелъ изъ ея опочивальни, попросивъ княгиню увѣдомить князя о томъ, что она уже передала жемчугъ его посланному.

Заискрились глаза молодой женщины и задрожали ея розовыя ноздри по выходѣ Чешейки.

— Теперь ты пропалъ, безумецъ!... проговорила она съ какой-то дикой радостью, разорвавъ въ мелкіе кусочки записку князя о выдачѣ жемчуга его повѣренному.—Ты узнаешь что значить оскорблять женщину и отнимать у нея того, кого она любитъ!...

Княгиня кликнула Саломею и приказала ей позвать, какъ можно скорѣе, пана Кулешу.

Черезъ нѣсколько минутъ, въ спальню княгини вошелъ, въ попыхахъ, чрезвычайно красивый и статный мужчина, который, какъ гласила молва, пользовался особеннымъ и притомъ постояннымъ расположеніемъ молодой княгини. Она извѣняла всѣмъ своимъ любимцамъ, кромѣ одного пана Кулеша.

Спустя немного времени послѣ этого выѣхалъ изъ Бѣлокамскаго замка Чешейко, радуясь тому, что онъ успѣлъ по крайней мѣрѣ исполнить хоть одно порученіе своего пана, нигдѣ дѣло съ такой неуступчивой и вспыльчивой пани, какова была княгиня. Чешейко надѣялся получить отъ князя новыя наставленія и въ скоромъ времени опять побывать въ замкѣ и исполнить приказаніе на счетъ выпроводовъ оттуда Кулеша.

Прощаясь съ своимъ женихомъ, пани Саломея дала ему поцѣловать одну ручку, а другою благословила его, желая отворотить отъ него своимъ благословеніемъ всякую бѣду и напасть. Теперъ Чешейко ѣхалъ, опустивъ поводья, и думалъ о своей хорошенькой невѣстѣ.

Долго послѣ отъѣзда Чешейки толковали между собою, при запертыхъ на задвижку дверяхъ, княгиня и ея любимецъ. Когда же окончилась эта задушевная бесѣда, то доврѣнный княгини опрометью побѣжалъ внизъ.

— Только, ради Бога, будь осторожниѣе, — кричала ему вслѣдъ умоляющимъ голосомъ княгиня. Онъ, какъ видно, человѣкъ отчаянный!... Будетъ защищаться упорно...

Выбѣжавъ во дворъ, Кулеша созвалъ всѣхъ слугъ и торопливо началъ отдавать приказанія. Во всемъ замкѣ поднялась ужасная тревога: шумѣли, суетились, кричали, сѣдлали лошадей и заряжали ружья. Казалось, что въ замкѣ

ожидали нападенія сильнаго непріятеля. Когда же все было готово, то панъ Кулеша, съ обнаженною саблею, сѣлъ на коня.

— Гей, хлопцы!... За мной!... крикнулъ онъ громко и съ этими словами пустился по дорогѣ, по которой ѣхалъ Чешейко; а слѣдомъ за Кулешой помчались казаки.

Говоръ и шумъ продолжался однако въ замкѣ и послѣ этого. Среди общаго переполоха всѣ громко говорили о томъ, что пріѣзжавшій отъ князя шляхтичъ укралъ у княгини нить жемчуга, которая имѣла неимовѣрную цѣну.

Скоро панъ Кулеша съ своими казаками нагналъ Чешейко. Обороняться было некогда, да при томъ повѣренный князя не чувствовалъ за собою никакой вины. Спустя нѣсколько часовъ везли Чешейко въ Бѣлокамскій замокъ связаннаго по рукамъ и ногамъ. Шляхтичъ лежалъ теперь въ бричѣ, а подлѣ нея, съ молодецкой осанкой, ѣхалъ Кулеша, держа въ рукѣ драгоценную нитку жемчуга, которая, въ присутствіи казаковъ, какъ свидѣтелей, была найдена за пазухой у Чешейки.

— Я не хочу мстить ему сама, — сказала съ презрительнымъ равнодушіемъ княгиня, принимая жемчугъ изъ рукъ Кулешы, — но я не желаю однако оставить безъ наказанія его низкій поступокъ: пускай судъ опредѣлитъ ему наказаніе...

По приказанію княгини было сдѣлано въ трибуналь надлежащее повѣщеніе о поступкѣ Чешейки, а между тѣмъ бѣдный, ни въ чемъ невиноватый шляхтичъ былъ посаженъ въ подвалъ Бѣлокамскаго замка.

Ужаснулась панна Саломея, когда узнала, что женихъ ея обвиненъ въ кражѣ; бѣдная дѣвушка не выдержала этого удара и впала въ страшную горячку. Скоро начался надъ

Чешейкой судъ. Законы польскіе не давали потачки ворами и мошенникамъ, а между тѣмъ никакія оправданія Чешейки не принимались въ уваженіе, потому что улики въ кражѣ были очевидны и бѣдняга былъ приговоренъ къ отсѣченію головы. Узнавъ объ этомъ приговорѣ, княгиня распорядилась, чтобъ ея служанки спили для приговореннаго къ казни смертельную рубашку. Заливаясь слезами и громко рыдая исполнили онѣ приказаніе своей жестокосердой госпожи. Какъ помѣшанная смотрѣла на все это панна Саломея, не сознавая ясно того что вокругъ нея дѣлалось.

Когда окончательно состоялся смертный приговоръ, то нужно было привести его въ исполненіе; во всемъ околоткѣ нельзя было найти палача. Какъ ни былъ преданъ княгинѣ ея любимый наперстникъ, панъ Кулеша, но онъ какъ шляхтичъ не могъ взяться за ремесло палача. Пошли искать охотника по окрестнымъ деревнямъ, но ни одинъ крестьянинъ не хотѣлъ сдѣлаться палачомъ, хотя тому, это вызвался бы отрубить голову Чешейко, предлагалось, за это, увольненіе отъ барщины на всю жизнь. Наконецъ, не въ близкомъ отъ замка мѣстечкѣ, выискался одинъ какой-то мясникъ, который, подъ пьяную руку, и отхватилъ въ темномъ подвалѣ голову несчастному шляхтичу...

Послѣ погибели жениха, панна Саломея ушла въ какой то далекій монастырь и вскорѣ замолебъ на вѣки въ Бѣлокамскомъ замкѣ слухъ о бѣдной дѣвушкѣ...

Польское правительство, до котораго дошла вѣсть о кровавой расправѣ съ Чешейко, приказало, по просьбѣ его родственниковъ, какъ можно строже изслѣдовать это темное дѣло. Княгинѣ и ея любимцу начинала теперь грозить нешуточная опасность, но обстоятельства измѣнились въ

ихъ пользу, потому что въ это время австрійскія войска заняли Галицію и здѣсь начался новый порядокъ...

Княгиня поспѣшила въ Вѣну и тамъ стала посѣщать безпрестанно дворцовую капелу. Богомольную императрицу поразила необыкновенная набожность молодой женщины. Вскорѣ пришло изъ Вѣны приказаніе—прекратить всѣ розыски о смерти Чешейки, а спустя нѣсколько времени, на плечѣ преступницы - богомолки заблестали брильянтовые знаки ордена Маріи Терезіи.

Судьба однако покарала княгиню. Разведшись съ княземъ, она вышла потомъ замужъ за какого то бездомнаго француза, и въ глубокой старости эта представительница знаменитаго гетманскаго рода, отвергнутая всѣми, скиталась около Бѣлокамскаго замка, питаясь скуднымъ подаяніемъ.

III.

Вывозъ родственниковъ.

Въ одномъ изъ значительныхъ польскихъ мѣстечекъ былъ храмовой праздникъ. Множество разныхъ колпаковъ, бричекъ и повозокъ загромождали большую костельную площадь, обсаженную высокими пирамидальными тополями. Въ мѣстечко съѣхались на праздникъ и богатые паны съ ихъ многочисленною челядью; сюда добрался также на своей маленькой телѣжкѣ и сосѣдній мужичокъ съ женой, у которой, по случаю праздника, былъ надѣтъ на головѣ шелковый платочекъ, а на шеѣ висѣли янтарныя бусы. И мужъ и жена ѣхали на праздникъ, сидя въ телѣжкѣ на большой вязанкѣ льна, который былъ бѣлъ какъ снѣгъ и который они везли ксендзу, какъ церковную десятину. На возу сидѣли съ отцомъ и съ матерью ихъ пухленькія, розовыя дочки.

Толпы набожныхъ пѣшеходовъ валили гурьбой въ мѣстечко. Въ мѣстечкѣ же на рыночной площади стоялъ

рядъ толстыхъ столбовъ; у каждаго изъ столбовъ, соединенные между собою близкимъ родствомъ, небогатые шляхтичи привязывали своихъ лошадей и никто изъ постороннихъ не смѣлъ прикоснуться къ такому столбу, назначенному только для известнаго семейства.

Послѣ обѣдни, шляхтичи, прихожане и всѣ почетные гости были запрошены на обѣдъ къ отцу-плебану, передъ домомъ котораго, подъ яснымъ лѣтнимъ небомъ, расположилось множество народа, весело проводя время.

Между собравшимися у отца-плебана сосѣдами шелъ обычный разговоръ о погодѣ, о носѣвахъ и о разныхъ случаяхъ, бывшихъ недавно въ околodкѣ.

— А что жъ, панъ Матеушъ, когда же поѣдешь получить наслѣдство?.. спросилъ какой-то старичокъ одного, очень скромно, но чисто одѣтаго шляхтича, бывшего въ числѣ гостей.

— А вотъ Господь Богъ дастъ, такъ и выберусь недѣльки черезъ три, — отвѣчалъ смиренно тотъ, къ кому относился этотъ вопросъ. Еще не всѣ нужныя бумаги успѣлъ подобрать.

Панъ Матеушъ пріятно улыбнулся. Самыя отрадныя мечты промелькнули въ его головѣ, подъ длиннымъ чубомъ; на которомъ пробивалась уже сѣдина.

Между тѣмъ гости, по приглашенію радушнаго хозяина, принялись за закуску. Разговоръ дѣлялся и шумѣе, и веселѣе, и оживленнѣе. Толковали о разныхъ разностяхъ, но всего чаще затрогивали гости пана Матеуша Буйницкаго, добродушно подшучивая надъ тѣмъ, что онъ, послѣ своей поѣздки въ замокъ своего соименника, каштеляна Буйницкаго, сдѣлается богатымъ и могущественнымъ магнатомъ.

Замѣтно было, что этого рода шутки не только что не обижали бѣднаго шляхтича, но что, напротивъ, онѣ радовали его.

— Сибѣйтесь, сибѣйтесь, думалъ про себя панъ Матеушъ, а послушаемъ что заговорите вы, когда во мнѣ на самомъ дѣлѣ перейдетъ все огромное богатство каштеляна.

Долго продолжался пиръ у отца-псѣбана. Наконецъ гости, поблагодаривъ хозяина за угощеніе, отправились по домамъ. вмѣстѣ со всѣми поѣхалъ, въ своей простой одноконной бричкѣ, и панъ Буйницкій. Спустя же дней десять по возвращеніи съ праздника, панъ Матеушъ, на той же самой саврасой лошаdkѣ и въ той же самой бричкѣ, отправился въ далекій путь, въ замокъ каштеляна Буйницкаго.

Панъ Владиславъ Буйницкій, каштелянъ сановскій, владѣтель Буйничковъ, Овражковъ, Наровча и другихъ огромныхъ помѣстій, считался во всемъ своемъ окологдѣ первымъ паномъ. Жилъ онъ въ обширномъ старинномъ замкѣ, ѣздилъ на сеймики и сеймы въ сопровожденіи множества прислуги и сторонниковъ, которыхъ онъ, какъ бы ихъ много ни было, угощалъ на серебряной и золотой посудѣ. Всѣ сенаторы и самъ король, Янъ-Казиміръ, заискивали добраго расположенія у богатаго магната. Къ нему то и пробирался теперь его однофамилецъ, со множествомъ разныхъ бумагъ, тщательно зашитыхъ въ грубую холстину и запрятанныхъ за пазуху подъ кунтушемъ.

Панъ каштелянъ, не смотря на свою знатность и на свои несмѣтные богатства, не былъ однако доволенъ судьбою. Не радовался онъ и тому, что около него разцвѣтало шесть прехорошенькихъ дочерей, которыя рѣзвились около него, какъ рѣзвятся пестрыя бабочки. Тяжелыя и груст-

ныя думы постоянно одолевали могущественнаго каштеляна. Съ грустью провѣждалъ онъ по своимъ обширнымъ владѣніямъ, подумывая о томъ, что все это раздѣлится на части послѣ его смерти и что скоро въ его родной сторонѣ угаснетъ на вѣки знаменитое имя Буйницкихъ.

Желая имѣть наслѣдниковъ этого имени, панъ Буйницкій еще въ молодыхъ годахъ женился на бѣдной дѣвушкѣ, происходившей, впрочемъ, изъ славнаго рода. Каштелянъ, повидимому, былъ очень счастливъ въ супружеской жизни, потому что Богъ послалъ ему жену кроткую, благоразумную и привязанную къ нему всѣмъ сердцемъ. Меньше чѣмъ черезъ годъ она родила ему дочь. Насупился панъ Буйницкій при этой вѣсти; но дѣлать было нечего, и онъ пышно справилъ крестины новорожденнаго ребенка.

Прошелъ еще годъ. Съ нетерпѣніемъ ждалъ панъ Буйницкій, кого подарить ему супруга — сына или дочь, и крѣпко огорчился онъ, когда узналъ, что въ замкѣ его явилась на свѣтъ новая дѣвочка. Минулъ еще годъ — и у пани Буйницкой родилась опять дочь; — не вытерпѣлъ мужъ и принялся журить жену, зачѣмъ она не даритъ ему сына. Въ слѣдующемъ году прибыла пану четвертая дочь — и онъ разсердился до такой степени, что даже не захотѣлъ взглянуть на новорожденную малютку. Спустя годъ, новая прибавка въ семействѣ Буйницкаго — и опять дочь. Вспылилъ каштелянъ, обманувшись въ своей надеждѣ имѣть наслѣдника, и приказалъ отправить ребенка, вмѣстѣ съ мамкой, на фольварокъ.

Въ теченіе слѣдующаго года панъ каштелянъ, смотря на свою все болѣе и болѣе полнѣвшую супругу, предавался самымъ радостнымъ мечтамъ. Онъ воображалъ какъ будетъ

ласкать маленькаго сына, какъ онъ выростеть и будетъ славнымъ наѣздникомъ и лихимъ рубакой, какъ онъ женить сына, какъ у него пойдутъ внуки и какъ такимъ образомъ, на долго, если не до конца міра, будетъ продолжаться древній родъ каштеляна.

Обманчивы были однако надежды тщеславнаго пана, потому что когда явился у него въ домѣ седьмой младенецъ, то оказалось, что вмѣсто ожидаемаго сына послалъ Господь каштеляну еще новую дочь. Не вытерпѣлъ этого обманувшійся отецъ; онъ заскрежеталъ отъ гнѣва зубами, схватился въ отчаяніи за голову и приказалъ новорожденное дитя отправить въ дальнюю деревню и тамъ воспитывать ее, какъ простую крестьянку.

Между тѣмъ время шло своимъ чередомъ; каштелянъ и его супруга старѣли, а дочери ихъ росли и хорошѣли. Умилостивившійся каштелянъ вернулъ въ свой замокъ двухъ послѣднихъ дочерей, высланныхъ имъ изъ его дома; но все же онъ не любилъ своей семьи такъ, какъ онъ любилъ бы ее, если бы среди ея выросталъ наслѣдникъ его имени и его богатства. Особенно доставалось за дочерей бѣдной супругѣ. Раздраженный каштелянъ постоянно укорялъ ее за то, что она произвела столько дочерей, какъ будто она въ самомъ дѣлѣ была виновата въ томъ, что не имѣла сына.

Досадуя на жену, каштелянъ сталъ подумывать, что не худо бы было развестись съ нею и жениться на другой, чтобы хоть этимъ способомъ добыть себѣ наслѣдника. Но какъ онъ ни ломалъ голову надъ тѣмъ, чтобы выискать или выдумать какую нибудь причину къ разводу, онъ не могъ ничего придумать, такъ какъ сожительница его была

женщина безукоризненная во всѣхъ отношеніяхъ и представляла собою образецъ всѣхъ супружескихъ добродѣтелей. Суетный каштелянъ не унимался однако; онъ попросилъ-было заикнуться о разводѣ передъ епископомъ, но правдивый и строгій пастыръ не только что далъ ему хорошій духовный нагоняй за его грѣшныя разсчеты, но и погрозилъ еще ему Божіей карой, если только онъ позволитъ себѣ обидѣть ни въ чемъ не виноватую супругу.

Послѣ этого каштелянъ оставилъ мысль о разводѣ. Боязнь несчастій въ земной жизни и страхъ адскихъ мукъ въ будущей отбили у набожнаго пана мысль о разводѣ, и онъ сталъ добывать себѣ наслѣдника другимъ способомъ. Онъ призывалъ къ себѣ на совѣтъ и лекарей, и ученыхъ и знахарей, и бабъ, слывшихъ въ народѣ ворожеями и колдуньями. Онъ ѣздилъ съ женою на богомолье по разнымъ монастырямъ, молился, постился, раздавалъ убогимъ щедрую милостыню и дѣлалъ богатые вклады по разнымъ костеламъ. Ничего однако не помогало.

Каштелянъ тужилъ невыносимо, а между тѣмъ время шло своимъ чередомъ, дочери каштеляна росли и годъ отъ году становились все краше и краше.

— Постой же,—подумалъ панъ Буйницкій въ одну изъ самыхъ тяжелыхъ минутъ,—построю я на свой счетъ церковь, а подлѣ нея монастырь и поселю въ немъ святыхъ отшельниковъ... Даю также Всевышнему обѣтъ, — добавилъ съ набожнымъ чувствомъ каштелянъ, — что если у меня послѣ этого родится сынъ, то я всѣхъ моихъ дочерей отдамъ въ монастырь, пусть молятся онѣ за того, кто будетъ продолжать нашъ знаменитый и древній родъ!..

Въ скоромъ времени съѣхались въ замокъ каштеляна

лучшіе архитекторы и живописцы; долго толковалъ онъ съ ними о томъ, какъ бы великолѣпнѣе и богаче построить храмъ и монастырь во славу Божию. Когда же художники рѣшили этотъ вопросъ, то по близости замка закипѣла дѣятельная работа: толпы каменщиковъ, плотниковъ, маляровъ и штукатуровъ безостановочно трудились надъ постройкою церкви и обширныхъ монастырскихъ зданій. Каштелянъ не жалѣлъ ничего, и такъ какъ, не смотря на все его богатство, у него не хватило разомъ наличныхъ денегъ на такіе огромные расходы, то онъ заложилъ два помѣстья и продолжалъ строить монастырь на занятыя деньги.

На другой годъ, среди темной зелени сосноваго лѣса, бѣлѣлись уже высокія башни костела и стѣны монастырскихъ зданій. Когда же все было готово, то самъ мѣстный епископъ освятилъ новый костель. Въ твердой надеждѣ имѣть наслѣдника своего имени и своихъ богатствъ, каштелянъ отпраздновалъ освященіе храма съ необыкновеннымъ великолѣпіемъ. Съѣхавшіеся въ замокъ гости не могли надивиться огромности костела, его яркой позолотѣ и множеству рѣзныхъ и лѣпныхъ украшеній, исполненныхъ съ большимъ вкусомъ и необыкновеннымъ изяществомъ. Спустя годъ въ новоотстроенномъ монастырѣ поселились монахи кармелитскаго ордена. Строитель монастыря, надѣливъ братію угодьями, лѣсами и рыбными ловлями, поставилъ имъ въ непремѣнную обязанность, чтобы они и день и ночь молили Господа Бога о дарованіи ему сына.

Прошло еще нѣсколько времени, но ожиданіе каштеляна не исполнилось. Онъ уже не совсѣмъ благосклонно началъ посматривать на святыхъ отцовъ, приписывая свой неуспѣхъ ихъ не слишкомъ усерднымъ молитвамъ и понуждалъ

ихъ молиться и почаще и по-дольше и по-прилежнѣе.

Нельзя описать гнѣва каштеляна, когда послѣ самыхъ сладкихъ его надеждъ и даже заготовленія колыбельки съ гербами его фамиліи для новорожденного сына, у него родилась восьмая дочь. Задыхался отъ злости обманувшійся каштелянъ; онъ не взглянулъ даже на свою дочь и приказалъ отправить малютку на самый отдаленный фольварокъ, съ тѣмъ чтобы никогда не смѣли даже говорить о ней въ его присутствіи.

Истощивъ всѣ усилія для того, чтобы видѣть своего наслѣдника, каштелянъ наконецъ убѣдился, что онъ навѣки лишентъ этого счастья; тѣмъ не менѣе онъ все таки не отставалъ отъ мысли—продолжить какъ нибудь мужское колѣно своего рода. Теперь каштелянъ засѣлъ надъ гербовниками и кипой фамильныхъ бумагъ. Съ большимъ напряженіемъ перечитывалъ онъ и гербовники и бумаги, желая найти гдѣ нибудь отрасль своего рода съ представителемъ ея по мужскому колѣну.

— Пусть бы только найти мнѣ какого нибудь пана Буйницкаго нашей древней крови, — разсуждалъ самъ съ собою каштелянъ, — и будь онъ хоть старъ, хоть уродъ, хоть нищъ, хоть валека, но я предоставлю ему выбрать въ жены любую изъ моихъ дочерей. Пусть женится на ней и продолжаетъ наше знаменитое имя... Что за бѣда если мой дальній родственникъ и однофамилецъ принадлежитъ къ самой убогой шляхтѣ: у меня много богатства и я его сейчасъ сдѣлаю знатнымъ паномъ... Мнѣ только нужна настоящая кровь Буйницкихъ!..

Какъ однако ни рылся каштелянъ въ гербовникахъ и въ пыли домашняго архива, онъ все таки никакъ не могъ

напасть на такіе слѣды, которые указали бы на существованіе мужской отрасли его рода въ Польшѣ или Литвѣ. Суетный каштелянъ доходилъ до отчаянія и рѣшительно не зналъ что ему дѣлать.

— Настоя же я на своемъ!—сказалъ онъ въ припадкѣ сильного гнѣва, ударивъ кулакомъ по столу,—во чтобы то ни стало, а я достану себѣ пана Буйницкаго!..

Спусти нѣсколько дней послѣ этого, изъ замка каштеляна выѣхали во всѣ стороны нарочные гонцы. Одинъ изъ нихъ поѣхалъ отыскивать какого-нибудь пана Буйницкаго въ Мазовіи, другой въ Куавіи, третій на Волини, четвертый на Подолѣ, пятый въ Литвѣ.

Съ нетерпѣніемъ ожидалъ теперь каштелянъ возврата своихъ посланныхъ, подумывая о томъ, какого-то они привезутъ ему родственника. Уже нѣсколько гонцовъ возвратились въ замокъ и донесли каштеляну, что несмотря на всѣ свои усилія они не могли отыскать его родственника и однофамильца. Съ горестью покачивалъ каштелянъ головою, выслушивая эти недобрыя вѣсти.

Однажды, когда онъ въ глубокой задумчивости сидѣлъ у окна, поглядывая на заходившее солнце и думая о томъ, что вскорѣ, подобно солнцу, угаснетъ и его знаменитый родъ, онъ увидѣлъ, что во дворъ замка въѣзжалъ какой-то бѣдный шляхтичъ на саврасой лошадеѣ, запряженной въ простую бричку. Шляхтичъ смѣло подѣхалъ къ самому крыльцу замка, слѣзъ съ брички и взомель на крыльцо. Каштелянъ подивился такой безцеремонности бѣднаго гостя въ домѣ богатаго пана. Но удивленіе каштеляна обратилось въ восторгъ, когда вбѣжавшій къ нему въ комнату слуга громко крикнулъ:

— Панъ Матеушъ Буйницкій, вельможный родственникъ ясневельможнаго пана каштеляна, прїѣхалъ къ его милости, нашему пану!..

Обрадованный каштелянъ обезумѣлъ отъ неожиданной радости. Крѣпко онъ обнялъ и чуть не задушилъ въ своихъ объятіяхъ желаннаго гостя, которымъ каштелянъ дорожилъ теперь до такой степени, что тотчасъ же приказалъ снять съ его брички колеса, разобрать гати, сломать мосты и перекопать дороги, опасаясь чтобы драгоценный гость не уѣхалъ какъ нибудь изъ его замка, не порѣшивъ дѣла о продолженіи его знаменитаго рода.

Нужно ли говорить о томъ, какъ угощалъ каштелянъ пана Матеуша, который не могъ надивиться великолѣпнѣю замка, множеству слугъ и громадѣ золотой и серебряной посуды. Бѣдный шляхтичъ не могъ дать себѣ о своемъ положеніи никакого отчета, когда каштелянъ, рассказавъ ему о всѣхъ своихъ богатствахъ, объявилъ, что всѣ они перейдутъ къ нему, если только онъ захочетъ жениться на одной изъ дочерей каштеляна. Все что видѣлъ и слышалъ теперь панъ Матеушъ ему казалось какимъ-то волшебнымъ сномъ, и онъ каждую минуту боялся, чтобы не пробудиться отъ этого чудеснаго сна.

— Старовать онъ для моихъ дочерей,—думалъ про себя каштелянъ, смотря на своего соименника, у котораго во время неблизкой дороги успѣла уже показаться щетинистосѣдоватая борода,—да это ничего, дѣти все-таки будутъ!.. Ну, дорогой мой родственникъ,—сказалъ каштелянъ, обращаясь къ пану Матеушу, — примемъ теперь за дѣло и посмотримъ отъ какой линіи нашего рода явился ты на свѣтъ...

Шляхтичъ вынулъ изъ-за пазухи привезенныя имъ бумаги и положилъ ихъ на столъ передъ каштеляномъ, который сталъ перечитывать ихъ съ чрезвычайнымъ любопытствомъ. Панъ Матеушъ, не безъ сильнаго біенія сердца, внимательно слѣдилъ за каждымъ движеніемъ своего будущего тестя.

— А это, братъ, что значить?... спросилъ вдругъ суровымъ голосомъ каштелянъ, и съ этими словами онъ грозно посмотрѣлъ на шляхтича. У послѣдняго дрогнули отъ страха колѣни.

— Какъ же ты можешь происходить изъ того же рода Буйницкихъ, изъ котораго происхожу я, если мой родъ еще за полтора ста лѣтъ раздѣлился на отрасли, которыя теперь уже угасли, а между тѣмъ изъ этихъ бумагъ видно, что предки твои за сто-восемьдесятъ лѣтъ владѣли такимъ помѣстьемъ, котораго никогда въ нашемъ родѣ не бывало... Ты не нашей крови!.. громко крикнулъ каштелянъ, швырнувъ въ сторону всѣ бумаги, представленныя ему его именемъ.

Оробѣвшій панъ Матеушъ хотѣлъ было пуститься въ объясненія.

— Гей, люди! крикнулъ взбѣшенный каштелянъ, — взять этого самозванца и отсчитать ему пятьдесятъ бато-говъ!..

Приказаніе пана было исполнено въ точности. Всѣ золотыя мечты разлетѣлись въ пыль и прахъ въ головѣ бѣднаго шляхтича...

Спустя нѣсколько часовъ онъ тянулся обратно домой на своей саврасой лошаденѣ, съ трудомъ пробираясь по разобраннмъ гатямъ, сломаннымъ мостамъ и перерытымъ

дорогамъ, проклиная и свою поѣздку и радушную встрѣчу каштеляна, вслѣдствіе которой не было теперь проѣзда по дорогѣ.

Забилось радостью сердце шляхтича, когда онъ наконецъ увидѣлъ вдалекѣ родную соломенную кровлю. Ему представилась его прежняя тихая жизнь—безъ роскоши, и безъ пышности, но за то не лишенная отрады и довольства, и теперь онъ даже порадовался въ душѣ, что не состоялась его свадьба съ дочерью надменнаго каштеляна.

— Что сдѣлалъ бы со мной, — подумывалъ не безъ ужаса шляхтичъ, — если бы и у меня, какъ у него, не было сыновей?... и холодная дрожь пробирала пана Матеуша при этой мысли.

Заговорили всѣ въ окологдѣ о пріѣздѣ пана Буйницкаго.

— Ну что? — спрашивали его при встрѣчѣ сосѣди, — устроилось дѣло?..

— Нѣтъ не совсѣмъ еще, — неохотно отзывался шляхтичъ, при грустныхъ воспоминаніяхъ объ исходѣ своей поѣздки.

— А что же...

— Нашлись другіе, ближайшіе родственники... бормоталъ себѣ подъ носъ панъ Матеушъ.

— А много ихъ?...

— Да я насчиталъ ихъ до пятидесяти, отвѣчалъ шляхтичъ, вспоминая невольно о числѣ батововъ, отпущенныхъ ему каштеляномъ...

IV.

Князь Юсифъ Яблоновскій.

Въ Польшѣ существуютъ двѣ фамиліи Яблоновскихъ: одна герба Гржимала, другая герба Прусъ III; родоначальники обѣихъ фамилій дѣлаются извѣстными въ началѣ XVI столѣтія; значеніе же въ Польшѣ той фамиліи Яблоновскихъ, къ которой принадлежалъ князь Юсифъ, начинается со второй половины XVII вѣка, именно съ великаго короннаго гетмана Станислава-Яна, женатаго на Маріаннѣ Казановской и бывшаго другомъ и сподвижникомъ короля Іоанна Собѣскаго.

Внукъ Станислава-Яна, Юсифъ Яблоновскій, обладавшій огромными богатствами, извѣстенъ какъ человекъ ученый и писатель, но не смотря на эти качества онъ отличался необыкновенными причудами. Юсифъ Яблоновскій родился въ 1711 году, и 16 апрѣля 1743 года, находясь польскимъ посломъ въ Регенсбургѣ, получилъ отъ германскаго императора княжеское достоинство Римской Имперіи, а впослед-

ствѣи и орденъ Золотога Руна. По смерти Августа III онъ записался въ число кандидатовъ на польскій престолъ, но встрѣтилъ неудачу и, по избраніи въ короли Станислава Понятовскаго, уѣхалъ въ Лейпцигъ и тамъ посвящалъ свое время литературѣ и ученымъ изысканіямъ, учреждалъ преміи и конкурсы, раздавалъ писателямъ золотыя медали, печаталъ ихъ сочиненія на свой счетъ, кормилъ, поилъ и одѣвалъ ихъ; но соскучившись на чужбинѣ онъ возвратился на родину и началъ вести жизнь чудака.

По прїѣздѣ въ свое имѣніе Ляховицы, онъ выстроилъ посреди бѣ большого пруда на островѣ великолѣпный домъ, или, вѣрнѣе сказать, огромный укрѣпленный замокъ. Ни одно окно этого замка не выходило на очаровательныя окрестности Ляховицъ, но всѣ были обращены во внутрь на дворъ. Подражая примѣру владѣтельныхъ особъ, князь устроилъ въ этомъ замкѣ аудіенцъ-залу, окружилъ себя войскомъ, образовалъ кругомъ себя многочисленный дворъ, въ составѣ котораго были шамбеляны, то-есть камергеры, разставилъ пушки на валахъ кругомъ замка и жилъ тамъ долгое время, не имѣя ни въ комъ надобности. Но крѣпко сжалось сердце Яблоновскаго, когда однажды онъ встрѣтилъ необходимость обратиться съ просьбою къ бывшему своему сопернику тогдашнему королю Станиславу Понятовскому, и жестокой ударъ былъ нанесенъ самолюбію князя, когда просьба его осталась безъ исполненія. Раздраженный Яблоновскій приказалъ вынести портретъ короля изъ своихъ комнатъ и въ наказаніе повѣсить его въ караулнѣ. Вѣсть объ этомъ дошла до короля, который наслышавшись о странностяхъ Яблоновскаго, сдѣлалъ видъ, будто ничего не знаетъ о нанесенномъ ему оскорбленіи. Тогда Яблоновскій рѣшилъ

ся пойдти на мировую и написалъ къ королю письмо, въ родѣ извиненія въ своемъ поступѣ. Король отвѣчалъ на письмо князя такъ: „Зная вашу умъ и ваше сердце, я былъ увѣренъ, что вы, размысливъ о вашемъ поступѣ, вѣрно сами будете жалѣть о немъ. Портретъ мой, повѣшенный по приказанію вашему въ караульнѣ, могъ замараться, поэтому посылаю вамъ новыи, весьма-похожіи, для того, чтобы онъ напоминалъ вамъ меня.“

Въ сношеніяхъ своихъ съ лицами, которыя были ему обязаны, Яблоновскій обнаруживалъ доброе сердце, не отказывалъ никому, кто просился къ нему въ службу, и если кто-нибудь изъ служившихъ у него навлекалъ на себя неудовольствіе князя, то онъ запрещалъ виновному являться къ нему иногда въ продолженіе нѣсколькихъ дней, иногда недѣль, а иногда и мѣсяцевъ, отправлялъ его на одинъ изъ своихъ фольварковъ и самъ записывалъ день высылки и срокъ, на который виновный былъ имъ удаленъ.

Между тѣмъ во все это время онъ безпрестанно спрашивалъ окружающихъ его: „Что подѣлываетъ такой-то? вѣроятно онъ сильно тоскуетъ? да, да, прибавлялъ онъ, какое ужасное наказаніе не видать моего лица!“

Послѣ опредѣленнаго срока виновный былъ возвращаемъ въ замокъ князя, выслушивалъ его наставленія, послѣ чего въ награду за наказаніе, которое лишало высланнаго возможности видѣть лице князя, онъ получалъ пару коней или нѣсколько десятковъ червонцевъ. Такой способъ взыскапія вскорѣ всѣмъ понравился, и служившіе при князѣ, сговорившись между собой, устраивали дѣло такъ, что всѣ поочередно подвергались его гнѣву.

Но въ припадкахъ вспыльчивости князь наказывалъ такъ

же свою любимую дочь Теофилию, посылая ее подъ арестъ въ караульню, гдѣ княжеская милиція стояла на часахъ; туда же отправлялъ онъ и тѣхъ изъ своихъ гостей, кто нарушалъ или установленный имъ этикетъ, или, по обычаю Рѣчи Посполитой, позволялъ себѣ обходиться съ нимъ за пани-брата.

Но самымъ торжественнымъ днемъ, въ который князь являлся во всемъ своемъ величїи, былъ день его именинъ, день Св. Іосифа, или Юзефа; день этотъ былъ также днемъ хозяйственныхъ распоряженій, потому что тогда отдавались имѣнія въ аренду, и получались съ нихъ доходы, и всѣ жившіе во владѣніяхъ князя прїѣзжали къ нему съ поклономъ.

Вотъ какъ проходилъ этотъ день въ Ляховицахъ: въ двѣнадцать часовъ утра князь, богато одѣтый, украшенный всѣми своими орденами, являлся въ аудіенцъ-залу, окруженный шамбелянами, толпою прислуги и pontificaliter, какъ выражались поляки, садился на кресло, обитое бархатомъ, украшенное золотыми галунами и стоявшее на возвышенїи, подъ богатымъ балдахиномъ. Шляхта и арендаторы, разрядившись кто какъ могъ, собирались къ этому времени въ сосѣдней залѣ и послѣ доклада особо о каждомъ, они поодиночкѣ допускались на аудіенцію къ князю. Каждый изъ арендаторовъ обязанъ былъ принести слѣдующую съ него за аренду годовую плату въ мѣшкѣ, и три раза низко поклонившись князю и поздравивъ его съ днемъ ангела въ самыхъ торжественныхъ и напыщенныхъ выраженїяхъ, клалъ къ подножію его сѣдалища мѣшокъ съ деньгами. Исполнившій этотъ обрядъ отходилъ въ сторону и оставался въ аудіенцъ-залѣ до тѣхъ поръ, пока всѣ не оканчивали своихъ поздравленій князю.

Отъ исполненія этого обряда не была освобождена и жена князя, рожденная княжна Воронцева. По окончаніи поздравленія князь - воевода (онъ былъ воевода новогрудскій) въ сопровожденіи всѣхъ прибывшихъ къ нему лицъ отправлялся въ каплицу, гдѣ торжественно съ музыкой совершалась обѣдня, послѣ чего онъ съ тою же пышностью возвращался въ свои покои.

Затѣмъ слѣдоваль обѣдъ. Князь, не желая стать и въ этотъ день вровень съ кѣмъ бы то ни было, уходилъ въ кабинетъ, а въ смежной съ кабинетомъ огромной залѣ былъ приготовленъ столъ для гостей, къ числу которыхъ принадлежала и княгиня. Въ кабинетѣ князь обѣдалъ одинъ, и двери въ залу были заперты; онъ отворялись настежь только въ то время, когда приходила пора пить за здоровье именинника. Тогда при звукахъ музыки, громѣ пушекъ и кликахъ „вивать“! гости входили въ кабинетъ воеводы и пили за его здоровье, а онъ самъ выпивалъ огромный кубокъ въ честь своихъ гостей. Послѣ этого гости выходили, и двери кабинета плотно запирались за ними.

Послѣ обѣда князь изъ принесенныхъ ему дукатовъ дѣлалъ свитки разной величины и, окончивъ эту работу, выходилъ другими дверьми кабинета въ танцевальную залу. Гости, извѣщенные о его выходѣ, отправлялись туда же, конечно, на-веселѣ, а князь, сидя у столика, заваленнаго свитками червонцевъ, раздавалъ ихъ дѣтямъ, говорившимъ ему поздравленія, а они въ знакъ благодарности цѣловали его руку.

Послѣ этой раздачи начинались танцы; въ нихъ принималъ участіе и самъ воевода, если онъ былъ въ хорошемъ расположеніи духа. Вечеръ заключался иллюминаціей и

фейерверкомъ. Разумѣется, что гости изподтишка посмѣивались надъ чудакомъ-хозяиномъ, но тѣмъ не менѣе на каждомъ шагу оказывали ему глубочайшее уваженіе, что весьма льстило его самолюбію.

Приближаясь къ старости, воевода дѣлался страннѣе и страннѣе; часто, раздѣвшись до рубашки, но за то надѣвъ всѣ свои ордена и ленты, онъ прохаживался въ комнатѣ, увѣшанной зеркалами и разсуждалъ самъ съ собою о своемъ величій, умѣ, знатности и талантахъ.

Часто слышали, какъ онъ разговаривалъ самъ съ собою такъ: „Кто я такой? князь?—князь, но этого мало! Король польскій?—король польскій, но и этого мало! Епископъ и кардиналъ?—епископъ и кардиналъ, но и этого мало! Императоръ римскій?—императоръ римскій, но и этого мало! Папа?—папа, но и этого мало, да и вообще нѣтъ такого высококаго сана, который бы соотвѣтствовалъ моему достоинству.“

Но разъ случилось вотъ что: одинъ изъ молодыхъ прислужниковъ князи, замѣтивъ подобныя его разсужденія, забрался въ каминъ, и когда воевода предложилъ себѣ вопросъ: „Кто я?“ раздался громкій и страшный голосъ: „Дуракъ, дуракъ и больше ничего!“ Испуганный князь выскочилъ изъ замка во дворъ и увидѣвъ на крышѣ трубочиста, принялъ его за чорта и закричалъ часовому: „Стрѣлай въ этого чорта, стрѣлай!“ Часовой исполнилъ приказаніе воеводы, и несчастный трубочистъ былъ застрѣленъ. Тогда обрадованный князь закричалъ: „Пусть же и черти научатся какъ должно уважать меня!“

Между тѣмъ прислужникъ успѣлъ выскочить изъ комнаты и сохранялъ это происшествіе въ тайнѣ до самой смерти

князя, для котораго оно было поводомъ къ увеличенію его гордости, потому что онъ, не смотря на свой природный умъ и образованіе, любилъ говорить о томъ, какъ онъ за неуваженіе къ себѣ велѣлъ застрѣлить чорта, и чрезвычайно сердился, если кто нибудь выражалъ сомнѣніе въ истинѣ этого разсказа.

Не смотря на свои странности, Яблоновскій былъ любимъ всѣми за его готовность помогать бѣднымъ и за уклоненіе отъ всякихъ тяжбъ и ссоръ. Онъ умеръ 1 марта 1777 г. Изъ сочиненій его нѣкоторыя были напечатаны въ Лейпцигѣ, въ томъ числѣ и „L'Empire des Sarmates“, заслужившее въ то время похвальные отзывы, но большая часть его ученыхъ трудовъ осталась въ рукописяхъ.

V.

Охота на волра.

Длинной и широкой полосой тянулись въ былое время за лѣвымъ берегомъ Вислы къ подножьямъ Карпатовъ Придольскіе лѣса. Прорѣдѣли они потомъ, но все же и теперь еще представляютъ мѣстами густую, а иногда и непроходимую чащу. Мало въ глубинѣ этой чащи просторныхъ тропинокъ, только въ недалекомъ разстояніи отъ опушки лѣса извиваются онѣ какъ змѣйки, то перекрещиваясь, то расходясь во всѣ стороны, то теряясь въ густой травѣ и плотной поросли, то исчезая на выползшихъ изъ земли и обнаженныхъ корняхъ вѣбовыхъ дубовъ и сосенъ. Пуста и безмолвна эта лѣсная глубь, изрѣдка развѣ забредетъ въ нее окольный крестьянинъ для поживы хворостомъ, да промелькнетъ среди зелени и древесныхъ стволовъ охотникъ, отыскивая лося или берлогу залегшаго вблизи медвѣдя.

Если бы иной мечтатель захотѣлъ лѣтнею порою по-

бродить въ этихъ лѣсахъ, то навѣрно ихъ тишина, ихъ свѣжесть и живописная ихъ прелесть навѣяли бы на него поэтическія думы и чудныя грезы; но не легко бы выбрался онъ изъ чащи на какую нибудь поляну, долго бы пришлось ему кружиться на одномъ и томъ же мѣстѣ, и не разъ попадался бы онъ въ такую труппу, въ которой, быть можетъ, до него никогда еще не ступала нога человѣка.

Въ иномъ мѣстѣ, среди этихъ вѣковыхъ лѣсовъ, медленно струящійся ручей неожиданно пересѣкаетъ и безъ того уже трудно проходимую тропинку. За ручьемъ на большомъ пространствѣ тянется вязкая топь, а между тѣмъ нѣтъ ни мостика, ни жердочки; идти дальше нельзя; а по свѣже-содранной корѣ съ близъ-стоящаго дерева видно, что еще очень недавно посѣтилъ это затишье медвѣдь, котораго, чего добраго, снова заманить сюда чутье лакомой добычи.

Невольно, въ тяжеломъ раздумьи останавливается здѣсь прохожій и дрожащимъ голосомъ шепчетъ усердную молитву, а вечерняя заря быстро гаснетъ на верхушкахъ деревьевъ и подходящія уградкой сумерки наполняютъ лѣсъ сгущающеюся мглою. И вотъ въ памяти одинокаго прохожаго оживаютъ всѣ страшныя преданія и всѣ суевѣрные рассказы объ этомъ таинственномъ борѣ. Счастливъ онъ, если засвѣтло успѣетъ напасть на слѣды человѣка, который проходилъ прежде него въ этой пущѣ и былъ такъ остороженъ, что войдя въ нее дѣлалъ топоромъ зарубки на деревьяхъ, чтобы потомъ съ помощью этихъ мѣтокъ, выбратъся изъ незнакомой дебри.

Изрѣдка небольшая поляна пересѣкаетъ сплошную гущу лѣса. Пустынно, но вмѣстѣ съ тѣмъ весело разстилается

эта поляна зеленымъ ковромъ, испещреннымъ дивными цвѣтами. И почему-то становится жаль помять ногою эту густую, высокую траву и эти простенькіе цвѣты, выросшіе въ такомъ привольѣ. Иногда на этой полянѣ видѣется хата пасѣчника съ нѣсколькими десятками ульевъ, и тогда тишина нарушается жужжаньемъ пчелъ, которое, долетая до слуха прохожаго, кажется ему то гуломъ неопредѣленныхъ, далекихъ звуковъ, то людскимъ безпкойнымъ говоромъ.

Старый пасѣчникъ давнымъ давно поселился въ этой глуши и полюбилъ ее такъ сильно, что не промѣнялъ бы ея ни на блестящую Варшаву, ни на шумные города Польши, ни на суетливыя ея мѣстечки, въ которыхъ, съ утра до поздней ночи, снуютъ и копошатся евреи.

Не смотря на уединенную жизнь пасѣчника, его хорошо знаютъ всѣ окольные крестьяне; онъ слыветъ у нихъ за знахаря; и дѣйствительно, старику извѣстны и вредныя, и цѣлебныя силы лѣсныхъ травъ и кореньевъ; онъ заговариваетъ ужаленныхъ змѣями; онъ умѣетъ за нѣсколько дней угадать погоду и ненастье; онъ лечитъ всѣхъ и каждого отъ разныхъ тѣлесныхъ недуговъ, а молодыхъ и отъ сердечныхъ зазнобъ. Старику твердо знаетъ всѣ извилистыя тропинки лѣса и, какъ носится молва, можетъ показать тѣ мѣста, гдѣ зарыты богатые клады. Но старику пасѣчнику не говорливъ, отъ него ничего не добыешься.

Въ прорѣдахъ лѣса видѣется иногда приземистый шалашъ, который кажется служить скорѣе притономъ дикому звѣрю, нежели убѣжищемъ человѣку. Въ этомъ жалкомъ шалашѣ поселился на лѣтнюю пору забредшій откуда-то еврей; онъ жжетъ уголья и гонитъ смолу, онъ трудится

безъ устали день и ночь, но недоувѣрчивая молва отзывалась о немъ по-своему: одни рассказываютъ, что будто бы этотъ исхудалый бѣднякъ оберегаетъ несмѣтныя сокровища, запрятанныя въ лѣсу давнымъ-давно, когда на польскомъ престолѣ сидѣла Ядвига съ Ягелло. Другіе говорятъ, что онъ, забравшись въ дремучій лѣсъ, поддѣлываетъ монету. Бѣднякъ знаетъ недобрую молву; онъ и самъ, какъ вѣжета, не доувѣряетъ никому и съ трусливымъ безпокойствомъ оглядываетъ тѣхъ, которые проходятъ мимо его шалаша.

Зимою снѣгъ заноситъ и лѣсныя тропинки, и поляны; тяжелыми хлопьями ложится онъ на раскидистыя вѣтви сосенъ. Въ эту пору, чарующая лѣтняя прелесть лѣса замѣняется печальной сонливостью; здѣсь нѣтъ уже душистой свѣжести, здѣсь не слышно веселаго щебетанья птицъ, и не носятя рои игривыхъ мошекъ; все притихло, все мертво, и только иногда на бѣлой пеленѣ снѣга видѣются слѣды пробѣжавшаго волка.

Эти дремучіе, пустынные лѣса служили не разъ убѣжищемъ для окрестныхъ жителей, когда военная гроза гремѣла надъ Польшей...

Невдалекѣ отъ этихъ лѣсовъ, лѣтъ полтораста тому назадъ, стоялъ на пригорѣѣ пышный замокъ воеводы Ильговскаго. Много видѣлъ на своемъ вѣку панъ Ильговскій, много повоевалъ онъ и побывалъ въ разныхъ земляхъ и потомъ на старости лѣтъ пріѣхалъ отдохнуть въ своемъ наслѣдственномъ замкѣ, и любимой его забавой была охота въ сосѣднихъ, дремучихъ пущахъ.

Воевода былъ вдовъ и приближался къ могилѣ съ печальною мыслью, что со смертію его угаснетъ родъ Иль-

говскихъ, такъ честно и доблестно служившій отчислѣ въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ.

Наступала осень, а съ нею подходилъ и день св. Андрея, именины пана воеводы; набожный и богатый Ильговскій всегда съ большою торжественностію праздновалъ день своего патрона, а на этотъ разъ ему почему-то хотѣлось отпраздновать свои именины съ большею пышностію, нежели въ прежніе годы. Къ этому дню въ замокъ воеводы должно было съѣхаться множество гостей изъ близкихъ и далекихъ сторонъ; для нихъ приготовлялись всевозможные запасы въ несмѣтномъ количествѣ. Не говоря уже объ огромныхъ бочкахъ прадѣдовскаго венгерскаго вина и столѣтняго меда, въ замкѣ воеводы, для угощенія прѣзжихъ, было назначено: полсотня воловъ, стадо барановъ, двадцать лосей, десять вепрей и безчисленное количество зайцевъ и рыбъ. Еще за три недѣли до съѣзда гостей, всѣ окрестныя мельницы принялись махать крыльями и шумѣть колесами, заготовляя муку, а изъ близкихъ прудовъ и дальнихъ озеръ таскали безпрестанно невода, наполненные множествомъ разныхъ рыбъ. Огромныя залы замка, оставшіяся обыкновенно запертыми въ теченіе цѣлаго года, были теперь открыты, и многочисленная прислуга хлопотливо сметала пыль, покрывавшую стѣны этихъ залъ и насѣвшую толстымъ слоемъ на богатое ихъ убранство, а также уставляла въ столовой бочки съ серебряными и даже золотыми обручами, наполненныя дорогимъ венгерскимъ. Кравчій воеводы, занимавшійся разстановкою бочекъ, особенно заботился о томъ, чтобы онѣ были размѣщены по старшинству лѣтъ надитаго въ нихъ вина.

За нѣсколько дней до св. Андрея потянулись къ замку

со всѣхъ сторонъ щегольскія колымаги и простыя телѣжки, наполненныя родственниками, друзьями и знакомыми Ильговскаго. Число гостей не могло затруднить воеводу, богатя помѣстья котораго раскидывались безъ перерыва въ длину почти на тридцать въ ширину слишкомъ на двадцать миль, и у котораго въ подвалѣ замка, за желѣзными дверями и крѣпкими запорами, стояли боченки серебра и золота.

Воевода, какъ мы сказали, былъ бездѣтенъ, и потому множество близкихъ и дальнихъ родныхъ, и съ отцовской, и съ материнской, и даже съ жениной стороны, съ нетерпѣніемъ выжидало кому-то онъ откажетъ свое громадное богатство. Всѣ родственники наперерывъ одинъ передъ другимъ увивались около старика, и каждый изъ нихъ, рассчитывая быть единственнымъ наслѣдникомъ, не безъ злобы посматривалъ на своихъ соперниковъ.

Но кромѣ родственниковъ, панъ-воевода былъ окруженъ еще толпой чужой ему молодежи изъ шляхты; не одного уже голыша-шляхтича вывелъ онъ въ люди или надѣлилъ достаткомъ, за то, что тотъ служилъ ему вѣрой и правдой и отличался удалью и отвагой. Но никто однако изъ всей молодежи, жившей въ замкѣ богатаго пана, не пользовался въ такой степени его любовью, какъ пользовался ею панъ Яцекъ Илиничъ, статный и красивый юноша. Для него было пустяки — вскочить на степнаго, неукротимаго скакуна, и черезъ нѣсколько времени обратить его въ трусливаго барана; не стоило ему большаго усилія вышибить изъ сѣдла однимъ ударомъ своего противника; онъ считалъ забавой встрѣчу съ неприятелемъ втрое сильнѣйшимъ. Но не одной только удалью отличался панъ Яцекъ,

онъ и въ мазуркѣ былъ первый, и всѣ заглядывались на него, когда онъ пускался въ плясъ, подхвативъ пригожую паненку.

Старикъ Илиничъ владѣлъ въ сосѣдствѣ съ воеводой маленькой наслѣдственной деревней. Когда Яцекъ подростъ, Илиничъ привелъ сына въ замокъ Ильговскаго и, поклонившись старостѣ, сказалъ:

— Отдаю вашей вельможной милости моего сына, онъ у меня одинъ только и есть. Малый онъ расторопный и не заставитъ краснѣть за себя своего отца; но я человекъ небогатый, такъ пусть мой сынъ послужитъ ясновельможному пану и научится въ его домѣ, какъ быть угоднымъ Господу Богу и людямъ.

Молодой Илиничъ исполнилъ волю отца. Онъ вѣрно служилъ своему покровителю, и панъ-воевода полюбилъ его, какъ сына; окольная молодежь признавала превосходство Илинича и льнула къ нему со всѣхъ сторонъ, а старики, поглядывая на Яцека, нерѣдко говаривали между собою: „Что если бы такихъ молодцовъ было у насъ побольше?“ Дѣвушкамъ вѣрно нравился Яцекъ и, бывало, только лишь онъ замолвить съ одной изъ нихъ словечко или ловко прислужится, какъ она вся зардѣетъ и сама не знаетъ что и какъ отвѣчать ему.

Только родственники воеводы косо поглядывали на его любимца и Богъ вѣсть что толковали о немъ за-глаза; но такъ какъ онъ вѣжливо обходился съ ними, не хвастаясь передъ ними особеннымъ расположеніемъ къ себѣ магната, то и они смягчались, спрашивая самихъ себя: да за что намъ сердиться на этого молодого человѣка? И только мысль о томъ, что Илиничъ можетъ быть ихъ соперникомъ по наслѣдству, снова заставляла ихъ хмурить лбы и почесывать затылки.

Старикъ Ильговскій до такой степени привязался къ молодому Илиничу, что при немъ одномъ веселѣть, смѣялся и шутилъ, а безъ него большею частію былъ ворчливъ и пасмуренъ. Иной, пожалуй, на мѣстѣ Илинича, пользуясь такимъ удобнымъ случаемъ, поворотилъ бы,—какъ говорятъ поляки,—воду къ своей мельницѣ; но не такого десятка былъ Яцекъ. У него было одно желаніе — угодить своему покровителю, да полюбить отъ всей души какую нибудь хорошенькую сосѣдку, жениться на ней, вскормить дѣтокъ, пожить, сколько приведетъ Господь Богъ, и потомъ улечься съ миромъ на родномъ кладбищѣ, подъ высокимъ крестомъ и тѣнистой осокорью.

Изъ числа гостей, прежде всѣхъ пріѣхавшихъ на именины воеводы и желавшихъ раннимъ пріѣздомъ выразить ему особенное уваженіе, были два брата каштеляничъ *), Пѣшковскіе, и Янъ Кмита, сынъ воеводы. Всѣ они приходились Ильговскому не слишкомъ далекими родственниками. Они-то, какъ ходила молва въ околоткѣ, и старались больше всѣхъ о томъ, какъ бы каждому изъ нихъ захватить въ одиночку все богатство Ильговскаго или, по крайней мѣрѣ, только между собою подѣлить послѣ него наслѣдство, отстранивъ прочихъ соперниковъ. Впрочемъ, не объ одномъ этомъ думалъ Янъ Кмита; онъ разсчитывалъ и на то еще, что ему удастся понравиться восемнадцатилѣтней черноокой Вандѣ, дочери и богатой наслѣдницѣ подкоморія **) Дембинскаго, одного изъ ближайшихъ сосѣдей воеводы.

*) Дѣти каштеляна. Каштеляны въ эту эпоху были сенаторами, и въ военное время начальствовали надъ ополченіемъ извѣстнаго участка.

**) Званіе подкоморія при дворѣ королевско-польскомъ соотвѣствовало званію камергера.

— Не долго ждать, думалъ Кмита: — по всей вѣроятности воевода скоро отправится на тотъ свѣтъ... Я сдѣлаюсь богатымъ паномъ, посватаюсь къ Вандѣ, а Илиничу скажу, безъ дальнихъ околичностей: подальше отсюда, любезный, ищи себѣ невѣсты попроще; а на магнатскую дочь не заглядывайся!...

Ярко и безоблачно садилось солнце, обливая золотисто-багрянымъ свѣтомъ башни Придольскаго замка и предвѣщая на завтра хорошую погоду. Дворъ замка наполнялся все болѣе и болѣе колымагами, такъ какъ гости непрерывно сѣзжались въ будущемъ имениннику. Хозяинъ стоялъ на порогѣ своего жилища и привѣтливо встрѣчалъ прїѣзжавшихъ. Вотъ наконецъ въ разволоченной и обитой бархатомъ колымагѣ подкатилъ къ крыльцу замка и панъ-подкоморій Дембинскій съ своей дочерью, Вандой. Поцѣловавъ въ лобъ воеводу, Ванда украдкой пробѣжала своими черными глазами по толпѣ молодежи, окружавшей хозяина замка, но среди толпы не было того, кого она искала. Ванда замѣтно взгрустнула и призадумалась.

Въ это время на дворѣ замка слышались звуки охотничьихъ роговъ. Обширные залы замка опустѣли въ одно мгновеніе, всѣ кинулись въ дверь, чтобы взглянуть на охотниковъ, вѣзжавшихъ въ ворота замка. Впереди охотниковъ ѣхалъ молодой Илиничъ на отличномъ гнѣдомъ конѣ, который фыркалъ и извивался подъ лихимъ наѣздникомъ. Илиничъ былъ одѣтъ въ зеленый чекмень, черезъ плечо висѣлъ у него мѣдный рогъ и барсучья торба, съ разными принадлежностями для охоты. Винтовка была приторочена

къ сѣдлу, а рядомъ съ нею висѣлъ въ кожаныхъ ножнахъ большой охотничій кинжалъ.

Ильговскій поспѣшилъ на встрѣчу къ Илиничу, который, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ воеводы удержавъ коня, проворно соскочилъ съ сѣдла, отдалъ поводья конюху и снявъ шапку поклонился хозяину и всѣмъ гостямъ. Потомъ быстро взглянулъ онъ на крыльцо, гдѣ стояли дамы и дѣвицы и гдѣ онъ ожидалъ увидѣть Ванду. Илиничъ не ошибся, и влюбленные помѣнялись другъ съ другомъ такими взглядами, которые были понятны ей и ему.

— Ну что же, Яцекъ, какъ ты сегодня охотился? спросилъ, входя на крыльцо замка, воевода Илинича, который noctительно слѣдовалъ за нимъ.

— Не хорошо, очень не хорошо, грустно отвѣчалъ Илиничъ: — вепрь ушелъ изъ нашихъ рукъ, а что еще хуже, онъ сильно изуродовалъ старика Бартоша и положилъ на мѣстѣ четырехъ гончихъ.

— Видно онъ хочетъ, чтобы я самъ на старости лѣтъ пошелъ противъ него?—проговорилъ Ильговскій, и при воспоминаніи о былой удали ярко блеснули подъ сѣдыми бровями большіе, темно-сѣрые глаза Ильговскаго, которые онъ пристально уперъ въ лицо Илиничу. Молодой человѣкъ въ сильномъ смущеніи опустилъ свой взглядъ, точно стыдясь какого-то непохвального поступка. — Въ мое время, продолжалъ старикъ:—высмѣяли бы такихъ охотниковъ, у которыхъ изъ-подъ носу убѣгаютъ вепри; право, имъ не дали бы нигдѣ проходу.

Илиничъ растерялся въ конецъ, но потомъ, оправившись немного, сказалъ твердымъ голосомъ:

— Правда ваша, ясневельможный; хоть я сегодня и

удачно поохотился на оленей и зайцевъ, но жалѣю, что мнѣ не пришлось положить къ ногамъ вашей милости вепря; надѣюсь однако, что если встрѣчу его завтра, то онъ уже не уйдетъ отъ меня...

— Ты мнѣ это повторяешь, мой любезный, каждый день, проговорилъ воевода:—а не забудь, однако, что черезъ два дня будутъ мои именины. Приѣдетъ ко мнѣ мой старый пріятель, каштелянъ Завиходскій, да и спроситъ: Ну, пріятель, а гдѣ же вепрь? Вѣдь стыдно будетъ и тебѣ, и мнѣ; право, намъ обоимъ будетъ стыдно, да еще какъ! Ей, господа! кликнулъ громко панъ Ильговскій:—объявляю вамъ, что тотъ изъ васъ, кто завтра убьетъ въ Придольской пущѣ вепря, будетъ наслѣдникомъ всего моего имѣнія.

Шопотъ изумленія пробѣжалъ въ толпѣ молодежи, и многіе изъ среды ихъ какъ-то недовѣрчиво посмотрѣли на воеводу.

— Я говорю, началъ еще громче староста: — что тотъ изъ васъ, кто убьетъ завтра вепря, будетъ наслѣдникомъ всего моего имѣнія, и кромѣ того... добавилъ панъ Ильговскій, взглянувъ пристально на Ванду.

Щечки Ванды вспыхнули яркимъ румянцемъ, а молодой Иленичъ посмотрѣлъ на дѣвушку такъ, какъ будто хотѣлъ сказать ей:

— Я знаю, Вандочка, о чемъ идетъ дѣло; не бойся, никому не уступлю тебя.

Никто однако не отвѣтилъ на вызовъ магната. Быть можетъ, въ толпѣ молодежи и не было трусовъ, но никто не рѣшался похвастаться заранѣе, что пойдетъ на такое предпріятіе, которое большею частію оканчивалось смертью удалца, такъ какъ, при несовершенствѣ огнестрѣльнаго

оружія, въ ту пору легко было промахнуться по вепрю или только ранить разсвирѣпѣвшее животное, съ которымъ послѣ неудачнаго выстрѣла приходилось бороться въ плотную.

— Что вы, господа, заговорилъ съ усмѣшкою воевода:— развѣ нѣтъ теперь въ Польшѣ такихъ молодцовъ, которые пошли бы на вепря даже такъ себѣ, изъ одной только охоты и безъ предложенной мною награды?

Молчаніе продолжалось, никто не хотѣлъ быть высочкой.

— Что же, господа, вы молчите? спросилъ панъ Ильговскій.—Кто же отправится завтра на вепря?

— Я!.. рѣзко проговорилъ панъ Кмита, выступая впередъ.

— Мы!.. закричали въ одинъ голосъ братья Пѣшковскіе.

— Я! Я! Я! раздавалось отовсюду.

Кто бы въ то время взглянулъ на Ванду, тотъ замѣтилъ бы ея печаль и смущеніе. Опустивъ голову и свѣсивъ внизъ на шелковую тѣань своего платья сложенные ручки, она стояла неподвижно, ожидая услышать голосъ Илиннича; но Илинничъ стоялъ молча, скрестивъ на груди руки и думая о томъ, что кстати ли будетъ отнимать у другихъ то имѣніе, которое ему не принадлежитъ, и при томъ за такое дѣло, на какое онъ отважился бы и безъ всякой награды. Но вотъ онъ вспомнилъ недоговоренныя слова воеводы и пристальный взглядъ Ильговскаго на молодую дѣвушку. Воспоминаніе это задѣло за живое Илиннича, который теперь въ душѣ боролся съ самимъ собою.

— Что же ты, мой любезный Яцекъ, ничего не гово-

ришь? спросил воевода, подойдя къ Илиничу и дружески положивъ руку на его богатырское плечо.

— Я не пойду завтра на охоту, проговорилъ не совсѣмъ внятно Илиничъ.

— Это почему?... вскрикнулъ изумленный старикъ, отскочивъ на нѣсколько шаговъ отъ Илинича.

— Потому что тамъ будетъ идти дѣло не о доставленіи тебѣ удовольствія, а о наслѣдствѣ послѣ вашей милости.

— Ну, не сердись, сказалъ улыбаясь Ильговскій: — еслибъ я зналъ, что ты такъ обидчиво примешь мое предложеніе, то я лучше бы согласился отказаться отъ вепря.

— Но мы безъ тебя не пойдемъ на охоту!—отозвалось вдругъ нѣсколько голосовъ изъ толпы молодежи, любившей Илинича.

— Тебѣ, панъ Илиничъ, вмѣшался отецъ Ванды, — не слѣдуетъ отказываться отъ предложенія пана-воеводы.

Яцекъ еще колебался и украдкой посматривалъ въ ту сторону, гдѣ стояла Ванда; ея черные глаза были устремлены теперь на Илинича, она, казалось, просила его не отказываться отъ участія въ охотѣ.

— Видить Богъ,—проговорилъ съ жаромъ Илиничъ, обращаясь къ Ильговскому,—что я не хочу домогаться твоего богатаго наслѣдства; и если завтра пойду на охоту, то потому только, что это угодно твоей милости!

Стоявшій сзади Илинича панъ Кмита насупилъ брови и сильно дернулъ за руку своего соперника.

— Кто тебѣ позволяетъ оскорблять насъ? высокомерно сказалъ панъ Кмита,—не забывай, любезный, что въ числѣ насъ есть близкіе родственники его милости, пана воеводы; а ты ему что?...

— Я не оскорбляю никого, твердо, но не грубо отозвался Илинничъ,—а до родственниковъ пана-воеводы мнѣ нѣтъ никакого дѣла; если же тебя оскорбили мои слова, то моя сабля дастъ тебѣ удовлетвореніе.

Панъ Кмита поблѣднѣлъ и съ замѣтной злобой, крутя свой усъ, готовился отвѣчать что-то Илиннику.

— Полноте, полноте, господа! примиряющимъ голосомъ заговорилъ панъ Ильговскій, становясь между соперниками,— поберегите вашу храбрость на завтра, а теперь возьмемся лучше за кубки и выпьемъ за успѣхъ завтрашней охоты. А ты, Яцекъ, добавилъ воевода, обращаясь къ Илиннику,— прикажи, чтобъ къ утру все было готово, какъ слѣдуетъ. Посмотрите-ка, господа, какъ великолѣпно сѣло солнце, нѣтъ ни облачка; пожалуй ночью будутъ заморозки, охота будетъ славная, такая что и мы, старики, не усидимъ дома за печкой... Да быть можетъ, и мои дорогія гости захотятъ посмотрѣть нашу охоту, добавилъ Ильговскій, обращаясь къ дамамъ,—статься можетъ, что онѣ пожелають поздравить того, кто останется побѣдителемъ. Не такъ ли, милостивыя пани?

— Хорошо, очень хорошо, мы согласны завтра ѣхать на охоту,—заговорили въ одинъ голосъ всѣ гости.

Молчала одна только Ванда.

— Вели же, Яцекъ, приготовить къ завтрашнему дню шатры на Волчьей Горѣ, сказалъ панъ-воевода Илиннику,— съ этой горы, я думаю, все будетъ видно, если только намъ удастся выгнать вепря изъ чащи. Впрочемъ ты самъ умѣешь отлично распорядиться, не тебя мнѣ учить. Нужно только подумать о томъ, чтобы наши гости встали завтра раньше

солнышка и птичекъ. Теперь прикажи, панъ-маршалокъ*), добавилъ Ильговскій, обращаясь къ одному изъ окружавшихъ шляхтичей,—протрубить сборъ.

По знаку, данному маршалкомъ, загремѣли трубы. Хозяинъ предложилъ свою руку гостѣ, старѣйшей и по лѣтамъ, и по званію, каждый изъ гостей послѣдовалъ его примѣру, взявъ подъ руку даму и попарно за хозяиномъ пошли въ столовую.

Нечего, кажется, и говорить, что въ одной изъ паръ были Ванда и Илиничъ.

— Желаю тебѣ успѣшно охотиться завтрашній день, съ волненіемъ прошептала дѣвушка, склоняясь нѣсколько къ плечу Илинича.

— О, я и самъ желалъ бы этого, отозвался съ глубокимъ вздохомъ Яцекъ.

— Я предчувствую, что охота тебѣ удастся; я буду молиться Богородицѣ, чтобы она помогла тебѣ,—тише прежняго пролепетала Ванда.

Звуки трубъ и литавръ, раздавшіеся въ это время съ такимъ громомъ, что, казалось, отъ нихъ дрожали стѣны замка, заглушили отвѣтъ Илинича, который слегка пожалъ руку молодой дѣвушки.

Гости вошли въ столовую. Стѣны этой залы и полу-круглый сводъ ея потолка были сѣроватаго цвѣта. На стѣнахъ было развѣшано дорогое оружіе и разныя охотничьи принадлежности, въ перемежку съ оленьими и буйволовыми

*) Въ домахъ богатыхъ польскихъ пановъ дворяне, завѣдывавшіе разными увеселеніями, назывались маршалками. Уменьшительное отъ слова: маршалъ.

рогами, а также портретами давнихъ владѣльцевъ Придольскаго замка и гербами какъ ихъ фамиліи, такъ и тѣхъ фамилій, которыя были съ ними въ родствѣ. Въ простѣнкахъ же между оконъ и по бокамъ дверей были сдѣланы дубовыя полки, уставленныя горами серебряной и золотой посуды.

Гости усѣлись по старшинству кругомъ столовъ, загроможденныхъ разными кушаньями. Начался продолжительный ужинъ и послѣ десятаго блюда пошелъ ходить между гостями круговой кубокъ; при питьѣ изъ этого кубка начались громкіе виваты въ честь гостей и хозяина, а среди виватовъ слышались поцѣлуи, шутки, остроты и разныя пожеланія. По всему замку разносились веселые клики, смѣхъ и говоръ, и долго бы еще продолжался пиръ, если бы заботливый хозяинъ не напомнилъ гостямъ, что завтра еще до разсвѣта они должны будутъ отправиться на охоту.

Предсказаніе старобы на счетъ погоды сбылось какъ нельзя лучше: золотистые лучи утренней зари быстро разогнали ночную мглу, и порѣдѣвшій туманъ бѣлыми клубами разстился по землѣ, обѣщая прекрасную погоду. Заря гасла, между тѣмъ дневной свѣтъ приливалъ все сильнѣе и сильнѣе, и казалось, что вотъ сейчасъ изъ-за ближняго лѣса выйдетъ солнышко во всемъ своемъ величїи и утреннемъ блескѣ; однако обитатели замка предупредили его ранній восходъ.

Едва только началъ рѣдѣть ночной мракъ, какъ въ замкѣ пана Ильговскаго всѣ захопотали и засуетились, шумъ и бѣготня усиливались все болѣе и болѣе, и вскорѣ дворъ замка началъ походить на ярморочную площадь, — на

немъ кишела нестрая толпа; въ этой толпѣ стрѣлки, со-
творивъ крестное знаменіе, осматривали свои винтовки,
желая увѣриться, не заговорилъ ли ихъ какойнибудь колдунъ;
псары между тѣмъ вязали на своры гончихъ, которыя гром-
кимъ лаемъ выражали свою радость и нетерпѣніе. Доѣзжачіе
подучивались трубить въ рога, а конюхи выводили изъ
конюшенъ или держали подъ уздцы коней, которые ржали,
становились на дыбы и выбивали копытами глыбы земли,
слегка охваченной утренними заморозками. Нѣсколько далѣе
на томъ же дворѣ нагружали возы кушаньями, напитками
и котлами, а также приготовляли колымаги, въ которыхъ
должны были отправиться на охоту молодья и старья гости,
выглядывавшія теперь изъ оконъ замка на всю эту суетню.
По огромнымъ запасамъ съѣстнаго и питій, нагружаемымъ
на возы, можно было подумать, что хозяинъ и его гости
выбирались изъ замка на такую охоту, которая должна была
продлиться цѣлый годъ.

Когда все было готово, Илинничъ, въ своемъ зеленомъ
чекменѣ, опушенномъ лисицей, ловко вскочилъ на лихаго,
гнѣдаго коня. Вокругъ Илинича столпились конные и пѣ-
шіе охотники; а гости размѣстились по колымагамъ.

Прежде отбытія самой охоты тронулся со двора замка
обозъ, псы нетерпѣливо завывли, кони рвались вслѣдъ за
обозомъ, но сѣдоки сдерживали ихъ, такъ какъ, по обычаю
того времени, охотники и гости не могли тронуться съ мѣ-
ста до тѣхъ поръ, пока старшій дѣтми охотникъ не за-
трубитъ въ рогъ. Всѣ съ нетерпѣніемъ ожидали этого знака,
и едва только выглянуло изъ-за лѣса яркое осеннее солн-
це, какъ осмидесятилѣтній каштелянъ Завиходскій, еще
бодро сидѣвшій на туренкомъ конѣ, громко затрубилъ въ

серебряный рогъ, и при послѣднемъ звукѣ этого сигнала двинулись за ворота замка охотники и поѣзжане.

Въ Придольскихъ лѣсахъ, съ которыми мы уже познакомили нашихъ читателей, поднимались въ это время съ своего ночлега встрепенувшіяся птицы, встрѣчая громкими криками пробудившее ихъ солнце; имъ вторила перекличка поселянъ, обходившихъ облавою часть бора и приближавшихся къ его опушкѣ.

На Волчьей Горѣ, которая отдѣлялась отъ лѣса оврагомъ, поросшимъ мелкимъ вустарникомъ, были разбиты шатры для дамъ и хилыхъ стариковъ. Вблизи шатровъ пылалъ огромный костеръ, около котораго шла дѣятельная стражня.

Звуки роговъ, крики охотниковъ, шумъ колымагъ, лай собакъ и ржаніе коней сливались въ какой-то неопредѣленный гулъ, съ которымъ приближалась охота на назначенное ей мѣсто. Панъ Илинчъ, ѣхавшій впереди охоты, замѣняя хозяина, провожалъ гостей до шатровъ, и когда всѣ размѣстились, то онъ во весь опоръ поскакалъ къ опушкѣ лѣса. Тамъ онъ развѣдалъ у лѣсничихъ о вепрѣ и напомнилъ столпившимся около него охотникамъ о стидѣ, который ожидаетъ ихъ, если они станутъ стрѣлять не по вепрю, а по недоросшимъ вепрятамъ или оленямъ. Послѣ этого онъ сталъ распоряжаться всѣми подробностями охоты.

По данному Илинчемъ знаку вытянулся рядъ доѣзжачихъ; одинъ изъ нихъ имѣлъ небольшой барабанъ, другой трещетку, третій булаву, увѣшанную бубенчиками. Всѣ доѣзжачіе были на лихихъ коняхъ, которыми славились на

всю Польшу воеводскія конюшни, и сами смотрѣли молодцами. Подлѣ доѣзжачихъ расположились псаря со сворами, и когда Илиничъ махнулъ рукою, то всѣ они кинулись въ лѣсъ по заранѣе-условленнымъ дорожкамъ, чтобы окружить логовище вепря. Между тѣмъ Илиничъ, сойдя съ коня, перебѣгалъ отъ одного охотника къ другому и осматривалъ ихъ винтовки; онъ освѣдомлялся, хорошо ли онѣ вычищены, не слабы ли курки, надежно ли отточены кремни. Илиничъ спросилъ также всѣхъ охотниковъ по очереди о томъ, есть ли у нихъ въ готовности запасные заряды. Покончивъ осмотръ и разспросъ, онъ громко крикнулъ:

— Благородные паны! Вотъ мѣста для стойки охотниковъ. Пусть выбираетъ себѣ каждый изъ васъ, какое ему угодно мѣсто; но только прошу васъ поторопиться, потому пора подать сигналъ къ травлѣ.

Тутъ между охотниками началось движеніе; поднялись было споры и говоръ. Однако дѣло скоро уладилось, и спустя нѣсколько времени всѣ охотники были уже на мѣстахъ. Не безъ волненія каждый занималъ свое мѣсто, на которомъ могъ или получить огромное богатство, или попасть на клыкъ вепря. Случайно самому Илиничу пришлось стать около пана Кмита. Съ замѣтнымъ спокойствіемъ Яцекъ занялъ свое мѣсто и протрубилъ сигналъ для начатія охоты.

Въ лѣсу послышался тревожный лай гончихъ псовъ, облавщики приготовили рогатины, и всѣ пришли еще въ большее движеніе, когда не въ далекомъ отъ опушки лѣса увидѣли землю, взрытую клыкомъ вепря. Казалось, что мѣсто это было глубоко перепахано сохою.

Между тѣмъ лай гончихъ продолжался; онъ то отда-

лялся отъ охотниковъ, то приближался къ нимъ; но вдругъ стая гончихъ залилась какимъ-то злобнымъ воемъ; охотники встрепенулись, въ лѣсу послышался шумъ и трескъ отъ ломаи деревьевъ. Псы завидѣли вепря и наскочили на него, но тутъ же раздался жалобный ихъ визгъ: потому что нѣсколько гончихъ было поднято на клыкъ вепря.

— Смотрите! смотрите! Не зѣвайте! раздавалось по дѣли охотниковъ, и одинъ изъ нихъ хватался торопливо за винтовку, а другой за кинжалъ, готовясь встрѣтить разъяреннаго звѣря.

Панъ Кмита былъ взволнованъ сильнѣе всѣхъ; онъ какъ будто растерялся; изъ-подъ шапки, крѣпко надвинутой на брови, выступалъ крупными каплями холодный потъ. Въ это время изъ чащи лѣса бѣжалъ разсвирѣпѣвшій вепрь, за нимъ въ погоню неслась стая гончихъ псовъ, которыхъ онъ по временамъ разметывалъ клыками во всѣ стороны, очищая себѣ дорогу.

У всѣхъ охотниковъ дрогнуло сердце. Одинъ Илинничъ стоялъ спокойно, опершись на винтовку и ожидая, гдѣ появится вепрь, который на нѣсколько мгновений скрылся въ кустахъ оврага.

Но вотъ вблизи Илиннича послышался трескъ и хрустъ ломающихся вѣтвей и вепрь, величиною съ годовалаго теленка, съ пѣною на мордѣ, съ прокусанными во многихъ мѣстахъ боками, облитыми кровью, очутился вблизи Илиннича и его сосѣда Кмита. Ощетинившееся животное пускало изъ ноздрей клубы пара и мчалось впередъ во всю прыть.

Панъ Кмита приложилъ винтовку къ дрожавшему плечу и не твердою рукою спустил курокъ,—выстрѣлъ раздался;

но панъ Кмита промахнулся и вепрь съ яростію бросился на него. Выхвативъ изъ-за пояса охотничій ножъ, Кмита хотѣлъ-было дать отпоръ вепрю, но поскользнулся немного и, растерявшись отъ этого въ конецъ, пустился бѣжать. Звѣрь кинулся за нимъ въ погоню, а между тѣмъ стрѣлять никто не рѣшался, опасаясь попасть вмѣсто звѣря въ охотника. Поднялась страшная сумятица; вепрь уже нагонялъ Кмиту, который, къ довершенію бѣдствія, споткнулся и упалъ. Всѣ обмерли отъ ужаса, предвидя страшный конецъ охоты.

Но въ это время мѣткимъ глазомъ и твердою рукою прицѣлился въ вепря Илиничъ, и горсть рубленныхъ пуль пронизала лѣвый бокъ вепря. Бѣшеный звѣрь оставилъ Кмиту и быстро бросился на Илинича, который сдѣлалъ ловкое движеніе въ сторону, успѣлъ, съ кинжаломъ въ рукѣ, вскочить на хребетъ звѣря и, нанеся ему между лопатокъ сильный ударъ кинжаломъ, всадилъ лезвее по самую рукоятку. Вепрь дико взвылъ, запатался и покатился на бокъ, а подоспѣвшія гончія накинулись на него съ ожесточеніемъ. Раненный вепрь упорно отбивался отъ нихъ, но Илиничъ подскочилъ снова къ озлобленному животному и другимъ ударомъ кинжала повончилъ его.

На Волчьей Горѣ загремѣли трубы и литавры, и въ честь побѣдителя отовсюду раздались громкія одобренія. Илиничъ, вынувъ изъ ноженъ саблю, отсѣкъ у вепря оба клыка и понесъ ихъ пану Ильговскому. Торжественно шель теперь Илиничъ, окруженный толпою охотниковъ, дивившихся его отвагѣ.

При приближеніи Яцека къ шатрамъ снова ударили въ литавры, и панъ воевода поднялъ одною рукою золотой

кубокъ, наполненный венгерскимъ, а другою обнялъ Илинча и громко крикнулъ:

— Вивать, панъ Яцекъ Илинчъ, наслѣдникъ моего имѣнія!

— Вивать! вивать! раздалось со всѣхъ сторонъ.

Среди этихъ кликовъ, воевода осушилъ кубокъ до послѣдней капли и, приказавъ слугѣ наполнить его снова, передалъ кубокъ подкоморію, отцу Ванды, которая, не успокоясь еще отъ волненія, тревожно посматривала то на отца, то на Илинча.

— Да помогаетъ! Господь Богъ отважному юношѣ всегда и вездѣ! съ чувствомъ произнесъ панъ Дембинскій: — намъ нужно такихъ молодцовъ, которые смѣло шли бы и въ огонь, и въ воду.

Съ этими словами, поклонясь Илинчу, Дембинскій выпилъ кубокъ за его здоровье до самаго дна; и затѣмъ кубокъ сталъ ходить кругомъ, посреди громкихъ возгласовъ, въ честь смѣлаго Яцека. Когда же окончились эти тосты, то воевода взялъ подъ руку молодого охотника и, подведя его къ скамьямъ, на которыхъ сидѣли гости, сказалъ:

— А что, вельможныя пани, развѣ мой Яцекъ не молодецъ?

Дамы и дѣвицы спѣшили на перерывъ выразить свое удивленіе той смѣлости, съ которой Илинчъ напалъ на свирѣпаго звѣря.

Ванда не утерпѣла, какъ птичка вспорхнула она съ своего мѣста и съ покраснѣвшимъ лицомъ кинулась къ Илинчу.

— О какъ я боялась за твою жизнь! прошептала Ванда прерывающимся отъ волненія голосомъ. — Прошу тебя, не

ходи другой разъ на такую опасность, добавила она, складывая на груди руки и смотря умоляющимъ взглядомъ на молодого человѣка.

Илиничъ, вмѣсто отвѣта, сталъ на одно колѣно передъ дѣвушкой и поцѣловалъ ея руку.

Веселый говоръ пробѣжалъ среди всѣхъ свидѣтелей этихъ изъявленій юношеской любви, такъ неожиданно вырвавшейся наружу.

— Ого! радостно воскликнулъ воевода, — да какъ видно, они любятъ другъ друга!

— Разумѣется, разумѣется!.. Это ясно, какъ Божій день! заговорили молодыя пани, извѣдавшія сами на опытъ что значить пылеая любовь.

— Ну, и прекрасно, чего жъ болѣе?... Послушай, панъ Дембинскій, продолжалъ живо воевода, — посмотри-ка на нашу молодежь, вѣдь по глазамъ видно, что они любятъ другъ друга! Да какъ еще любятъ!

Ванда, понизнувъ головкой, стояла на одномъ мѣстѣ, не выдергивая своей бѣлой ручки изъ руки Илинича.

— А что, вѣдь сегодняшнюю охоту можно закончить свадьбой! весело крикнулъ воевода.

Ванда и Яцекъ вздрогнули.

— Илиничъ былъ бѣдный шляхтичъ, продолжалъ Илговскій, — но теперь онъ богатый панъ, потому что мое благородное слово...

— Нерушимо, подсказалъ твердымъ голосомъ подкоморій, — что-жъ, и прекрасно!

Гости и подоспѣвшіе къ этому времени съ разныхъ сторонъ охотники плотной толпой окружили воеводу, подкоморія и помолвленныхъ.

— Прошу слушать что я расскажу вамъ, началъ воевода.—Лѣтъ пятьдесятъ тому назадъ, когда я и подкоморій были еще молоды и когда въ жилахъ у насъ кипѣла горячая кровь, мы среди жестокой сѣчи дали взаимное обѣщаніе породниться другъ съ другомъ въ будущихъ нашихъ дѣтяхъ. Причина для этого была весьма важная, потому что, если бы не сабля пана Дембинскаго, то я погибъ бы подъ татарскими ятаганами, но если бы потомъ не рука пана Ильговскаго, то не вернулся бы домой панъ Дембинскій. Просто на просто—мы спасли другъ друга...

Панъ подкоморій исполнилъ свое обѣщаніе,—посмотрите какая у него красавица-дочь! Но я обманулъ его ожиданія, у меня нѣтъ сына. Погоревавъ объ этомъ, мы старики положили между собою, что тотъ, кто будетъ сдѣланъ наслѣдникомъ моего имѣнія, будетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и наслѣдникомъ нашего обѣщанія; потому теперь и наше обѣщаніе досталось пану Илиничу... Слышишь ли ты, любезный мой Яцекъ, что ты наслѣдникъ всего моего достоянія? Попроси же теперь пана подкоморія, самъ знаешь, о чемъ...

— Я уже далъ свое согласіе, подхватилъ панъ Дембинскій, — и да благословить васъ Господь Богъ, мои дѣтки! Подойдите ко мнѣ!...

Ванда со слезами радости на глазахъ кинулась цѣловать отца, а Илиничъ посмѣнно душилъ въ своихъ вѣрбейныхъ объятіяхъ то воеводу, то подкоморія.

Панъ Дембинскій соединилъ руки невѣсты и жениха, который послѣ этого, слѣдуя старопольскому обычаю, поклонился въ ноги своему будущему тестю.

Излишнимъ кажется говорить, что опять, въ честь молодыхъ, начали наполнять и осушать задравные кубки

при громѣ трубъ, литавръ, охотничьихъ роговъ и безпрестанныхъ восклицанiяxъ: вивать! вивать! Пиръ продолжался до позднихъ сумерекъ.

Вскорѣ послѣ этой неожиданной помолвки спохватились пана Кмита, его искали всюду, но онъ пропалъ безъ вѣсти. Рассказывали только, что въ то время, когда Илиничъ кинулся на вепря, Кмита приподнялся съ земли и опрометью побѣжалъ въ кусты по скату глубокаго оврага. Однако самыя тщательныя поиски, произведенныя въ этомъ мѣстѣ, не отырыли слѣдовъ исчезнувшаго пана Кмиты. Поговорили объ этомъ происшествiи въ замкѣ пана Ильговскаго и во всемъ околодѣѣ, а потомъ, какъ водится, позабыли о пропавшемъ.

Общее мнѣнiе было то, что панъ Кмита, пристыженный и въ любви, и въ охотѣ, и въ наслѣдствѣ, забрался, по всей вѣроятности, куда нибудь на Украйну, съ тѣмъ, чтобы въ схваткахъ съ крымцами позабыть свое горе и, составивъ себѣ имя отважнаго воина, тѣмъ самымъ заглавить свою прежнюю оплошность.

Добавимъ къ этому, что охота весело возвратилась въ замокъ воеводы. На возвратномъ пути Илиничъ ѣхалъ верхомъ около колымаги, въ которой сидѣла Ванда, слушающая съ улыбкой радостныя рѣчи своего суженаго.

За поѣздомъ везли на телѣгѣ убитаго вепря. Возвращающуюся домой охоту замыкалъ конь пана Кмиты. Онъ шелъ порожнякомъ позади всѣхъ, печально опустивъ свою голову...

VI.

Покинутый замокъ.

Въ Придольскомъ замкѣ дѣлались большія приготовленія къ свадьбѣ Яцека съ Вандою. Свадьба была назначена на весну. Весело и широко жилъ теперь панъ-воевода, гости у него были безвыѣздно. Пирь не прекращались. Но среди шумнаго веселья воевода становился вдругъ печаленъ и сумраченъ, часто онъ что-то шепталъ, крутя въ тяжеломъ раздумьи свой сѣдой усъ. Молиться онъ сталъ еще усерднѣе, а каждую среду, пятницу и субботу лежалъ по нѣсколько часовъ крестомъ на полу посреди своей капицы. Домашніе и знакомые думали, что воевода оплакиваетъ подъ старость грѣхи и заблужденія своей молодости, какъ это очень часто дѣлывали его современники. Ходилъ даже въ оволодеѣ слухъ, будто бы воевода, отпраздновавъ свадьбу Илинича и передавъ ему все свое имѣніе, намѣренъ уйти на покаяніе въ монастырь. Говорили также, что онъ назначилъ нѣсколько тысячъ дукатовъ на постройку обшир-

наго монастыря во имя св. Андрея, своего патрона, и добавляли даже, что онъ будто бы выбралъ уже мѣсто для этой постройки въ глуши придольскихъ лѣсовъ, недалеко отъ другаго своего замка, называвшагося Ильговымъ.

Странное дѣло вышло въ этомъ замкѣ: изъ него вдругъ, по приказанію воеводы, выѣхала вся прислуга, а между тѣмъ въ этотъ замокъ сталъ ѣздить иногда онъ самъ въ сопровожденіи своего духовника и самаго довѣреннаго при немъ человѣка—старика управляющаго.

Всѣхъ чрезвычайно занимала эта таинственность, но никто однако не рѣшался спросить воеводу о причинахъ его печали и его поѣздокъ въ повинутый замокъ. Развѣдывать же объ этомъ стороной было и неудобно, и бесполезно, такъ какъ никто не могъ сказать ничего опредѣлительнаго. Вскорѣ распространилась молва, что въ родовомъ замкѣ воеводы поселилась нечистая сила. Рассказывали, что въ глухую полночь окна замка горѣли иногда такимъ яркимъ свѣтомъ, какъ будто тамъ шли какіе-то пиры, и что въ это время на далекое разстояніе неслись изъ замка шумъ, стукъ, крикъ, хлопанье въ ладоши и какой-то нечеловѣческой хохотъ, которому злобно вторили въ чапѣ лѣса. Говорили также, что въ замкѣ являлись разныя недобрныя предзнаменованія и что между прочимъ, въ одной изъ его залъ, нашли пустой новый гробъ, приходившійся какъ разъ по росту воеводы, и что на дощечкѣ, привѣшенной къ гробу, было написано: гробъ назначается для раба Божія Андрея.

Въ ту отдаленную отъ насъ пору, суевѣріе и предрасудки были еще въ силѣ во всей Европѣ, и потому нѣтъ ничего удивительнаго, что подобныя явленія впечатлительно

подѣйствовали на воеводу, который хотя и былъ безстрашенъ въ виду всевозможныхъ опасностей и даже явной смерти на полѣ битвы, но за всѣмъ тѣмъ крѣпко побаивался дьявольской силы и разныхъ бѣсовскихъ навожденій. Воевода замѣтно осунулся. Часто, отчитавъ молитвы и Спасителю, и Богородицѣ, и первенствующимъ святымъ, а также прославословивъ не разъ Святаго Духа, старивъ начиналъ мысленно перебирать въ подробностяхъ свою жизнь и заботливо отыскивать въ ней слѣды прегрѣшеній.

Конечно, и у воеводы, какъ и у каждого добраго христианина, находились кое-какіе грѣхи. Не говоря уже о нѣкоторыхъ грѣшкахъ, свойственныхъ вообще шаловливой юности, оказывалось, что воевода раза два дерзнулъ усомниться въ правосудіи и благодати Божіей, что онъ однажды посмѣялся надъ тучнымъ монахомъ, что онъ какъ то неохотно оказалъ помощь ближнему, что увидѣвъ въ костелѣ образъ какой-то великомученицы, онъ нашель, что ликъ ея похожъ на личіе одной прекорощенькой пани, на которую не безъ біенія сердца заглядывался молодой въ ту пору Ильговскій. Припоминая свои старыя грѣхи, воевода находилъ однако, что всѣ они давно уже искуплены или чистосердечнымъ покаяніемъ, или милостынею, или щедрымъ владомъ въ монастырскую и церковную казну, или учащеннымъ чтеніемъ молитвъ и каноновъ, или выкупомъ христианъ изъ бусурманскаго плѣна. Заботливый воевода не упускалъ при этомъ изъ виду и того еще обстоятельства, что слишкомъ важныя грѣхи, особенно по части тѣлеснаго вожделѣнія, были искуплены его спиною и боками подъ ударами ременной плети, которою въ то время бичевали себя истинно кающіеся грѣшники... Короче, при самомъ

строгомъ расчетѣ съ совѣстію, воевода, по крайнему своему разумѣнію и по разсужденію его духовнаго отца, не находилъ въ своей жизни ни одного столь важнаго преступленія, которое вызывало бы на него кару Божію съ такими страшными предзнаменованіями, какія стали теперь являться въ Ильговѣ.

Не чувствуя собственно за самимъ собою чрезвычайной вины предъ Господомъ, набожный воевода обращался къ дѣяніямъ своихъ предковъ и полагалъ, что онъ, какъ послѣдній въ родѣ, долженъ былъ, по всей вѣроятности, искупить какіе нибудь тяжкіе грѣхи прародителей. Надобно сказать, что между разными повѣртіями у польской шляхты было сознаніе, что если родовитый шляхтичъ пользовался особымъ почетомъ и выгодами за доблестныя дѣянія предковъ, то онъ вмѣстѣ съ этимъ не долженъ былъ забывать и того, что иногда за самыя отдаленныя грѣхи его прародителей онъ, безъ собственной вины, могъ быть наказанъ десницею Божіею.

Воевода тщательно перебиралъ всѣ фамиліныя преданія, и къ крайней своей скорби находилъ, что въ длинномъ ряду предковъ были и такіе, которые своимъ жестокосердіемъ дѣйствительно могли навливать кару Господню на послѣдняго представителя ихъ племени.

Панъ Ильговскій тосковалъ и молился, а между тѣмъ приготовленія къ свадьбѣ его наследника шли своимъ чередомъ.

Молва о ночныхъ ужасахъ, происходившихъ въ Ильговѣ, увеличивалась все болѣе и болѣе, и наконецъ съ досто-

вѣрностію стали рассказывать, что тамъ дѣло дошло уже до того, что, какъ-то въ полночь, одного стараго слугу воеводы, рѣшившагося переночевать въ конюшнѣ, схватили страшные черти, подняли на вилы и затащили въ лѣсную глушь, гдѣ и посадили чуть ли не на самую верхушку огромной сосны.

Насталъ Духовъ день; въ этотъ праздникъ ведется въ Польшѣ, какъ и у насъ русскихъ, обычай ставить около жилищъ молоденькія березки. Въ ту пору, о которой идетъ рѣчь въ нашемъ рассказѣ, этотъ обычай соблюдался весьма строго, и потому въ Духовъ день, какъ въ богатыхъ замкахъ, такъ и въ убогихъ лачугахъ всѣ пороги и стѣны были обставлены молодыми березками, а вѣтки ихъ висѣли на потолкахъ; полы всюду были устланы травой, за иконы были заткнуты пучки душистыхъ растений; рога у коровъ и барановъ были обвиты зеленью, а у коней, шедшихъ въ этотъ день въ упряжкѣ, были вплетены въ гриву цвѣты и зелень. Все казалось садомъ или лѣсомъ, такъ что поляны не даромъ называютъ этотъ день „Зеленымъ праздникомъ.“

Весь Придольскій замокъ былъ покрытъ снаружи свѣжею зеленью, а комнаты замка были наполнены запахомъ душистыхъ травъ. Сюда съѣхалось къ этому дню множество гостей; все было шумно и весело; но не такъ выглядывалъ въ этотъ день другой, покинутый всѣми замокъ воеводы. Онъ стоялъ пустъ и мраченъ, яркая весенняя зелень не украшала его стѣнъ и башенъ; замокъ смотрѣлъ вовсе не празднично, а окружавшій его сѣсновый дремучій боръ придавалъ этой почернѣлой громадѣ какой-то особенный, печальный видъ.

Гости, смотря на воеводу, старавшагося какъ будто на-

сильно быть веселымъ, перешептывались въ тихомолку о томъ что дѣлалось въ Ильговѣ, и по временамъ въ полголоса толковали между собою о конфедерации, составлявшейся въ то время противъ короля. Нѣкоторые изъ гостей увѣряли, что главнымъ мѣстомъ сбора для конфедератовъ были назначены лѣса, окружавшіе Ильговскій замокъ, и заявляли догадку, что по всей вѣроятности воевода ѣздитъ теперь туда по этому дѣлу. Всѣ желали знать, дѣйствительно ли пристанетъ къ противникамъ короля такой богатый и знатный магнатъ, какимъ былъ Ильговскій, но такъ какъ на первыхъ порахъ конфедерация составлялась втайнѣ, то никто не рѣшался заговорить объ этомъ съ воеводой, а между тѣмъ его задумчивый и безповойный видъ ясно показывалъ, что воевода слишкомъ озабоченъ какою-то думою.

Не смотря на это обстоятельство, праздники шель очень шумно. На дворѣ замка молодежь устраивала скачки. Всадники, носясь во всю прыть на лихихъ коняхъ, снимали саблями кольца, развѣшанныя на столбахъ, и рубили на всемъ скаку татарскія головы, сдѣланныя изъ дерева. Гости между тѣмъ смотрѣли съ крыльца на эту забаву. Вечеромъ начались танцы. Илинчъ первенствовалъ во всемъ; никто изъ гостей не снялъ столько колець и не снесъ столько головъ, сколько онъ; никто изъ гостей съ такой ловкостью и съ такимъ увлеченіемъ не плясалъ мазурки, какъ онъ, въ особенности когда становился въ кругъ съ своей стройной и хорошенькой невѣстой.

Косо однако смотрѣли на него братья Пѣшковскіе, пріятели пропавшаго пана Кмиты, обманувшіеся въ надеждахъ на счетъ воеводскаго наслѣдства, перешедшаго къ Илинчу.

Цѣлый день они старались превзойти его въ рыцарскихъ забавахъ, но имъ не удавалось это, потому что Яцекъ постоянно бралъ надъ ними верхъ. Во время танцевъ они подсмѣивались надъ женихомъ и очень часто, отходя въ уголь залы, шептались о чемъ-то съ худо скрытою злобою.

За ужиномъ они какъ будто нарочно повели рѣчь объ Ильговѣ, и говоря о происходившихъ тамъ диковинкахъ, стали утверждать, что безъ сомнѣнiя между присутствующими не найдется никого, кто бы отважился переночевать въ страшномъ замкѣ.

— Я думаю, добавилъ одинъ изъ братьевъ Пѣшковскихъ, — что даже у храбрѣйшаго между нами, у пана Илинича, не достанетъ на это храбрости.

— Развѣ дѣло пойдетъ о другомъ какомънибудь наслѣдствѣ?... колько замѣтилъ одинъ изъ недоброжелателей Илинича.

Между гостями начались споры; одни утверждали, что храбрость Илинича не знаетъ границъ, другіе же, напротивъ, подзадоривали молодого человѣка, замѣчая, что храбрость храбрости рознь, и что въ одномъ случаѣ можно быть храбрецомъ, а въ другомъ трусомъ.

— Это правда, подхватилъ Викентій Пѣшковскій, — я, напримѣръ, вполне увѣренъ, что панъ Илиничъ, если я оскорблю его, непременно вызоветъ меня на поединокъ, но я знаю также очень хорошо, что онъ не пойдетъ ночевать въ Ильговскій замокъ.

Илиничъ не могъ долѣе выдержать этихъ подстреканій и колкостей, тѣмъ болѣе, что онъ догадывался изъ-за чего шло все дѣло.

— Я согласенъ переночевать въ замкѣ, сказалъ Или-

нить,—но съ тѣмъ однако условіемъ, что если я исполню это, то панъ Викентій съ своей стороны долженъ будетъ отлаять подъ столомъ свои рѣчи. Если онъ согласенъ на это, то пусть протянетъ мнѣ руку.

— Согласенъ, проговорилъ рѣшительнымъ голосомъ Пѣшковскій, подавая Илиничу руку.

Чтобъ объяснить предложеніе Илинича на счетъ отлаиванія, надобно сказать, что въ старинной Польшѣ велся такой обычай: тотъ, кто признанъ былъ клеветникомъ, долженъ былъ, для удовлетворенія оскорбленнаго, подгѣсть подъ столъ и оттуда при свидѣтеляхъ три раза пролаять по собачьему. Смыслъ такого удовлетворенія очень ясенъ: принужденный такимъ образомъ удовлетворить своего противника терять уже навсегда доброе имя.

— Остановитесь господа, сказалъ суровымъ голосомъ воевода,—такіе споры могутъ идти только между пустыми вѣтрогонами, а людямъ разсудительнымъ они вовсе не встать.

— Опоздали уже твои совѣты, ясневольможный панъ, сказалъ почтительно, но твердо Илиничъ,—меня обозвали трусомъ; но еще до сей поры я не прощалъ этого никому, хотя я и былъ бѣдный и не знатный шляхтичъ.

— Я ничего не сказалъ бы противъ этого, возразилъ воевода,—если бы вы поспорили о дѣлѣ обыкновенномъ; но знаете ли вы что дѣлается въ Ильговѣ?

Всѣ смолели и съ любопытствомъ смотрѣли на воеводу, ожидая его разсказа.

— Тамъ работаетъ нечистая сила, проговорилъ глухимъ голосомъ Ильговскій,—и связываясь съ нею можно погубить душу великою отвѣтственностію передъ Богомъ.

— Одно изъ двухъ, ясневольможный панъ, подхватилъ

не безъ нѣкоторой запальчивости Илиничъ, — или нужно идти на это дѣло во имя Божіе и, что бы тамъ ни случилось, смѣло ожидать конца, или же нужно проститься навсегда съ доброй славой.

— Правда, правда, проговорилъ воевода, — жаль только, что нечистый подбилъ тебя, панъ Викентій, на такой разговоръ, добавилъ Ильговскій, обращаясь къ Пѣшковскому. — Теперь, конечно, нечего дѣлать; поѣзжай завтра въ Ильговъ, мой любезный Яцекъ, да сохранить тебя крестъ Господень отъ всякой напасти!

На другой день вечеромъ Илиничъ сталъ прощаться съ воеводою; онъ схватилъ руку своего благодѣтеля и крѣпко поцѣловалъ ее. Нужно было проститься и съ невѣстой.

Подходя къ той комнатѣ, которая была отведена въ замкѣ воеводы для Ванды, женихъ ея чувствовалъ, что у него билось и замирало сердце и что колѣни его дрожали. Илиничъ самъ не зналъ на что ему рѣшиться: перенести ли всю тоску томительнаго прощанія или уѣхать изъ замка, не повидавшись съ Вандой. Въ то время, когда онъ раздумывалъ объ этомъ, въ сосѣдней комнатѣ послышались легкіе шаги молодой дѣвушки, и Ванда, блѣдная, съ заплаканными глазами, кинулась къ своему жениху.

— И тебѣ не жаль, что я такъ страдаю?.. проговорила она съ легкимъ упрекомъ, съ трудомъ сдерживая слезы, набѣгавшія въ ея черныя очи.

— Ванда, другъ мой, говорилъ ласково Илиничъ, — неужели же ты хочешь имѣть такого мужа, на котораго всѣ стануть показывать пальцемъ, приговаривая: вотъ это тотъ самый Илиничъ, который перенесъ обиду потому только, что побоялся вздорныхъ сказокъ? Неужели ты думаешь, что

если бы я былъ трусомъ, то я былъ бы достоинъ тебя? Развѣ рука мужчины, не сумѣвшая оборонить свою собственную честь, можетъ пожать руку женщины, которая отдаетъ ему себя.

— Какая мучительная ночь ожидаетъ меня! вскрикнула съ отчаяніемъ Ванда.

Она схватила себя за голову, и бѣлые ея пальчики потонули въ прядяхъ темныхъ волосъ, которые отъ сильнаго движенія рассыпались по плечамъ.

— Не тревожься мое сокровище. Я не боюсь дьявольской силы—нмѣ Божіе защититъ меня отъ напастей; а отъ злыхъ людей обережетъ меня моя сабля.

— Я всю ночь останусь въ капицѣ, лепетала Ванда;— я предчувствую что-то недоброе; я буду молиться за тебя и быть можетъ Господь услышитъ мою горячую молитву. А теперь, добавила Ванда, снимая съ шеи цѣпочку съ серебрянымъ ковчезцемъ, — возьми эту наслѣдственную нашу святыню. Она была привезена намъ издалека...

Илиничъ съ благоговѣніемъ принялъ отъ невѣсты ковчезецъ съ мощами великомученицы Варвары. Онъ надѣлъ цѣпочку на шею, крѣпко прижалъ къ своей груди плакавшую невѣсту, и продолжительный поцѣлуй окончилъ ихъ горькое прощаніе.

— Кто знаетъ, подумали разомъ и Ванда и Илиничъ,— быть можетъ этотъ первый поцѣлуй былъ также и послѣднимъ...

Яцекъ опрометью кинулся на крыльцо замка; подлѣ крыльца ждалъ уже своего хозяина гнѣдой конь; проворно вскочилъ на него Илиничъ, поднялъ голову и увидѣлъ въ

окнѣ Ванду, которая послала ему рукою прощальный
ноцѣлуй...

Во весь опоръ скакалъ Илинчъ къ Ильговскому замку, за нимъ едва поспѣвали ѣхавшіе позади его два всадника. Наступали сумерки, а между тѣмъ густыя тучи стали заволакивать небо. Но вотъ, показались уже не вдалькѣ и башни Ильгова. Его почернѣлыя стѣны и осыпавшаяся черепичная кровля какъ будто говорили, что надъ этой молчаливой громадой уже пронеслось нѣсколько столѣтій. Изъ расщелинъ крыши и стѣнъ выступалъ кудравый мохъ и поросли деревьевъ. Глубокіе рвы, грозно смотрѣвшія бойницы, и узкіе висячіе мосты напоминали, что замокъ этотъ старался сдѣлать когда-то недоступной твердыней. Внутреннее устройство замка подтверждало назначеніе его какъ крѣпости; подъ нимъ, между прочимъ, были устроены длинныя подземные ходы; эти ходы извиристо шли въ глубь окрестныхъ лѣсовъ, гдѣ жители замка, въ случаѣ непріятельскаго погрома, могли найти для себя надежное убѣжище.

Замокъ этотъ съ незапамятныхъ временъ принадлежалъ Ильговскимъ, которые по немъ и получили свое фамильное прозваніе. Долгое время Ильговъ былъ роскошнымъ мѣстомъ пребыванія польскихъ магнатовъ, и тогда изъ бойницъ смотрѣли пищади, а многочисленная стража постоянно ходила на валахъ и на башняхъ. Когда же одинъ изъ Ильговскихъ лишился вдругъ въ этомъ замкѣ самымъ неожиданнымъ образомъ любимой жены и двоихъ сыновей, то печально и тоскливо стало казаться ему жилище, въ которомъ

онъ прежде проводилъ такъ счастливо время среди самыхъ отраднѣхъ надеждъ.

Тяжелая постройка замка и печальное однообразіе окружавшаго его бора наводили безотчетную тоску на непривычнаго посѣтителя этихъ мѣстъ. Замокъ смотрѣлъ еще сумрачнѣе послѣ того, какъ покинули его сперва владѣльцы, а наконецъ и прислуга; дворъ заросталъ густой травой, цѣпи подъемныхъ мостовъ, а также желѣзныя скобы на воротахъ и ихъ огромныя петли покрывались красно-желтой ржавчиной, флюгера на башняхъ замка покривились и уныло скрипѣли въ вѣтраную погоду, трубы оснѣжились, а во рвахъ вода покрылась густою тиной. Все было въ забросѣ и въ запустѣніи.

Страшная молва, которая, какъ мы сказали, начала распространяться о покинутомъ замкѣ, отгоняла отъ него проѣзжихъ и прохожихъ во всякую пору, въ особенности же тогда, когда начинало садиться солнце и близились сумерки и ночь. Всѣ съ ужасомъ спѣшили удалиться отъ этого зловѣщаго мѣста, и потому окрестные поселяне не мало подивились, когда они увидѣли въ позднія сумерки трехъ всадниковъ, скакавшихъ къ страшному мѣсту.

Илиничъ и его спутники подѣхали къ замку; изъ нихъ первый вѣхалъ во дворъ замка; двое же другихъ затворили за нимъ плаксиво заскрипѣвшія ворота и забили ихъ большимъ коломъ, такъ что теперь уже не было никакой возможности выйти изъ замка безъ посторонней помощи извнѣ.

Войдя во дворъ замка, Илиничъ соскочилъ съ коня и отвелъ его въ конюшню. Изумился Илиничъ, найдя тамъ и засыпанный овесъ, и большой ворохъ сѣна. Борясь и съ невѣріемъ къ дьявольскимъ навожденіямъ, и съ суевѣрнымъ

страхомъ, который такъ свойственъ людямъ, Илиничъ не зналъ, какъ объяснить эту странность.

Привязавъ коня, одинокій Яцекъ вошелъ въ замокъ. Какими-то безконечными пропастями казались ему въ полутемнотѣ пустыя и огромныя залы. Все было тихо, и только эхо повторяло каждый шагъ и каждый шорохъ Илинича; нѣсколько разъ останавливался онъ посреди залъ и, притаивъ дыханіе, желалъ удостовѣриться въ тишинѣ, господствовавшей вокругъ него.

Переходя изъ залы въ залу, Илиничъ вошелъ въ круглую комнату, составлявшую часть башни; замѣтно было, что комната эта служила нѣкогда оружейной. На стѣнахъ ея оставалось еще кое-какое старое оружіе, висѣли оления рога и кабаньи клыки.

— Вотъ здѣсь переночую я, подумалъ Илиничъ.

Въ это время набѣгавшія на небо тучи стали мало по малу разсѣиваться и въ прорѣдкахъ ихъ выглянуль мѣсяцъ, бросившій полосы золотистаго свѣта въ узкія окна замка. Илиничъ, пользуясь этимъ, подошелъ къ окну и при свѣтѣ луны осмотрѣлъ винтовку и саблю. Оказывалось, что нечистая сила не свернула замка на винтовкѣ и не забила ея дула и не надломила клинка сабли. Успокоившись отъ суевѣрнаго страха, Илиничъ снялъ съ груди ковчежець, данный ему невѣстой, поцѣловалъ его и положилъ его передъ собою на столѣ, а потомъ, ставъ на колѣни, началъ молиться. Долго и усердно молился онъ, поминая въ своей молитвѣ Ванду, которая какимъ-то легкимъ призракомъ носилась въ его тревожныхъ мысляхъ.

Окончивъ молитву, Илиничъ, въ ожиданіи разсвѣта, прилегъ на дубовой скамьѣ.

Онъ уже начиналъ полудремасть, когда въ отдаленныхъ повояхъ замка послышался какою-то шумъ. Илиничъ всталъ, взялся сперва за ружье, потомъ за рукоятку сабли, и крѣпко сжавъ ее началъ прислушиваться. Шумъ становился все явственнѣе, и наконецъ въ сосѣдней комнатѣ, послышались тяжелые шаги нѣсколькихъ человѣкъ.

— Пресвятая Богородица, помоги мнѣ!... прошепталъ Илиничъ и приготовился въ оборонѣ.

Едва начало свѣтать, а ужъ въ Придольскомъ замкѣ всѣ поднялись на ноги.

Какъ только проснулся воевода, то первыми его словами были: „А что, панъ Яцекъ вернулся изъ Ильгова?“

Опечалился Ильговскій, получивъ отрицательный отвѣтъ. Онъ приказалъ закладывать поскорѣе лошадей и въ сопровожденіи нѣсколькихъ шляхтичей, жившихъ при его дворѣ, отправился въ Ильгово, запретивъ сказывать гостямъ и въ особенности Вандѣ объ этой поѣздкѣ. Не успѣвъ, впрочемъ, воевода выѣхать изъ воротъ, какъ въ замкѣ поднялась суматоха—Ванда пропала.

Долго искали ее всѣ, а въ томъ числѣ и самъ воевода, который однако нашелъ молодую дѣвушку, заглянувъ въ каплицу. Тамъ, заливаясь слезами, Ванда лежала на ступеняхъ алтара. Она не замѣтила, какъ взглянулъ на нее воевода; Ильговскій же не велѣлъ тревожить Ванду и поспѣшилъ выѣхать изъ замка.

Путь былъ не слишкомъ далекъ, и воевода скоро подѣхалъ къ повинутому жилищу своихъ предковъ. Проворно прислужники его отбили колъ, припиравшій ворота, и Иль-

говскій, съ живостію юноши выскочивъ изъ колымаги, пошелъ въ замокъ въ сопровожденіи всѣхъ пріѣзжавшихъ съ нимъ.

• Сердце старика сильно забилося, когда при самомъ входѣ на лѣстницу онъ увидѣлъ на ея ступеняхъ слѣди еще не запекшейся крови; тревожно спѣшилъ онъ изъ покоя въ покой по кровавому слѣду и наконецъ вошелъ въ оружейную.

— Боже мой! Что здѣсь такое?... вскрикнулъ съ ужасомъ Ильговскій.

Посреди залы лежалъ Илинчъ, облитый кровью; одной рукой онъ силился зажать рану на головѣ, какъ будто желая удержать струившуюся изъ нея кровь, другой рукой онъ сжималъ окровавленную саблю.

— Зачѣмъ ты не послушалъ меня, дорогой мой Яцекъ... бормоталъ старикъ, ломая въ отчаяніи руки.

Ильговскій сталъ на колѣни подлѣ раненаго и тревожно смотрѣлъ, не таится ли еще въ немъ признаковъ жизни.

— Онъ еще живъ! радостно вскрикнулъ Ильговскій, продолжая смотрѣть на Илинча, который въ это время силился открыть глаза.

Между спутниками воеводы находились и такіе, которые ужъ не разъ бывали въ битвахъ и умѣли обращаться съ ранеными. При Илинчѣ нашли кусокъ хлѣба, кусокъ этотъ обмотали наутиной и сдѣлавъ изъ него родъ пластыря приложили къ ранѣ. Кровь скорѣ унялась. Принесли воды, обмыли лицо и голову Илинчу, и послѣ этого признаки возвращавшейся къ нему жизни сдѣлались замѣтнѣе. Бережно положили раненаго въ колымагу, а между тѣмъ воевода разослалъ бывшихъ при немъ шляхтичей во всѣ стороны искать лекарей.

Колымага двинулась въ обратный путь шагомъ. Воевода боялся, что скорая ѣзда раскроетъ рану Илинича, и старикъ безпрестанно напоминалъ, чтобъ ѣхали какъ можно осторожнѣе.

Когда въ Придольскомъ замкѣ увидѣли медленно двигавшійся поѣздъ воеводы, то всѣ догадались, что навѣрно случилось что нибудь недоброе.

— Пойдемъ, пойдемъ на встрѣчу! говорила дрожащимъ голосомъ Ванда, судорожно схвативъ за руку своего отца и сляясь увести его за собою.

Панъ Дембинскій исполнилъ желаніе дочери, и когда они въ торопяхъ выбѣжали на крыльцо, колымага ужъ выбѣжала въ ворота замка.

Блѣдная какъ лилія и неподвижная какъ мраморная статуя стояла растерянная Ванда.

Колымага подѣхала къ крыльцу. Ванда въ одно мгновение какъ будто ожила. Воевода, не говоря ни слова, отворилъ дверцы колымаги. Быстро вскочила молодая дѣвушка на подножку, и съ нея упала безъ чувствъ на руки своего отца.

Полумертваго Илинича стали вынимать изъ колымаги, и между тѣмъ кругомъ раздавалось аханье и оханье, сожалѣнія и разспросы.

Всѣ горевали о молодомъ человѣкѣ, поплатившемся, какъ казалось, жизнію за свою безумную отвагу.

Ильговскій замокъ сдѣлался послѣ этого еще страшнѣе, нежели былъ прежде. Всѣ чудесные о немъ разказы получили теперъ полную вѣру.

Спустя три дня послѣ привоза Илинича въ Придольскій замокъ, изъ воротъ этого замка, въ свѣтлое майское утро,

медленно выступало погребальное шествіе. Жалобно пѣли ксендзы надгробныя молитвы; за ксендзами шло множество народа со свѣчами и факелами, далѣе шесть молодыхъ людей несли обитый пунцовымъ бархатомъ гробъ, на крышкѣ гроба лежало подъ миртовымъ вѣнкомъ оружіе покойнаго. За гробомъ медленными неровными шагами шель старикъ-воевода съ поникшей головой, невдалекѣ отъ него едва переступала рыдающая Ванда. Дембинскій поддерживалъ и утѣшалъ дочь, но всѣ усилія были напрасны. По сторонамъ и сзади Дембинскаго шла толпа гостей, пріѣхавшихъ на свадьбу и попавшихъ на похороны.

Разнорѣчиво толковали о смерти Илиннича тѣ, которые шли за его гробомъ. Передавали между прочимъ достовѣрно, что когда умиравшій Яцекъ пришелъ на нѣсколько времени въ память, и когда Ванда, стоя у его постели на колѣняхъ, со слезами умоляла его рассказать о томъ что съ нимъ случилось въ Ильговѣ, то будто онъ отвѣчалъ на всѣ просьбы своей невѣсты, что не можетъ ничего рассказать; такъ какъ онъ связанъ клятвою молчать обо всемъ что съ нимъ было въ Ильговѣ.

Ванда послѣ смерти жениха ушла въ монастырь. Спусти нѣсколько мѣсяцевъ умеръ воевода, не сдѣлавъ никакого завѣщанія, и потому всѣ его богатства перешли къ одному изъ самыхъ дальнихъ его родственниковъ, который вовсе не ожидалъ такого несмѣтнаго наслѣдства.

Минуло слишкомъ сорокъ лѣтъ со дня смерти Илиннича. Однажды осенью въ небольшомъ домикѣ шляхтича Свобельскаго собрались гости, и одинъ изъ нихъ сталъ

разсказывать о томъ, какъ въ его странѣ какой-то богатый недобрый панъ лишилъ убогаго шляхтича послѣднихъ крохъ, а потомъ коварно погубилъ его.

— А вотъ постоитъ-ка, сказалъ хозяинъ, — я разскажу вамъ любопытный случай изъ собственной моей жизни. Есть что послушать.

Всѣ призамолили; старики отвѣщались и началъ разсказывать слѣдующее:

— Вы вѣрно слышали, что лѣтъ сорокъ тому назадъ, знатный и богатый въ свое время воевода Гаданскій поднимался противъ короля Яна-Казимира. Этотъ панъ былъ человѣкъ чрезвычайно надменный, хотя и былъ набоженъ и носилъ монашескую одежду. Усердствовалъ воевода Гаданскій церкви божіей, дѣлая богатые вклады на костелы и монастыри, а между тѣмъ угнеталъ бѣдныхъ и подвластныхъ. Захотѣлось пану попасть въ краковскіе каштеляны, но онъ обманулся въ своихъ расчетахъ, такъ какъ король назначилъ на эту важную должность не его, а другаго. Разсердился воевода на короля и началъ составлять въ одномъ изъ городовъ недалекихъ отъ Кракова конфедерацію противъ короля Яна Казимира, и когда воеводѣ былъ предъявленъ королевскій приказъ, въ силу котораго онъ долженъ былъ удалиться изъ города, то онъ во всеуслышаніе сказалъ: хорошо; я уйду изъ города, но за то и король уйдетъ изъ Польши.

Правда, что предсказаніе его не сбылось, но за то панъ Гаданскій много надѣлалъ хлопотъ и королю, и тѣмъ магнатамъ, которые держали сторону его королевской милости. Вы конечно знаете Придольскій замокъ и Придольскіе лѣса, или по крайней мѣрѣ слышали о нихъ. Вотъ въ

этихъ-то лѣсахъ и стали собираться конфедераты, а чтобы имъ никто не мѣшалъ, пока дѣло велось въ тайнѣ, они и распустили слухи о разныхъ чудесахъ, которыя будто бы дѣялись въ этомъ давнымъ-давно заброшенномъ замкѣ. Народъ то въ ту пору былъ еще полегковѣрнѣе, чѣмъ теперь. Стали вѣрять, и пошли ходить страшные рассказы о замкѣ по всему околодеу, всѣ стали бояться этихъ мѣстъ до такой степени, что и проѣзжіе, и прохожіе старались миновать Придольскій замокъ и его окрестные лѣса.

Въ то время я былъ куда какъ молодъ. Кровь сильно кипѣла во мнѣ; мнѣ очень хотѣлось побывать въ бою, а между тѣмъ въ эту пору Польша жила мирно со всѣми своими сосѣдями, воевать было не съ кѣмъ. Вотъ я и воспользовался конфедераціей пана Гаданскаго, да и пробрался къ нему въ лѣсъ.

Около осени пріѣхали къ намъ туда какіе то три панича и приказали, чтобы ихъ прямо вели къ пану воеводѣ, нашему предводителю. Поговоривъ особнякомъ съ паномъ Гаданскимъ, молодые люди записались въ нашъ отрядъ; одинъ изъ нихъ назывался Кмита; двое другихъ были братья Пѣшковскіе.

Должно быть у всѣхъ у нихъ было что-то недоброе на сердцѣ, потому что они избѣгали людей и общихъ разговоровъ; они держались ото всѣхъ въ сторонѣ и только урядкой шептались о чемъ то между собою. Впрочемъ на такіе пустяки никто изъ конфедератовъ не обращалъ тогда большаго вниманія, потому что каждый изъ насъ былъ занятъ своимъ дѣломъ. Однажды, какъ теперь помню, на другія сутки послѣ Духова дня, я и двое другихъ моихъ товарищей получили отъ воеводы приказъ—быть во всякое

время готовыми на призывъ пана Кмита. Въ военной службѣ разсуждать не приказываютъ, и хотя каждый изъ насъ по поводу такого неожиданнаго распоряженія и подумалъ многое, однако мы исполнили приказъ въ точности. Не долго впрочемъ намъ пришлось ожидать, потому что въ этотъ же день вечеромъ панъ Кмита повелъ насъ въ Придольскій замокъ; вмѣстѣ съ нами пошли туда нѣсколько его прислужниковъ съ факелами.

Мы вошли въ замокъ, миновали нѣсколько комнатъ и наконецъ вошли въ круглую залу, которая, казалось, была когда-то оружейной. Здѣсь мы застали какого то молодого человѣка. Охъ! какъ гнѣвно взглянулъ онъ на насъ; не смотря однако на весь гнѣвъ, лицо его было чрезвычайно привлекательно. Видно было, что онъ сперва принялъ насъ за нечистую силу, однако не струсилъ и ея, и выхвата саблю готовился вступить въ бой даже съ чертями.

Когда же онъ узналъ Кмиту и Пѣшковскаго, то опустил саблю и грозно, не говоря ни слова, смотрѣлъ на нихъ; Кмита съ своими товарищами начали укорять и оскорблять его, и тутъ-то мы догадались, что дѣло кончится не шуткой. А сначала мы подумали, что вѣроятно молодежь наша хотѣла позабавиться надъ какимъ нибудь смѣльчакомъ, который, желая показать свою удалъ, забрался одинъ въ проклятый замокъ.

О чемъ они между собою спорили въ эту пору нельзя было разобрать хорошенько, но споръ кончился тѣмъ, что наши предложили ему драться со всѣми ими по очереди, грозя, въ случаѣ отказа его выдти на такой неравный бой, жестокимъ оскорбленіемъ. Панъ Илиничъ, — такъ назывался, какъ я узналъ послѣ, этотъ молодой человѣкъ, — засвидѣ-

тельствовалъ передъ Богомъ и намъ, что напасть троицъ на одного значить поступать безчестно и затѣмъ сталъ готовиться къ поединку.

Передъ боемъ противники Илинича потребовали отъ него клятву, что если онъ останется въ живыхъ, то не скажетъ никому что съ нимъ было. Илиничъ безъ упорства далъ благородное слово, что исполнить ихъ желаніе.

Не разъ послѣ этой страшной ночи приводилось мнѣ быть въ кровавыхъ бояхъ и видѣть смерть моихъ храбрыхъ товарищей, но такого боя и такой смерти, какіе привелось мнѣ видѣть въ ту ночь, я не видывалъ никогда...

Противники стали тянуть жребій: первый узелокъ достался одному изъ Пѣшковскихъ. Завязался бой, но онъ былъ непродолжителенъ, потому что Илиничъ ловко рубнулъ своего противника по лѣвому плечу. Раненаго вынесли. Второй узелокъ достался другому Пѣшковскому, тотъ бился удалѣе своего брата и послѣ нѣсколькихъ жестокихъ схватокъ онъ ранилъ Илинича въ руку, но Илиничъ, не смотря на это, успѣлъ отбить готовившійся ему смертельный ударъ и всадилъ свою саблю въ правый бокъ Пѣшковскаго; вынесли и этого.

Илиничъ былъ утомленъ до крайности, кровь текла изъ его раны; онъ тяжело дышалъ, и ему былъ нуженъ хотя маленькій отдыхъ, но панъ Кмита наставлялъ, чтобъ онъ тотчасъ же дрался и съ нимъ. Легко было догадаться, что надъ усталымъ Илиничемъ возьметъ верхъ еще бодрый Кмита. Но этого была мало, и прежде чѣмъ Илиничъ успѣлъ приготовиться къ отпору, его противникъ напалъ стремительно и нанесъ ему въ голову тяжелый ударъ. Илиничъ закачался и упалъ на полъ, укоряя Кмиту въ вѣро-

ломствѣ. Тотъ вышелъ изъ себя и, бросившись на лежавшаго Илинича, еще разъ со всего размаха рубнулъ его по головѣ...

Илиничъ глухо стоналъ, но панъ Кмита, не обращая на то никакого вниманія, велѣлъ оставить его одного въ замкѣ, а самъ со всѣми, кто провожалъ его, вышелъ оттуда въ лѣсъ подземными ходами. Признаться, я хотѣлъ было испытать мою саблю на головѣ пана Кмиты, но дѣло мое было подначальное, да притомъ я подумалъ, что око Господне видѣло все это и что рано или поздно Господь Богъ накажетъ Кмиту за неправо дѣло.

На другой день послѣ этого, я подъ предлогомъ, что мнѣ нужно видѣть старика-отца, оставилъ наше сборище, давши честное слово не говорить о случившемся въ замкѣ никому до тѣхъ поръ, пока будутъ въ живыхъ Пѣшковскіе и Кмита; теперь ихъ уже нѣтъ на свѣтѣ, и потому клятва моя не обязательна.

Бродя послѣ того долго по свѣту, я прислушивался къ людской молвѣ и наконецъ узналъ, что поединокъ съ Илиничемъ былъ за богатое наслѣдство и за дочь какого-то подкоморія, которая нравилась крѣпко и пану Кмитѣ.

— Ну, а что же потомъ было съ Кмитой? спросила робко одна изъ дѣвушекъ, слушавшихъ рассказъ старика.

Панъ Кмита погибъ страшною смертью, отвѣчалъ рассказчикъ: — въ одной неудачной стчкѣ онъ, избѣгая погони, поворотилъ въ чашу Придольскаго лѣса, тамъ наткнулся на стаю волковъ и былъ растерзанъ ими.

VII.

КНЯЗЬ БРОНИСЬ РАДЗИВІЛЬ. ВЕНКІЙ ІОРУЖІЙ ЛІТОВСКИ.

Если вамъ случится побывать въ Вильнѣ, то поѣзжайте посмотрѣть Верки, нѣкогда имѣніе князей Радзивиловъ, отстоящее отъ города верстахъ въ семи. Проѣхавъ около версты по открытому пространству, только вдалекѣ окаймленному съ правой стороны Антокольскими холмами, вы минуете Кальварію и Триполь и потомъ, излучистымъ берегомъ Вилии, будете приближаться къ Веркамъ. Въ нѣкоторомъ отъ нихъ разстояніи начнется шоссе, ведущее въ гору, на которой они расположены. Вся эта гора покрыта густою зеленью, а среди зелени мелькаютъ каменныя строенія. Видъ съ горы очаровательный: предъ вами широкая равнина, по которой голубою лентою извивается Вилия, за нею пашни, холмы и лѣса, влѣво Вильно съ его красивыми и многочисленными костелами.

Но лѣтъ шестьсотъ назадъ всѣ нынѣшнія окрестности Вильны были покрыты дремучими лѣсами, и въ нихъ князя

литовскіе любили забавляться охотою; въ нихъ жили также жрецы литовскаго бога Перкунаса. Однажды главный изъ жрецовъ Криве-Кривейте, прогуливаясь по лѣсу, встрѣтилъ молодую литвинку, плѣнилъся ея красотой, и она скоро сдѣлалась отъ него матерью. Криве-Кривейте былъ въ страшныхъ хлопотахъ, наконецъ, послѣ долгихъ размышленій, онъ придумалъ средство не только скрыть свою грѣшную любовь, но и сдѣлать счастливымъ своего новорожденнаго сына.

Въ это время пріѣхалъ изъ Трокъ тогдашній князь литовскій поохотиться въ тѣхъ лѣсахъ, гдѣ жилъ Криве-Кривейте. Послѣдній воспользовался этимъ случаемъ: уложивъ своего младенца въ колыбельку, украшенную цвѣтами и разными блестящими побрякушками, онъ повѣсилъ ее на вершинѣ горы среди вѣтвей густаго дерева, зная, что князь, гонимый за дикими волами (туры) и буйволами, непременно побываетъ въ этомъ мѣстѣ. Дѣйствительно, вскорѣ по лѣсамъ, до того времени безмолвнымъ, раздались звуки роговъ, ревъ и крики, и кунигасъ*) литовскій, съ копьемъ въ одной рукѣ и съ рогатной въ другой, впереди всѣхъ охотниковъ спѣшитъ въ чащу лѣса; но онъ обманулся въ удачѣ своей охоты, потому что Криве-Кривейте давно уже отогналъ отсюда и туровъ, и буйволовъ, и вмѣсто ихъ рева князь услышалъ плачь младенца.

Князь поспѣшилъ туда, гдѣ слышался плачь, и съ изумленіемъ увидѣлъ что-то блестящее въ вѣтвяхъ дерева. По знаку его охотники поспѣшили взлѣзть на дерево, достали висѣвшую на немъ колыбель и поставили ее у ногъ кунигаса. Увидѣвши

*) Князь.

младенца, князь изумился и считая это чудомъ велѣлъ позвать Криве-Кривейте, чтобы онъ истолковалъ ему этотъ случай и объявилъ волю боговъ. Долго въ таинственномъ молчаніи стоялъ Криве-Кривейте, какъ бы совѣщаясь съ богами, и наконецъ сказалъ: „Государь! ты любимецъ боговъ, ты призванъ ими, чтобы осчастливить Литву. Боги заблаговременно послали тебѣ этого ребенка, чтобы въ немъ приготовить мнѣ преемника, потому что я скоро разстанусь съ этимъ свѣтомъ. Воспитывай его съ любовью, и онъ будетъ посредникомъ между тобою и богами!“ Обрадованный князь счелъ всего приличнѣе отдать найденнаго имъ младенца на воспитаніе самому Криве-Кривейте, а на память плача, то мѣсто, гдѣ былъ найденъ младенецъ, назвалъ — *Werk*, что значитъ по-литовски „плачь“, и отсюда, по народному преданію, получили свое названіе Верки. Найденышъ былъ названъ „Лиздейко“; онъ былъ впоследствии преемникомъ своего отца и сдѣлался родоначальникомъ Радзивиловъ, Нарбутовъ и другихъ дворянскихъ литовскихъ фамилій. Лиздейко умеръ въ 1350 году, 70 лѣтъ отъ роду.

Внукъ его сталъ называться Радзивиломъ; онъ вмѣстѣ съ королемъ Ягелломъ принялъ въ 1386 году св. крещеніе въ Краковѣ и нареченъ былъ Николаемъ. Значеніе потомковъ его все болѣе и болѣе увеличивалось въ великомъ княжествѣ литовскомъ, и они сдѣлались первыми въ немъ вельможами со времени брака польскаго короля и великаго князя Сигизмунда II Августа съ Варварою Радзивиль. Родственники ея, щедро одаренные королемъ и получившіе въ 1518 и 1547 годахъ княжеское достоинство Римской Имперіи, постоянно занимали въ Литвѣ первыя должности и славились своими несмѣтными богатствами. Къ родовой

своей славѣ многие Радзивилы присоединяли и личныя свои заслуги; но нѣкоторые изъ нихъ отличались только разными странностями и причудами и были представителями своеволия польскихъ магнатовъ.

Въ этой статьѣ мы расскажемъ о князѣ Іеронимѣ Радзивилѣ, великомъ хорунжемъ литовскомъ. Онъ былъ однимъ изъ тѣхъ своеобразныхъ характеровъ, которые могло породить только гражданское положеніе Польши въ послѣдніе два вѣка ея самобытнаго существованія. Только въ народѣ, привыкшемъ къ своеволю пановъ и удивлявшемся, какъ необыкновенному событію, если миролюбиво оканчивался шляхетскій сеймикъ, только въ такомъ народѣ, среди котораго не было надъ дворянствомъ строгой власти, могли явиться личности, подобныя Радзивилу.

Князь Іеронимъ Радзивилъ жилъ въ первой половинѣ XVIII вѣка, когда власть королевская совершенно ослабѣла, поэтому Радзивилъ вовсе не думалъ исполнять никакихъ повелѣній короля и распоряженій Рѣчи-Посполитой, считая себя какъ бы независимымъ владѣтелемъ и только союзникомъ своего сосѣда, великаго князя литовскаго, жившаго въ Варшавѣ.

Дѣйствительно, Радзивилъ могъ быть вполне независимымъ отъ короля, и трудно было заставить его повиноваться силою. Владѣя огромными имѣніями и милліонами, онъ приобрѣлъ себѣ множество приверженцевъ въ околномъ мелкомъ шляхетствѣ, посредствомъ отдачи своихъ помѣстій во временное владѣніе своимъ сосѣдямъ. Въ это время, по замѣчанію одного польскаго писателя, польскіе паны занимались слѣдующимъ: одинъ изъ нихъ проказничалъ и наѣзничалъ по большимъ дорогамъ, или дѣлалъ набѣги на гайда-

маковъ, другой хваталъ на распутьяхъ незнакомыхъ, привозилъ къ себѣ и пьянствовалъ съ ними, третій или молился по костеламъ, или справлялъ жидовсеія „борухи“, четвертый писалъ книжки или сочинялъ стихи, пятый искалъ разсѣянія за границей до тѣхъ поръ, покуда какія нибудь обстоятельства не призывали его на позабытую имъ родину. Но князь хорунжій не былъ ни ученъ, ни храбръ, ни набоженъ, не любилъ путешествій, не искалъ почестей и отлпчій, и потому самъ не зналъ что ему дѣлать. Отъ скуки онъ сдѣлался мрачнымъ, своенравнымъ и жестокимъ въ обращеніи съ людьми, ему подвластными. Со всѣми обходился онъ сурово и старался проникнуть каждаго благоговѣніемъ къ своей особѣ. Малѣйшее оскорбленіе своей чести онъ наказывалъ жестоко, и поэтому подвалы Бяльскаго замка, въ которомъ жилъ князь, со времени его сдѣлались страшными въ народныхъ разсказахъ.

Чтобы показать, до какой степени доходило могущество Радзивила, скажемъ, что онъ имѣлъ 6000 регулярнаго войска, устроеннаго по образцу прусскаго, и до 6000 казаковъ и надворныхъ стрѣльцовъ, жившихъ по разнымъ мѣстамъ въ качествѣ княжескаго гарнизона. Войско его состояло изъ пѣхоты и конницы; въ немъ находились генералы, полковники и маіоры, а что чины были не шуточные, это лучше всего доказывается тѣмъ, что комендантъ въ г. Слуцкѣ, принадлежавшемъ въ то время Радзивилу, имъ назначаемый, считался въ чинѣ генераловъ коронныхъ войскъ литовскихъ.

Родной братъ Іеронима былъ въ то время великимъ гетманомъ, слѣдовательно главнымъ начальникомъ Іеронима, и въ добавокъ былъ старшимъ его братомъ, и хотя, по ста-

риннымъ польскимъ обычаемъ, старшій братъ заступалъ мѣсто отца въ осиротѣломъ семействѣ, но гетманъ напротивъ былъ въ полномъ послушаніи своего младшаго брата. Содержа свое собственное войско, князь Іеронимъ не хотѣлъ ни посылать его, по волѣ короля или сейма, ни платить съ имѣній своихъ воинской повинности. Правда, потребовали за это его въ воинскую комиссію, но онъ и не думалъ туда являться; приговоры сыпались на него градомъ изъ судебныхныхъ мѣстъ, но никто однако не рѣшался приводить ихъ въ исполненіе. Напрасно гетманъ просилъ и умолялъ брата не оскорблять такъ дерзко чести короля; Радзивилъ не хотѣлъ ничего слышать и наконецъ, послѣ долгихъ переговоровъ, сказалъ: „Если королю нужно будетъ войско, то я, такъ уже и быть, дамъ ему свое, но платить податей ни за что не стану.“

Скупость была отличительною чертою въ характерѣ князя Іеронима, и этимъ онъ отличался отъ прочихъ Радзивиловъ, слывшихъ и въ Литвѣ, и въ коронѣ*) за самыхъ щедрыхъ магнатовъ. Онъ очень радъ былъ, когда по опредѣленію суда отдали родственника его литовскаго кравчаго князя Радзивила, ему въ опеку, потому что въ этомъ случаѣ онъ могъ распоряжаться въ его имѣніяхъ, какъ ему было угодно, и огромные съ нихъ доходы обращать въ собственную свою пользу; самого же кравчаго содержалъ онъ въ своемъ sluцкомѣ замкѣ подъ строгимъ надзоромъ и въ ужасной нищетѣ.

Если князь Іеронимъ такъ недобросовѣстно обходился съ своимъ родственникомъ, носившимъ имя Радзивила и имѣвшимъ сильную родню, то можно представить что

*) Въ Польшѣ.

должны были терпѣть отъ самовольства Радзивила и бѣдная шляхта, и его холопы. При своей подозрительности, онъ всѣхъ почиталъ своими врагами и съ удовольствіемъ издѣвался надъ тѣми, кто попадался, по приказанію его, за самую малость въ его княжескія тюрьмы: онъ любилъ прислушиваться къ стонамъ содержавшихся тамъ и, какъ говоритъ преданіе, называлъ бѣльскихъ узниковъ своими лучшими пѣвцами. Не признавая надъ собой ни чьей власти, онъ считалъ пустяками повѣсить подвластнаго себѣ человѣка, единственно по своей только прихоти, безъ всякой вины.

Вотъ одинъ подобный случай: однажды князь въ глубокомъ раздумьи сидѣлъ у окна своего замка и посматривалъ на широкой его дворъ. Въ это время одинъ изъ его служителей ходилъ у воротъ, какъ бы поджидая кого-нибудь. Видя это, князь вышелъ изъ замка и пошелъ прямо къ воротамъ. „Что ты здѣсь дѣлаешь?“ спросилъ онъ ходившаго. Тотъ, думая угодить князю, отвѣчалъ: „Будучи всегда готовъ къ услугамъ вашей княжеской милости, я хотѣлъ быть всегда у васъ на глазахъ.“ Разсерженный, неизвѣстно почему, такимъ отвѣтомъ, Радзивиль закричалъ слугамъ: „Ну такъ повѣсить его!“ и обратившись къ несчастному, сказалъ ему ободрительнымъ голосомъ: „Я исполнилъ твое желаніе... ты будешь у меня теперь на глазахъ!“ Приказаніе князя было исполнено немедленно.

Онъ также наказывалъ смертью своихъ служителей за пьянство, но за то и самъ, противъ обыкновенія, существовавшаго тогда и въ высшемъ польскомъ обществѣ, никогда не напивался до-пьяна. Разъ, впрочемъ, ближайшій его наперстникъ есендзь Ріокуръ спойлъ князя въ своей плеба-

ни; это былъ день именинъ ксендза, и ему было дано позволеніе дѣлать все что угодно, поэтому онъ воспользовался такимъ случаемъ и порядкомъ наполнилъ своего исневельможнаго прихожанина, стараясь этимъ, вмѣсто проповѣди, вселить князю снисхожденіе къ подвластнымъ ему лицамъ, съ которыми могло быть тоже самое, и это былъ единственный случай во всей жизни, когда Радзивиль выпилъ черезъ мѣру. Возвратившись съ именинъ, онъ съ трудомъ взбирался по лѣстницѣ своего замка, а одинъ изъ княжескихъ стражей, видѣвшій его въ такомъ видѣ и полагая, что хмѣльной князь не разслышитъ, громко сказалъ своему товарищу: „Посмотри, какъ онъ напѣвался.. а еслибы это сдѣлалъ кто-нибудь изъ насъ, то навѣрно бы ужъ онъ повѣсилъ!“ Князь услышалъ эти слова и закричалъ задыхаясь отъ злости: „Позвать ко мнѣ этого стража!“ Посланный побѣжалъ и дрожа отъ страха передалъ виновному приказаніе князя. Тотъ принужденъ былъ идти на верхъ. „А что ты тамъ сказалъ?“ спросилъ князь. „Я сказалъ правду, отвѣчалъ стражъ; я сказалъ, что никогда не видѣлъ пьянымъ вашу княжескую милость, и сегодня вы напились, какъ.. а еслибы это сдѣлалъ бѣдный человѣкъ..“ „Ты умно разсуждаешь, и я назначаю тебя сержантомъ!“ сказалъ князь. Это былъ единственный случай и пьянства, и великодушія Радзивила; но съ вѣроятностью можно заключить, что онъ вообще былъ бы лучше, еслибы самовластіе его встрѣчало иногда отпоръ, а не одно безмолвное раболѣпство.

Иногда занятія князя Иеронима принимали шуточный видъ. Верстахъ въ двухъ отъ Бялы, главнаго его мѣстопробыванія, находилась деревня Словатинскъ. Князь устро-

плѣ здѣсь замокъ и назвалъ его столицей короля слова-тинскаго, опредѣлилъ границы новаго государства и по-ставилъ туда королемъ одного изъ своихъ чиншовыхъ *) шлехтпчей. Потомъ князь сталъ нарочно придираться къ новому государю, которому онъ предоставилъ самъ же неогра-ниченную власть, сталъ вести съ нимъ дипломатическую переписку и повелъ ее такъ вѣжливо и умѣренно, что дѣло кончилось разрывомъ между королемъ и основателемъ го-сударства. Началась война не на шутку; князь сталъ соби-рать войско, вооружать и обучать его, готовить артиллерію и потомъ, принявъ главное начальство, двинулся, на Сло-ватинскъ. Конечно, перевѣсъ былъ на сторонѣ князя, хотя правду сказать, и съ той, и съ другой стороны было до-вольно поломано рукъ и ногъ, и разбито головъ. Войска княжескія все сильнѣе и сильнѣе стѣсняли войска королев-скія, и наконецъ король принужденъ былъ укрыться въ замкѣ. Князь осадилъ его и приступомъ взялъ укрѣпленія; король сдѣлался плѣнникомъ и назначенъ служить укра-шеніемъ княжескаго триумфа, а королевство Словатинское присоединено къ владѣніямъ Радзивила. Съ торжествомъ воз-вратился князь въ свой замокъ, пушки гремѣли въ честь его побѣды, и льстецы велеугодно поздравляли его съ нею. Но дѣло этимъ не кончилось: надъ плѣннымъ королемъ назначенъ судъ, и онъ, какъ оскорбитель княжеской чести, приговоренъ къ смерти; но князь однако смягчилъ приго-воръ суда и впоследствии возвратилъ шляхтичу и санъ, и владѣнія, но для того только чтобы повторить прежнюю комедію, которая вѣроятно, еслибы продлилась жизнь

*) Чиншъ—помѣстье, отданное въ оброчное содержаніе.

князя Іеронима, кончилась бы тѣмъ, что король словатинскій, подобно многимъ, имѣвшимъ дѣло съ Радзивиломъ, очутился бы на висѣлицѣ.

Много разныхъ забавно - грустныхъ преданій сохранилось о князѣ Іеронимѣ въ окрестностяхъ Бялы; но всѣ они посятъ отпечатокъ ограниченнаго ума, соединеннаго съ жестокостью сердца.

Внѣшность князя была вовсе непривлекательна. Онъ былъ высокъ, одутловатъ и совершенно лысъ; острыя черты лица и какое-то дикое выраженіе глазъ придавали физиономіи его что-то отталкивающее. Онъ никогда не смѣялся, но былъ всегда суровъ и пасмуренъ и въ добавокъ ко всему этому ужасно занкался.

VIII.

Панна Ельжбета.

Въ числѣ первыхъ любимцевъ короля Станислава-Августа Понятовскаго былъ великій гетманъ литовскій Михаилъ Огинскій. Давнишнее знакомство съ королемъ, одинаковое воспитаніе, а главное, сходство характеровъ и блестящее положеніе Огинскаго сближали короля съ магнатомъ. Не смотря на упадокъ королевскаго сана въ Польшѣ, дворянство льстилось вниманіемъ, а тѣмъ болѣе любовью короля, и поэтому при дворѣ завидовали Огинскому; всѣ старались повредить ему въ мнѣніи короля; но всѣ придворныя интриги оставались безуспѣшны, дружба его къ гетману была неразрывна до тѣхъ поръ, пока, безъ всякихъ просковъ вельможъ и царедворцевъ, вмѣшалась въ это дѣло простая осьмнадцатилѣтняя крестьянская дѣвушка, по имени Ельжбета или Елизавета.

Донинѣ въ картинной галереѣ, принадлежащей одной знаменитой польской фамиліи, сохранился портретъ этой

дѣвушки, работы извѣстнаго въ свое время Бакчіарелли. Портретъ лучше всего свидѣтельствуетъ о необыкновенной красотѣ той, съ которой онъ былъ снятъ, и которой суждено было разстроить дружбу Понятовскаго съ Огинскимъ и до нѣкоторой степени подѣйствовать на судьбу Польши.

Однажды гетманъ поѣхалъ на охоту въ одно изъ обширныхъ своихъ помѣстій и на берегу рѣки Равки встрѣтилъ дѣвушку, которая поразила его своей красотой. Огинскій былъ любитель женскаго пола и смотря на прелестное личико крестьянки не вытерпѣлъ, чтобы не заговорить съ нею.

Онъ спросилъ кто она и зачѣмъ ходитъ одна по лѣсу? и получилъ въ отвѣтъ, что она дочь лѣснаго сторожа, который умеръ, оставивъ ее на рукахъ мачихи; что злая мачиха обижаетъ ее, и что она ушла въ лѣсъ, желая избѣгнуть тѣхъ огорченій, которыя она встрѣчаетъ дома.

— Знаешь-ли ты меня? спросилъ Огинскій.

— Какъ же не знать вашей княжеской милости, отвѣчала дѣвушка.

— И ты не боишься меня?

— Что же? развѣ ясный панъ какое-нибудь пугало? — напротивъ.

Похвала крестьянки Огинскому, который былъ дѣйствительно красивый мужчина, была весьма пріятна.

— А могла бы ты полюбить меня? спросилъ Огинскій.

Румянецъ вспыхнулъ на щекахъ дѣвушки, она ничего не отвѣчала и потупила глаза; но когда подняла ихъ, то взглядъ ея встрѣтился съ взглядомъ Огинскаго.

— Скажи мнѣ, продолжалъ Огинскій, но скажи правду: никто еще не любилъ тебя?

— Кто же полюбитъ меня, бѣдную сироту!... Правда, ухаживаютъ за мной многіе и пристають ко мнѣ, да что въ этомъ....

— А какъ твое имя?

— Ельжбета.

— Ну слушай, Ельжбета, сказалъ Огинскій, я тебя избавлю отъ мачихи.

Дѣвушка въ восторгѣ бросилась обнимать ноги магната.

— Я дамъ тебѣ, продолжалъ Огинскій, такіе уборы, какихъ нѣтъ у жены моего эконома, я сдѣлаю тебя знатной пани, у тебя будутъ слуги въ галунахъ и въ ливреяхъ, у тебя будутъ славныя кони и золотыя кареты, и все это будетъ... сегодня вечеромъ.

Не успѣлъ гетманъ кончить послѣднихъ словъ, какъ на дорогѣ показалась старая бричка, и въ ней сидѣла грязная цыганка.

— Подай мнѣ хоть грошъ, пригожій паничъ, сказала она Огинскому, и поданная мнѣ милостыня возвратится еѣ тебѣ съ избыткомъ.

— Не нужно мнѣ этого, сказалъ Огинскій, подавая цыганкѣ нѣсколько золотыхъ монетъ, а вотъ лучше поворожи этой дѣвушкѣ.

Цыганка взяла маленькую руку Ельжбеты, и внимательно смотря на лпни ладони, шептала что-то, а потомъ сказала громко: „Ты будешь знатная госпожа!“

— Видишь, я говорилъ правду, шепнулъ Огинскій дѣвушкѣ.

— Будешь жить въ дворцахъ, ходить въ шелку и золотѣ, за тобою будутъ ухаживать самыя знатныя паны.

Ельжбета задрожала отъ радости, но вздрогнулъ и Огинскій, когда цыганка сказала громче прежняго:

— Мало этого—ты будешь женою короля!

Не смотря на свое прекрасное образованіе, на духъ времени и даже на переписку съ Вольтеромъ, Огинскій былъ суевѣренъ; притомъ мысль о коронѣ была въ головѣ каждого магната, и какъ же было не думать о ней Огинскому, прямому потомку Рюрика, одному изъ сильнѣйшихъ и богатѣйшихъ вельможъ и въ Литвѣ, и въ Польшѣ? Ему показалось, что, имѣя въ рукахъ своихъ судьбу будущей королевы, онъ самъ можетъ легче сдѣлаться королемъ.

Въ тотъ же день вечеромъ Ельжбета переѣхала въ Наборо, имѣніе Огинскаго; щедрый магнатъ окружилъ ее неслыханною роскошью, толпы слугъ и прислужницъ, великолепно одѣтыхъ, явились исполнять ея малѣйшія прихоти. Учителя одинъ за другимъ приходили развивать и обогащать природный умъ молодой крестьянки, такъ неожиданно перешедшей отъ бѣдности и притѣсненій къ богатству и роскоши.

Хотя въ то время вельможи, подобные Огинскому, и были избалованы мелкими побѣдами надъ женщинами высшаго круга, тѣмъ не менѣе Огинскій всѣмъ сердцемъ привязался къ Ельжбетѣ, и уже ходила молва, что быть можетъ королевой ей и не бывать, но за то гетманшей будетъ непременно.

Послѣднее вѣроятно и сбылось бы, еслибы о рѣдкой красотѣ Ельжбеты не провѣдалъ задушевный другъ Огинскаго, король Станиславъ-Августъ, тоже страстный поклонникъ женщинъ, и чтобъ убѣдиться во всемъ онъ пріѣхалъ въ Наборо.

— Правда-ли, панъ Михаилъ, сказалъ король гетману, что ты влюбленъ безъ ума?

— Быть-можетъ, ваше величество.

— И еще въ крестьянку?

— Красота женщины, государь, какъ говорить французская пословица, для нея важнѣе, чѣмъ родословная въ четырнадцать дворянскихъ поколѣній.

— Шалишь, шалишь, мой другъ, говорилъ ласково король. Ты набрался бредней Вольтера и Руссо; но онѣ хороши только въ теоріи.

— Я убѣдился, ваше величество, что онѣ въ нѣкоторыхъ случаяхъ такъ же хороши и на практикѣ.

— Да, перебилъ король, молва гласитъ и это.

— И справедливо; вы бы сами, государь, раздѣлили это мнѣніе, еслибъ знали ту женщину, которая осуществляетъ теорію.

— Будто бы ужъ она такъ хороша? спросилъ король, и восторженный Огинскій въ самыхъ привлекательныхъ краскахъ описалъ прелести Ельжеты, передъ которой померкли бы всѣ красавицы Варшавы.

— Что-же, замѣтилъ король, такая женщина и въ самомъ дѣлѣ достойна сдѣлаться великой гетманшей Литовской.

— И чѣмъ нибудь побольше, сказалъ загадочно Огинскій, и этимъ возбудилъ любопытство Станислава-Августа и наконецъ по его настоянію долженъ былъ рассказать о предсказаніи цыганки.

Король, надобно замѣтить, былъ такъ же суевѣренъ, какъ вообще люди, жизнь которыхъ отличалась какимъ-нибудь необыкновеннымъ случаемъ.

— Покажи мнѣ будущую королеву, сказалъ Понятовскій.

Огинскій нахмурилъ брови, потому что зналъ, какъ король любилъ женщинъ, и какъ онъ умѣлъ искусно обольщать самыхъ стойкихъ изъ нихъ, а потому и медлилъ исполнить желаніе короля.

— Ага! сказалъ Понятовскій, ты боишься и за нее, и за корону.... Да правда, добавилъ онъ насмѣшливо, мужъ будущей королевы самъ можетъ быть королемъ, особенно если это предскажетъ бродячая цыганка. — Смотри, я напишу объ этомъ Вольтеру.

Вольтеръ господствовалъ въ то время надъ умами, и Огинскій боялся его болѣе, нежели набожные предки его боялись самого чорта. Затронутый за живое насмѣшками короля, онъ рѣшился показать Ельзбету.

Король, какъ говоритъ преданіе, былъ пораженъ красотою Ельзбеты съ перваго разу, и, казалось, второе предсказаніе цыганки началось сбываться, потому что его величество, не смотря на важныя государственныя дѣла, призывавшія его въ Варшаву, прогостилъ въ Наборовѣ три дня, а на четвертый выѣхалъ изъ Наборова, пригласивъ ѣхать вмѣстѣ съ собою и своего осчастливленнаго хозяина.

Но едва только король и гетманъ выѣхали изъ Наборова, какъ проселочною дорогою, по направленію къ Варшавѣ, покатила красивая коляска, и въ ней сидѣла прелестная Ельзбета; сопровождали ее три казака и Конаржевскій, главный исполнитель всѣхъ сердечныхъ повелѣній его величества, короля польскаго Станислава-Августа.

Въ продолженіе четырехъ дней, почти постоянно проведенныхъ съ королемъ, въ то время мужчиною весьма красивымъ и умѣвшимъ нравиться женщинамъ и умомъ и обхожденіемъ, Ельзбета успѣла полюбить его безъ памяти, и

кромя того убѣдившись на дѣлѣ въ справедливости первой части предсказанія, она уже грезилла о королевской коронѣ.

Огнскій вышелъ изъ себя, узнавъ о вѣроломствѣ своего друга; онъ проклиналъ высокую честь, ему сдѣланную, и грозилъ отплатить королю, какъ только представится случай. Тщетно король употреблялъ всѣ усилія, чтобы снова сблизиться съ раздраженнымъ магнатомъ. Огнскій не могъ забыть, что король лишилъ его и сердечной привязанности, и надежды на корону, и въ отмщеніе за это присталъ къ конфедерациі, имѣвшей такое губельное вліяніе и на участь короля, и на судьбу Польши.

Но конечно вы читатель спросите: что же случилось съ Ельбетой, главною виновницею всего этого; скажу вамъ, что предсказаніе цыганки сбылось и она сдѣлалась женою короля. Но вы на это возразите: Какъ же это было? вѣдь извѣстно, что Понятовскій не женился на Ельбетѣ. Случилось это очень просто:

Пресмыщенный любовью Ельжеты, непостоянный Станиславъ-Августъ выдалъ ее замужъ за одного бѣднаго дворянина, фамилія котораго была *Król*, что значитъ по-польски король, и такимъ образомъ Ельжета была женою короля, но только не того, о которомъ она мечтала.

IX.

Шляхтичъ Мульчиновскій.

Много бы можно было написать о тѣхъ веселыхъ и шумныхъ попойкахъ, которыми славилась старинная Польша; особенно онѣ участились въ правленіе королей саксонскаго дома, изъ которыхъ Августъ II, союзникъ Петра Великаго, отличался какъ богатырскою силою, такъ и страстью выпить черезъ мѣру. Король имѣлъ много ревностныхъ сановниковъ по разнымъ частямъ управленія, но по части выпивки помогалъ ему съ особымъ усердіемъ въ Саксоніи фельдмаршалъ Флеммингъ, а въ Польшѣ каштелянъ Юсіфъ Малаховскій. Но не смотря на громкую славу этихъ лицъ, Августъ II нашель соперника, съ которымъ онъ, по собственному его сознанію, не въ силахъ былъ тягаться.

Однажды, во время войны съ Карломъ XII, послѣ какой-то побѣды, одержанной надъ шведами, Августъ II пріѣхалъ въ небольшое мѣстечко Піотрковъ, чтобы председательствовать въ тамошнемъ трибуналѣ. Не столько заботы

о войнѣ, сколько жалобы и просьбы тѣхъ, дѣла которыхъ разсматривались въ трибуналѣ, измучили высокаго гостя, и чтобъ забыть тяжесть правленія король захотѣлъ выпить, но выпить по своему обычаю, т. е. не въ одиночествѣ, а въ сотовариществѣ, достойномъ состязанія.

Еще въ Варшавѣ доходили до короля слухи о необыкновенныхъ способностяхъ піотрковскихъ чиновниковъ и адвокатовъ напиваться на славу, и такъ какъ изъ лицъ, бывшихъ при королѣ, не нашлось никого, кто былъ бы достоинъ сѣсть съ этой цѣлью за королевскій столъ, то Августъ приказалъ призвать къ себѣ того изъ піотрковскихъ обывателей, который считался самымъ опытнымъ и самымъ сильнымъ по этой части.

Лестный выборъ при этомъ случаѣ палъ на одного шляхтича по фамиліи Кульчиковскаго, и онъ явился къ королю.

Великорослый и широкоплечій Августъ II былъ неприятно пораженъ приземистымъ ростомъ, худобою и блѣдностію шляхтича, и сперва онъ подумалъ, что вѣроятно приказаніе его не было понято, а потомъ у него мелькнула мысль, что не осмѣлились ли нарочно прислать къ нему, въ видѣ поученія, не состязателя, а примѣръ воздержности.

Король насупился и грознымъ голосомъ сказалъ Кульчиковскому:

— Ступай прочь, ты мнѣ не нуженъ; ты видно самъ не знаешь, зачѣмъ пришелъ ко мнѣ.

— Пусть только вашему величеству, сказалъ тщедушный шляхтичъ, будетъ угодно объявить мнѣ свою королевскую волю, и при помощи Всевышняго и при моей безграничной преданности къ особѣ вашей, она будетъ немедленно исполнена съ должною точностью.

— Выпьешь ли ты гарниец венгерскаго? спросил Августъ.

— Отчего же одинъ, а не три, наяснѣйшій государь?

Король смѣрилъ глазами съ головы до ногъ шляхтича, который, надобно замѣтить, занимался хоженіемъ по дѣламъ въ мѣстномъ трибуналѣ, и насмѣшливо сказалъ ему:

— Что же, любезный, или ты вздумалъ шутить со мной? посмотри на самого себя: вѣдь тебя скорѣе можно положить въ гробъ, чѣмъ посадить за бутылки.

— Осмѣлюсь доложить вашему величеству, сказалъ шляхтичъ,— у насъ въ Польшѣ есть старая поговорка: не суди о женщинѣ по чепцу, о конѣ по сбруѣ и о человѣкѣ по наружности. Вѣроятно до слуха вашего величества дошло уже, что всѣ мы, обитатели Пиотркова, съ постояннымъ усердіемъ слѣдуемъ примѣру, такъ блистательно подаваемому вами, наяснѣйшій нашъ государь и благодѣтель; но не хвастаясь предъ вами, горделиво добавилъ шляхтичъ, я смѣло могу сказать, что во всемъ городѣ нѣтъ никого, кто бы рѣшился помѣриться со мною за бутылкой.

— Мы сейчас увидимъ, правду ли ты говоришь, сказалъ король и приказалъ гайдуку принести свой любимый кубокъ, въ который вмѣщалась кварта, налилъ его до самыхъ краевъ, выпилъ и передалъ законвѣду.

Шляхтичъ, принимая кубокъ, низко поклонился и отвѣчалъ на королевскій вызовъ тѣмъ, что выпилъ кубокъ, не перевода духа.

— Ну, это не дурно, сказалъ король; впрочемъ, и для меня самого это пустяки, а вотъ сколько вообще ты можешь выпить такихъ кубковъ?

— Разсчитъ труденъ; но если ваше величество позволить, то я дерзаю сдѣлать слѣдующее предложеніе.

— Охотно, говори смѣло.

— Высоко цѣня честь, оказанную мнѣ вами, наисвѣтлѣйшій государь и благодѣтель, я желалъ бы за каждымъ такимъ кубкомъ, вами выпитымъ и конечно послѣ того опрокинутымъ, выпить съ ряду по три такихъ: одинъ въ отвѣтъ моему королю - государю, другой за драгоцѣнное его здоровье и третій въ честь побѣды, одержанной надъ шведами.

Королю весьма понравилось предложеніе шляхтича; онъ усѣлся съ нимъ, приказалъ подавать обѣдать, и попойка началась.

Кубокъ переходилъ изъ рукъ въ руки; шляхтичъ въ точности исполнялъ сдѣланное имъ предложеніе, а между тѣмъ наступила ночь. Король, не вставая послѣ обѣда, положилъ локти на столъ и склонивши на нихъ голову захрапѣлъ на всю комнату. Между тѣмъ Кульчиковскому все было ни по чемъ. Правда, увидѣвъ спящаго короля, онъ вышелъ на цыпочкахъ изъ комнаты, чтобы не прервать спокойствія своего державнаго собесѣдника, твердыми шагами дошелъ до колодца и велѣлъ вылить на себя два ушата холодной воды, а потомъ, выпивъ еще кварту за здоровье короля, возвратился домой.

Пить за здоровье короля не мѣшало, потому что послѣ описанной здѣсь попойки онъ хворалъ цѣлые три дни, жалуясь на непомѣрную тяжесть въ головѣ; а между тѣмъ адвокат - шляхтичъ на другой день внесъ бывшее у него дѣло въ трибуналъ. Всѣ въ городѣ только и говорили о той высокой чести, которой онъ удостоился, и Кульчиков-

скій всюду находилъ защитниковъ своей тяжбы; она была выиграна, и обрадованный шляхтичъ пилъ снова за здоровье короля.

Но наконецъ наступила тяжкая пора и для Кульчиковского. Любимый баловень побѣдъ, Карлъ XII, успѣлъ восторжествовать въ Польшѣ надъ своими союзниками и побѣдносно занялъ Пюотрковъ. Карлъ XII въ отношеніи образа жизни составлялъ совершенную противоположность съ Августомъ II, и поэтому, какъ въ видахъ исправленія шляхтича Кульчиковского, такъ и въ наказаніе за то, что онъ пилъ за побѣды, одержанныя надъ шведами, Карлъ XII, облагая контрибуціею завоеванный имъ городъ, приказалъ взять въ казну свою съ адвоката Кульчиковского сумму, равную стоимости четырехъ самыхъ большихъ бочекъ токая, что составило, по тогдашнему счету, огромную сумму.

Хотя при послѣднемъ королѣ польскомъ знаменитыя попойки и стали было выходить изъ моды, однако любителямъ ихъ онѣ не ставились въ укоръ, и по этой части славилась въ то время генералъ Конаржевскій, гетманъ Браницкій и каштелянъ Борейко.

Однажды, въ присутствіи короля Станислава-Августа и извѣстнаго польскаго историка епископа Нарушевича, зашла рѣчь о старыхъ польскихъ обычаяхъ и коснулась попойекъ.

Одинъ изъ участвовавшихъ въ разговорѣ, желая сказать пріятное королю, замѣтилъ, что примѣръ воздержанія, подаваемый его величествомъ, весьма много послужилъ къ искорененію этого обычая.

— Правда, замѣтилъ Нарушевичъ, теперь у насъ уже не то что было при Сасахъ (такъ называютъ по-польски королей изъ саксонскаго дома), но и въ настоящее время я,

среди моихъ ближайшихъ подчиненныхъ, имѣю такого, который бы одолѣлъ извѣстнаго нѣкогда шляхтича Кульчиковского: это одинъ дальній мой родственникъ. И епископъ назвалъ его по имени.

Король и окружавшіе его просили епископа познакомиться ихъ съ такою знаменитостію, и въ назначенный день „родственникъ“ былъ приведенъ въ королевскій дворецъ. Тучность его, заплывшіе глаза, красный носъ, багровыя щеки и хриплый голосъ заранѣе предупредили всѣхъ въ пользу его, и дѣйствительно искусствомъ пить онъ возбудилъ всеобщія рукоплесканія и за подвиги свои получилъ значительную сумму, которую подарили ему присутствовавшіе, а въ числѣ ихъ и самъ король пожаловалъ бернардину 100 дукатовъ изъ собственнаго своего кошелька.

X.

ПАТРИОТКА.

Исторія Польши представляет во всѣ времена много подвиговъ высокаго патриотизма. Самоотверженіемъ для блага родины отличались и женщины, а одна изъ нихъ, о которой мы здѣсь расскажемъ, изъ любви къ ней пожертвовала самымъ драгоценнымъ для женщины предметомъ—именно, счастіемъ любимаго ею человѣка.

Донинѣ около Ченстохова виднѣется холмъ, окруженный рвами; на холмѣ можно замѣтить груду камней—это слѣды стараго замка, принадлежавшаго нѣкогда извѣстной польской фамиліи Валевскихъ, герба Пухала. Въ царствованіе Іоанна-Казимира здѣсь жила вдова скарбника земли рамоской Валевская. Она была молода и очень хороша собой. Понятно, что около такой вдовы, а особенно богатой, росли обожатели; въ числѣ ихъ былъ и Вацлавъ Садовскій, извѣстный со времени осады Ченстохова, сперва полковникъ войскъ королевскихъ, а въ то время дѣйствовавшій

въ рядахъ шведскихъ войскъ противъ своего отечества. Онъ былъ человекъ вздорный, суетный и корыстолюбивый; надежда обогатиться подъ знаменами Карла X, хотя бы и грабежами на собственной родинѣ привлекла его подъ знамена иноплеменниковъ. Заносчивый и гордый, онъ не имѣлъ нигдѣ друзей, но своею наружностью, храбростью и умомъ успѣлъ понравиться молодой вдовѣ, еще прежде своего перехода къ шведамъ. Однако молодая вдова, какъ и большая часть полекъ, была истинная патриотка; она еще при жизни мужа страстно была влюблена въ Садовскаго, но теперь, совершенно свободная, не хотѣла отдать руки ему потому только, что онъ изъ личныхъ видовъ вредилъ отечеству.

Однажды, находясь съ шведскими войсками около Горшковицы, имѣнія Валевской, Садовскій пріѣхалъ въ замокъ съ значительнымъ отрядомъ шведовъ, окружилъ его и вошедши къ Валевской сказалъ ей, что она должна быть его женою, въ противномъ же случаѣ онъ разоритъ замокъ, а ее уведетъ въ Швецію, какъ наложницу. Дѣйствуя такимъ образомъ, онъ разсчитывалъ на чувство женщины; онъ зналъ, что онѣ легко забываютъ обиды, наносимыя имъ тѣми, кого онѣ любятъ, но примѣняя чувства женщинъ вообще къ благородной Валевской, Садовскій ошибался. Хотя отказывая Садовскому она и дѣйствовала противъ своихъ сердечныхъ влеченій, но любя въ немъ мужчину, она ненавидѣла въ немъ врага своей родины. Она хотѣла раскрыть Садовскому всю гнусность предательства, смѣло высказать ему въ лицо тѣ пролятія, которыми, по всей справедливости, обременили его соотечественники, и обратиться къ долгу гражданина. Но всѣ укоры, всѣ увѣща-

нія Валевской оставались безплодными. Садовскій, отдавъ чужеземцамъ и честь, и совѣсть, былъ непреклоненъ, разсчитывая, какъ мы замѣтили выше, на щедрость короля шведскаго.

Когда Валевская увидѣла, что все напрасно, она сказала Садовскому:—Если ты хочешь моей смерти, то сегодня въ полночь я буду готова.

Обрадованный уступчивостію Валевской, Садовскій не хотѣлъ повѣять истиннаго смысла ея словъ и оставивъ въ замѣтъ для стражи нѣсколько шведовъ самъ поскакалъ въ сосѣднее мѣстечко, чтобъ пригласить на свадьбу бывшихъ тамъ шведскихъ генераловъ и офицеровъ. Они охотно приняли приглашеніе своего сослуживца, поздравляли его и весело поѣхали въ замокъ невѣсты.

Въ это время молодая вдова заперлась и долго, долго молилась объ избавленіи родной земли отъ владычества враговъ и объ обращеніи на путь чести любимаго ею человѣка. Къ вечеру вышла она изъ комнаты блѣдная, разстроенная. Напрасно окружавшіе ее старались ее утѣшить, она плакала, не говоря ни слова.

Между тѣмъ Садовскій ѣхалъ со шведами и ксендзомъ, который долженъ былъ совершить брачный обрядъ, и приоровлялъ такъ, чтобы сыграть свадьбу въ самую полночь, желая доказать тѣмъ ничтожность словъ, сказанныхъ Валевской. Онъ ѣхалъ, полный радости и надеждъ, когда на дорогѣ встрѣтилъ его посланный къ нему, старый слуга Валевской, и отдалъ ему записку слѣдующаго содержанія:

„Если боишься Бога и совѣсти, и если не хочешь моей смерти, то возвратись и не желай видѣться со мною.“

Презрительно улыбнулся Садовскій. „Иди къ своей пани,

сказалъ онъ посланному, и передай ей, что я не могу исполнить ея просьбу; она сама дала слово быть въ нынѣшнюю полночь моею женою и, конечно, сдержать свое слово.“

Слуга новоротилъ назадъ и, зная всѣ тропинки, окольною дорогою опередилъ Садовскаго и шведовъ.

Когда посланный возвратился, Валевская стояла у входа одной башни, построенной отдѣльно отъ прочихъ зданій замка, и когда получила отвѣтъ Садовскаго, глаза ея заблестали какою-то чудною рѣшимостію.

Она велѣла всѣмъ отойти отъ башни, а сама взшла на самый верхъ, желая еще изъ-далека видѣть приближеніе жениха.

Окруженный шведами, весело въѣхалъ Садовскій на мостъ, ведшій къ воротамъ замка, и увидѣвъ на башнѣ Валевскую низко ей поклонился; но въ это время мостъ задрожалъ, раздался страшный грохотъ... Садовскій на нѣсколько минутъ потерялъ и память, и рассудокъ, но когда, пришедши въ себя, взглянулъ на башню, гдѣ стояла Валевская, то увидѣлъ вмѣсто башни—груды камней. Взрывъ, зажженный рукою Валевской, уничтожилъ ее, и Валевская исчезла навсегда среди дыма и развалинъ.

XI.

Юзи.

Много было и въ Литвѣ и въ Польшѣ прехорошенькихъ дѣвочекъ, которыхъ звали Юзей, но вѣроятно не было краше той Юзи, которая росла незамѣтно въ домѣ небогатаго, но добраго и честнаго шляхтича Тадеуша Юницкаго, владѣтеля одного наслѣдственнаго и двухъ небольшихъ арендованныхъ фольварковъ.

Если и не благословилъ Всевышній пана Тадеуша особеннымъ избыткомъ, то все же панъ Тадеушъ жилъ въ полномъ довольствѣ: кладовыя его всегда были полны разными съѣстными припасами, огромныя бочки старой водки, пива и меда и даже нѣсколько боченковъ вытравнаго венгерскаго стояли въ погребу шляхтича, который съ настоящимъ польскимъ радушіемъ принималъ прїѣзжавшихъ къ нему сосѣдей, приговаривая народную польскую поговорку: „Гость въ домъ,—Богъ въ домъ.“

Радужный хозяинъ усердно держался дѣдовскихъ обы-

чаевъ и преданій, въ которыхъ, надобно сказать правду, много было очень хорошаго, хотя конечно и не безъ нѣкоторыхъ недостатковъ. Панъ Тадеушъ былъ образцомъ настоящаго польскаго шляхтича прежняго времени, онъ былъ честенъ, добръ, веселъ, ладилъ съ сосѣдами, но высоко однако цѣнилъ права шляхты, горячился на сеймикахъ, побрякивая своею кривою саблею, и не совѣмъ долюблялъ жидовъ, питая къ нимъ какую-то наслѣдственную неприязнь. Кромѣ того, панъ Тадеушъ, какъ коренной шляхтичъ благаго времени, умѣлъ и самъ хорошо поѣсть и хорошо выпить и вмѣстѣ съ этимъ угостить у себя въ домѣ, на славу, всѣхъ своихъ пріятелей.

Сверхъ этихъ качествъ, панъ Тадеушъ отличался, какъ истинный сынъ католической церкви, примѣрною набожностью: онъ строго постился, отдавалъ десятину въ костелъ и укроцалъ время отъ времени порывы своей бунтующей плоти ременной дисциплиной.

Панъ Тадеушъ, отецъ хорошенькой Юзи, и самую важность молитвы понималъ посвоему: по убѣжденію его, чѣмъ она была длиннѣе, и слѣдовательно утомительнѣе, тѣмъ болѣе она должна была имѣть дѣйствительности. Простодушный панъ Тадеушъ никакъ не могъ отдѣлать понятіе о молитвѣ съ понятіемъ объ усталости, и поэтому самому онъ всегда искалъ случая, какъ бы послушать длинныя проновѣди, потому что онъ всего болѣе своею нескончаемостію утомляли добраго шляхтича.

Жена пана Тадеуша была тихая женщина, любившая больше всего на свѣтѣ своего мужа, и потому чистоту и порядокъ въ домѣ; но однако, когда Богъ даровалъ честной четѣ, на ея радость и утѣшеніе, послѣ долгаго без-

плодія, Юзю, то пани Малгожата (такъ звали жену пана Тадеуша) сама не знала, порою, кого она больше любитъ— своего ли дорогаго сожителя или маленькую Юзю, которая лепеча ласково протягивала къ ней свои пухленькія ручонки.

Жизнь супруговъ, только изрѣдка, и то по необходимости посѣщавшихъ лежавшее вблизи отъ ихъ фольварковъ грязное мѣстечко, набитое евреями, — текла тихо и однообразно. Лѣтомъ вставанье вмѣстѣ съ солнцемъ, а зимою еще и при свѣчѣхъ, усердная молитва, утренній завтракъ, — потому что въ ту пору, въ которой относится разсказъ, чай, какъ лекарство, продавали только въ аптекахъ, — потомъ хлопоты по хозяйству, далѣе — плотный обѣдъ, за нимъ послѣобѣденный сонъ, послѣ сна, опять хлопоты по хозяйству или чтеніе душеспасительныхъ книгъ, затѣмъ сытній ужинъ, послѣ ужина вечерняя молитва и наконецъ крѣпкій сонъ— были ежедневною принадлежностію въ мирной жизни родителей Юзи.

Въ праздники и при пріѣздѣ гостей, обычный образъ ихъ жизни измѣнялся впрочемъ весьма немного. Поѣздка въ костель, веселая и откровенная бесѣда, разсказы о томъ, о семъ, а порою и пляска подъ скрипку сосѣда Ицки, разнообразили нѣсколько обычную жизнь небогатой семьи.

Самымъ ближайшимъ сосѣдомъ и самымъ задушевнымъ пріятелемъ пана Тадеуша былъ чиншовой шляхтичъ, панъ Крыштофъ, старый вдовецъ, у котораго, впрочемъ остался отъ жены сынъ, годами десятью постарше Юзи. Когда сыну пана Крыштофа минуло семнадцать лѣтъ, отецъ его (не могшій дать ему для устройства его жизни ничего, кромѣ родительскаго благословенія и одного дуката), слѣ-

дуя праотеческому обычаю, разложилъ парня, какъ природнаго шляхтича, на коверъ и собственною рукою отсчитавъ ему нѣсколько десятковъ горячихъ бизуновъ, то есть ременныхъ плетей, съ наставленіемъ быть всегда честнымъ и покорнымъ передъ старшими, — отпустилъ его искать счастье въ домъ одного богатаго нана, которому панъ Кръштофъ приходился какимъ-то весьма дальнимъ родственникомъ. Но въ старинной Польшѣ родство, даже самое отдаленное, давало право на покровительство и доброе расположеніе.

Молодой Вацлавъ, поклонившись въ ноги родителю и съ глубокимъ почтеніемъ поцѣловавъ родительскую руку, давшую ему такое практическое наставленіе для успѣховъ въ жизни, отправился верхомъ изъ-подъ роднаго крова къ своему ясновельможному покровителю.

Скоро ли добрался Вацлавъ до своего покровителя, намъ до этого нѣтъ дѣла; скажемъ только, что когда молодой паничъ явился къ ясновельможному, то послѣдній спросилъ его:

— А читать и писать умѣешь?

— Учился у піаровъ *), отвѣчалъ Вацлавъ, — и кончилъ у нихъ риторикѣ.

— Ну тѣмъ лучше, замѣтилъ ясновельможный; — а саблей-то ты какъ?

— Отецъ училъ меня этому, бойко сказалъ Вацлавъ и смѣло посмотрѣлъ на шляхтичей, стоявшихъ около ясновельможнаго хозяина.

*) Піары — орденъ монаховъ, существовавшій въ Польшѣ и Литвѣ и заботившійся въ особенности объ образованіи юношества.

— Хорошо, перебилъ хозяинъ, — посмотримъ много ли ты успѣлъ въ этомъ, и обратившись къ Вацлаву велѣлъ ему идти во дворъ и тамъ по очереди помѣриться на сабляхъ съ каждымъ изъ шляхтичей, жившихъ въ домѣ пана.

Конецъ испытанія былъ въ пользу новоприбывшаго. Довольный хозяинъ снова обратился къ шляхтичу съ вопросомъ:

— Ну, а понимаешь ли ты что нибудь въ хозяйствѣ?

— Кое-къ-чему присмотрѣлся у моего отца, отвѣчалъ Вацлавъ.

Послѣдній свой вопросъ заключилъ ясновельможный слѣдующими словами:

— Ну, а какъ религія? Хорошій ли ты католикъ?... И получивъ на это утвердительный отвѣтъ, панъ объявилъ Вацлаву, что онъ принимаетъ его къ себѣ въ службу.

Въ ту пору въ домѣ каждаго польскаго пана жилось много молодыхъ дворянъ. Они по привязанію пана развозили письма, ѣздили за нимъ верхомъ во время его поѣздовъ на охоту, въ гости или на семействъ; спали по очереди въ комнатахъ передъ панскою спальней совѣмъ одѣтые, на случай какихъ либо особыхъ привязаній пана въ ночную пору.

За молодыми шляхтичами, жившими такимъ образомъ въ панскомъ домѣ, строго наблюдали, чтобъ они не баловались. Не смотря на попойки, которыми такъ славилась старинная Польша, пить шляхтичу, не имѣвшему тридцати лѣтъ, было стыдно, и потому молодой шляхтъ, служившей при панскихъ дворахъ, строго запрещалось пить вино; имъ не позволялось также играть въ карты, и пойманнаго въ карточной игрѣ или били плетью, или заставляли, при всей молодежи, стѣсть

рубленны карты, приправленны простымъ соусомъ, называемымъ у поляковъ бигосомъ. Молодымъ шляхтичамъ, служившимъ въ панскомъ домѣ, не позволено было ни подѣлать предлогомъ входить на женскую половину; однако въ большіе праздники и въ именины хозяина, они имѣли право танцовать со всѣми дамами, прїѣзжавшими въ гости къ ихъ пану.

О наукахъ такая молодежь вовсе не думала; напротивъ, если кто нибудь изъ среды ея принимался читать книги, то надъ тѣмъ безпрестанно подсмѣивались, какъ надъ монахомъ, и не давали ему покоя, и напротивъ тотъ, кто показывалъ удалъ, кто умѣлъ ловко биться на сабляхъ, мѣтко стрѣлять изъ пистолета и смѣло управлять бѣшенымъ конемъ, тотъ прїобрѣталъ и дружбу, и уваженіе всѣхъ своихъ сотоварищей.

Между тѣмъ, какъ Вацлавъ жилъ въ домѣ ясновельможнаго, Юзя росла и хорошѣла: ея свѣтло-голубые глазки дѣлались все темнѣе и темнѣе, ея русые волосы, какъ шелковыя пряди, окаймливали свѣженькое личико, на которомъ бѣлизна, казалось, спорила съ румянцемъ. Подраставшая Юзя, по обычаю всѣхъ польскихъ дѣвицъ того времени, училась весьма мало; она вытвердила на память нѣсколько молитвъ, научилась читать не слишкомъ бѣгло, писать не слишкомъ красиво, обучилась она также и кое-какимъ незамысловатымъ, впрочемъ, руководѣльямъ; но большую часть года она забавлялась любимой своей кошечкой и ухаживала за цвѣтами, которые она разводила въ небольшомъ садикѣ, бывшемъ передъ домомъ.

Юзѣ было лѣтъ около двѣнадцати, когда однажды она съ отцемъ и матерью сидѣла на крыльцѣ дома. День вече-

рѣль, солнце уходило за лѣсъ, золотя его вершины; въ воздухѣ стояла неподвижная тишина, и только порою слышался острый крикъ стрижа, быстро поднимавшагося къ небу. Вдругъ панъ Тадеушь, заслонивъ глаза рукою, чтобъ защитить ихъ отъ красноватыхъ лучей погасавшаго солнца, сказалъ жепѣ своей:

— Посмотри, Малгося, никакъ къ намъ гости.

Малгожата, прищуривъ свои узенькіе отъ излишней полноты глаза, посматривала внимательно на дорогу, по которой, какъ будто легкій дымокъ, поднималась золотистая пыль, пронизываемая послѣдними лучами солнца.

— Да, это къ намъ, отвѣчала утвердительною голосомъ Малгожата.

Дѣйствительно, черезъ нѣсколько минутъ передъ домомъ пана Тадеуша стояла уже такъ называемая каламашка, то есть небольшая телѣжка, и изъ нея вылѣзалъ старый шляхтичъ, панъ Крыштофъ, и въ то же время съ лихаго воронаго коня ловко и проворно соскочилъ сынъ его Вацлавъ.

Четыре года, проведенныхъ Вацлавомъ вдалькѣ отъ родительскаго дома, мало измѣнили его; правда, онъ возмужалъ, окрѣпъ и бѣлокурый усь сталъ сильнѣе пробиваться надъ губами, полными свѣжести.

Послѣ обычныхъ привѣтствій пошли разспросы о томъ, какъ поживаетъ панъ Вацлавъ; изъ этихъ разспросовъ оказалось, что ясновельможный, къ которому онъ поступилъ въ услуженіе, и которому, какъ мы сказали, онъ приходился какимъ-то дальнимъ родственникомъ по бабкѣ, если еще не по прабабкѣ, былъ вовсе не изъ числа магнатовъ того времени, спесиво посматривавшихъ на бѣдную шляхту и оскорблявшихъ ее на каждомъ шагѣ своею надменностію, по-

тому только, что она порою терпѣливо переносила эти оскорбленія. Покровитель Вацлава былъ человекъ добрый и сострадательный; онъ не хотѣлъ пользоваться тѣмъ, что прихоть судьбы поставила одного человека въ зависимость отъ другого.

Пріѣзжіе гости остались ночевать; поэтому весь вечеръ, а потомъ и весь слѣдующій день прошелъ незамѣтно въ домъ пана Тадеуша. Вацлавъ рассказывалъ хозяину и хозяйкѣ о Вильнѣ и о Варшавѣ, въ которыхъ они никогда не бывали и на которыя взглянуть они крѣпко желали. Рассказывалъ имъ также Вацлавъ и о тѣхъ боевыхъ стычкахъ, въ которыхъ ему уже привелось побывать, говорилъ онъ имъ и о королѣ, и о сеймѣ, и мало ли еще о чемъ толковалъ Вацлавъ хозяину и хозяйкѣ, слушавшимъ его рассказы съ жаднымъ любопытствомъ деревенскихъ жителей.

На другой день, когда, какъ говорится, спалъ жаръ, Вацлавъ собрался съ своимъ отцомъ въ дорогу. Вороной конь Вацлава стоялъ у крыльца, выбивая копытами землю.

Вацлавъ, прощаясь съ хозяевами, провожавшими гостей, вышелъ на крыльцо. Онъ былъ, что называется, настоящій молодецъ; а старинный польскій нарядъ придавалъ ему еще болѣе удали. На Вацлавѣ былъ жупанъ изъ кармазиннаго сукна, застегнутый у шеи позолоченными запонками, синій суконный кунтушь съ шестью большими пуговицами, выточенными изъ кровавика. И кунтушь, висѣвшій за плечами на толстомъ шелковомъ шнурѣ, и жупанъ были обшиты серебряными галунами. Кривая сабля висѣла съ боку; голову Вацлава покрывала надѣтая ухорски на бекрень небольшая шапка изъ голубаго бархата, съ околышемъ изъ крымской овчины.

Радужные хозяева провожали своих гостей, а панъ Тадеушъ съ большимъ кубкомъ венгерскаго приставаля къ Вацлаву, прося его выпить на дорогу.

— Не пора мнѣ еще пить, отвѣчалъ Вацлавъ хозяину:— еще молодъ я для этого, но такъ и быть выпью этотъ кубокъ, если только ты, панъ, позволишь мнѣ его выпить за здоровье моей невѣсты; и при этихъ словахъ Вацлавъ показалъ на Юзи, которая тоже вышла на крыльцо провожать гостя.

Всѣ засмѣялись.

— Хорошо, хорошо, панъ Вацлавъ, говорилъ панъ Тадеушъ, подавая ему кубокъ; — пей за здоровье невѣсты; только смотри не забудь ее; вѣдь вѣрно и въ Вильнѣ и въ Варшавѣ найдется много паненокъ, которыя будутъ и попригоже и побогаче моей Юзи.

— Увидишь, панъ, отвѣчалъ Вацлавъ, что шляхтичъ— господинъ своему слову; и затѣмъ, пожелавъ здоровья своей будущей невѣстѣ, Вацлавъ разомъ осушилъ кубокъ, ловко вспрыгнувъ на коня, и держа одною рукою поводъ, а другою поправляя шапку, сказалъ смѣясь Юзи.

— Смотри же Юзи,—помни своего жениха, черезъ пять лѣтъ я за тобой приѣду! и прищипнувъ коня, онъ быстро поскакалъ по дорогѣ. За нимъ въ своей каламашкѣ покатилъ и панъ Крыштофъ. Долго смотрѣли хозяева вслѣдъ отъѣхавшихъ гостей, отъ души желая имъ и здоровья и счастья.

Пошелъ опять годъ за годомъ. Старикъ Крыштофъ часто навѣщалъ своего сосѣда и съ подробностями рассказывалъ ему о своемъ сынѣ, который сдѣлался первымъ любимцемъ богатаго магната. Между тѣмъ Юзи подросла и сдѣлалась

прехорошенькой невѣстой; жизнь ея шла попрежнему, только меньше она забавлялась кошкой, но за то больше цвѣтовъ разводила она каждое лѣто. Думала ли она о Вацлавѣ, или нѣтъ,—Богъ ее знаетъ; только Вацлавъ не забывалъ, какъ видно, своей невѣсты, потому что онъ сдержалъ свое слово. Едва, какъ говорятъ поэты, наступила для Юзи семнадцатая весна, какъ Вацлавъ опять съ своимъ отцомъ пріѣхалъ въ домъ Тадеуша, чтобъ выполнить свое слово. Мы не станемъ описывать красоты Юзи, не потому что у всякаго есть свой вкусъ и что слѣдовательно Юзя, пожалуй чего добраго, иному и не понравится, но потому, что описаніе наше не представитъ вполнѣ той кротости и той привлекательности, которыми отличалась Юзя. Мы расскажем только о томъ, какъ окончательно сладилась свадьба Вацлава.

Въ первый день пріѣзда Вацлава, отецъ его, послѣ ужина, объявилъ отцу Юзи, что сынъ его проситъ руки его дочери; и когда отцы тутъ же согласились между собою, то женихъ, по стародавнему польскому обычаю, упалъ въ ноги своей невѣстѣ.

Отъ помолвки и до свадьбы срокъ въ прежнее время былъ недологъ; но между разными хлопотами, которыми обыкновенно бываютъ озабочены родители въ это время, пана Тадеуша занимала въ особенности забота о томъ, гдѣ бы достать для Юзиной свадьбы самаго лучшаго меду.

Въ Литвѣ, гдѣ жилъ панъ Тадеушъ, велся обычай, что если основывалось какое-нибудь новое іезуитское учрежденіе: вѣнцаторъ ли, больница ли, училище ли, то отцами-іезуитами назначался торжественный день для открытія и для освященія новаго учрежденія. Къ этому дню привозили изъ Полоцка:

бочку баторіана, то есть меда, приготовленнаго іезуитами въ то время, когда былъ заложенъ въ Полоцкѣ королемъ Стефаномъ Баторіемъ іезуитскій коллегіумъ. Огромная бочка этого меда висѣла, въ мѣстѣ своего рожденія, на толстыхъ желѣзныхъ цѣпяхъ, тщательно сохраняемая въ монастырскомъ подвалѣ. Привозимая же изъ Полоцка бочка, налитая этимъ медомъ, была краеугольнымъ камнемъ всѣхъ питейныхъ запасовъ новаго іезуитскаго учрежденія и поэтому она принималась отцами-іезуитами съ особымъ, подобавшимъ ей почетомъ. Привезенный изъ Полоцка медъ употреблялся первый разъ при открытіи новаго іезуитскаго учрежденія, и потомъ при празднованіи каждой его годовщины; кромѣ того медъ этотъ употреблялся въ именины ордена, то есть въ день св. Игнатія Лойолы, и въ извѣстныхъ, важныхъ случаяхъ выдавали его не въ слишкомъ большомъ количествѣ особеннымъ благотворителямъ іезуитскаго учрежденія, а также и первымъ его основателямъ и ихъ нисходящимъ потомкамъ; послѣднимъ впрочемъ только тогда, когда они были больны лихорадкой. Взятое количество меда тотчасъ же доливалось самымъ старѣйшимъ медомъ, бывшимъ въ подвалахъ отцовъ-іезуитовъ.

Запасшись, при содѣйствіи своихъ покровителей, этою драгоценностію, панъ Тадеушъ уже не видѣлъ никакого препятствія къ празднованію брака Юзи, и поэтому послалъ, какъ это водилось въ прежнее время, даже въ самыя далекія мѣста запрашивать на свадьбу своей дочери всѣхъ, кто приходился ему какимъ бы то ни было родственникомъ.

Юзя полюбила Вацлава. Нужно ли говорить о томъ, что каждая дѣвушка, покуда не наступила минута брака,

ждеть ее съ нетерпѣніемъ; она представляетъ въ своемъ воображеніи счастливую жизнь замужства, важность хозяйки дома, свободу женщины, вышедшей изъ-подъ той зависимости, въ которой она находилась прежде, будучи дѣвушкой. Она безпрестанно занимается хлопотами около приданаго, и въ этихъ хлопотахъ находитъ для себя и развлеченіе и забаву; ея воображеніе полно самыхъ сладкихъ грезъ, среди которыхъ ей видится она сама въ вѣнѣ изъ бѣлыхъ цвѣтовъ.

Но когда наступаетъ пора разставанія съ родимой кровлей, тогда сердце беретъ верхъ надъ воображеніемъ. Въ сердцѣ дѣвушки возникаютъ дорогія и милыя для нея воспоминанія и она, какъ бы навсегда разставаясь съ ними, чувствуетъ какую-то невольную, неодолимую грусть. Ей дѣлается жаль своей скромной горенки и любимаго уголка въ родительскомъ домѣ, и выращенныхъ ея заботою цвѣтовъ; съ печалью вспоминаетъ она о ласкахъ отца и матери; ей становится жаль и добрыхъ подругъ и вѣрныхъ слугъ; все прошлое вдругъ оживаетъ передъ нею въ какомъ то обольстительномъ свѣтѣ, и она, со слезами на опущенныхъ рѣсницахъ, стыдливо подаетъ жениху свою дрожащую руку.

Наканунѣ Юзиной свадьбы справили въ домѣ пана Тадеуша по старопольскому обычаю дѣвичникъ. Вечеромъ въ этотъ день, въ ярко освѣщенной комнатѣ, подружки невесты усѣлись въ тѣсный кружокъ готовить для нея вѣнокъ изъ розмариновъ. Мужчины были въ этотъ вечеръ на половинѣ, отведенной для жениха, и пили венгерское. Къ ужину собрались всѣ гости въ одну комнату, а въ числѣ ихъ былъ и знатный панъ, покровительствовавшій Вацлаву и полю-

бывшій его, какъ сына. Приѣхала также на Юзину свадьбу и вдова одного богача-воеводы, считавшаяся какою-то троюродной теткой женѣ пана Тадеуша.

Когда вошелъ почетный гость, то невѣста, по старому обычаю, низко поклонилась ему, а онъ поцѣловалъ ее въ голову и благословилъ ее. Женихъ, въ свою очередь, поклонился въ ноги вошедшей знатной пани и получилъ отъ нея позволеніе поцѣловать ея руку.

Послѣ продолжительнаго ужина, окончившагося однаго рано, потому что за ужинъ принялись спозаранку, — начались танцы; женихъ въ этотъ вечеръ не имѣлъ права не только говорить съ своей невѣстой, но и не смѣлъ даже подходить къ ней.

Поздно разъѣхались и разошлись гости по отведеннымъ имъ хатамъ и комнатамъ.

Наступило ясное лѣтнее утро. Послѣ тревожной ночи, Юзя на разсвѣтѣ крѣпко уснула; крѣпко также спали всѣ гости; не спала только пани Малгожата: грустно ей было при мысли, что она должна будетъ разстаться съ своей Юзей, и она едва сдерживала наvertsывавшійся у нея на глазахъ слезы.

Тихо, на цыпочкахъ, вошла пани Малгожата въ комнату своей дочери. Все было просто въ этой комнатѣ: бѣлая стѣна, чистый полъ, ситцевый пологъ надъ кроватью, а на стѣнѣ образъ Богоматери, окруженный вѣнкомъ изъ свѣжихъ розъ; на окнахъ разставлены были горшки цвѣтовъ.

Мать стала на колѣни передъ образомъ, которымъ ее самую благословилъ отецъ передъ выходомъ ея въ замужество и который потомъ она повѣсила надъ колыбелью Юзи.

Едва пани Малгожата кончила свою усердную молитву, какъ цѣлый рой веселыхъ дѣвушекъ влетѣлъ въ комнату Юзи; это были ея подружки. Онѣ держали въ рукахъ корзины, полныя цвѣтовъ, на которыхъ еще висѣли свѣтлыя крупныя капли утренней росы, и вся комната наполнилась свѣжимъ запахомъ розъ, сирени и жасмина. Дѣвушки звонкимъ смѣхомъ разбудили Юзю и поздравили ее съ наступившимъ днемъ брака.

Между тѣмъ на дворѣ, не смотря на раннее утро, раздавался стукъ экипажей и слышалось хлопанье бичей; въ ту пору, по старинному обычаю, и хозяева и гости вставали слишкомъ рано.

Магнать и знатная пани, удостоившіе своимъ посѣщеніемъ свадьбу Вацлава и Юзи, хотѣли, чтобъ обрядъ вѣнчанія былъ совершенъ съ соблюденіемъ всѣхъ старинныхъ польскихъ обычаевъ. Поэтому, когда стали одѣвать молодую къ вѣнцу, то ее посреди комнаты посадили на кадку съ опарой, покрытую богатымъ ковромъ и соболемъ, привезенными ясновельможнымъ паномъ въ подарокъ молодой. Друзки расплели Юзѣ косу и надѣли на нее бѣлое платье, украшенное букетами цвѣтовъ и кружевами. У Юзи не было ни дорогихъ камней, ни золотыхъ бездѣлушекъ; но ихъ, впрочемъ, по тогдашнему польскому обычаю и не надѣвали даже на самую богатую невѣсту, такъ какъ, еслибъ она надѣла ихъ, то это было бы знакомъ ожидающаго ее несчастья и горя. Точно также не надѣвали на невѣсту, по тому же самому повѣрью, ничего краснаго, ни чернаго.

Платья для молодой и для четырехъ ея друзей доставила пани-воеводова въ подарокъ. Въ ту пору это былъ обычай, ни мало не считавшійся оскорбительнымъ.

Между тѣмъ всѣ гости собрались въ самой большой комнатѣ дома; двери открылись и двѣ прехорошенькихъ дѣвочки, кузинки невѣсты, внесли на подносахъ маленькіе букеты изъ мирта и розмарина. Онѣ бойко подбѣгали къ холостымъ мужчинамъ, прищипывали къ ихъ кунтушамъ эти букеты и желали имъ жениться. Нѣкоторые, принимая изъ ручекъ хорошенькихъ подросточковъ букеты вѣроятно думали про себя: „подожди, плутовка, я женюсь тогда, когда ты сама вырастешь,—ждать недолго, годика три, четыре!“ Раздавъ холостякамъ букеты, рѣзвухи побѣжали опять въ комнату невѣсты.

Спустя нѣсколько времени растворились обѣ половинки дверей и вошла молодая, въ сопровожденіи своихъ двухъ близкихъ роственниковъ; за нею ея кузинки несли на блюдѣ миртовый вѣнокъ. Мать надѣла этотъ вѣнокъ на Юзю, и въ это время у Юзи слезы, какъ брильянты, посыпались изъ опущенныхъ внизъ голубыхъ глазъ; послѣ благословенія Юзи отцомъ, мать положила ей за пазуху венгерскій червонецъ съ изображеніемъ Богородицы. Юзя упала въ ноги отцу, женихъ сдѣлалъ тоже.

— Да благословить васъ Богъ! сказали разомъ всѣ голоса, и слѣдомъ за молодыми вышли на крыльцо, чтобъ отправиться въ костель.

По принятому тогда обычаю, дамы поѣхали въ экипажахъ, мужчины верхомъ; въ костелѣ и женихъ и невѣста стояли отдѣльно. Изъ костела молодые вернулись уже вмѣстѣ, сидя рядомъ въ каретѣ. Обѣдъ ждалъ ихъ. Жениха и невѣсту посадили на первое мѣсто и начался веселый обѣдъ.

Послѣ обѣда, пожилые гости принялись за венгерское, а молодежь за танцы. Началось, по обыкновенію, съ поль-

скаго; почтенный гость взялъ молодую, прошелся съ нею и потомъ передалъ ея руку Вацлаву. Въ это время одинъ изъ родственниковъ Юзи, препожилый адвокатъ, обучавшійся сперва у іезуитовъ, выступилъ съ поздравительною рѣчью; вся напыщенная и восторженная рѣчь адвоката, въ которой перечислялось родство жениха и невѣсты съ наиболѣе знаменитыми фамиліями въ Литвѣ и Польшѣ, и превозносились добродѣтели родителей брачной четы — была перемѣшена латинскими фразами и изрѣченіями въ родѣ слѣдующихъ: *ихог bona cogona carpitis*, т. е. добрая жена есть вѣнецъ главы и пр.

Послѣ продолжительной рѣчи, которую всѣ гости слушали съ желаніемъ, чтобъ она поскорѣе покончилась, начались непрерывные танцы и между ними веселая мазурка, въ такомъ видѣ, въ какомъ танцовали ее въ старинной Польшѣ.

Каждый кавалеръ, безъ различія возраста, бралъ ближайшую къ нему даму и становился въ общій кругъ; дѣвицы нѣжно брались за платице и выставляли впередъ свои маленькія ножки. Раздались первые звуки мазурки и нѣсколько паръ разомъ ринулось въ середину круга. Задрожала комната отъ притоптыванія каблуками, и быстро понеслись дѣвушки, извиваясь, какъ змѣйки, около молодцоватыхъ кавалеровъ. Мазурка привела въ восторгъ всѣхъ, и даже самые дряхлые старики, стоя на мѣстѣ, били ногами въ тактъ и отъ удовольствія хлопали молодежи въ ладоши, въ знакъ поощренія.

Долго длились танцы; за ними начался ужинъ. За ужиномъ, какъ и за обѣдомъ, дамы усѣлись по одной, а мужчины по другой сторонѣ стола. Веселый говоръ и смѣхъ не

прекращались ни на минуту. Во время ужина пили опять за здоровье молодых и втихомолку отъ молодых желали побывать у нихъ на крестинахъ.

Послѣ ужина, въ полночь, молодая ушла незамѣтно изъ комнаты, гдѣ были гости; а часъ спустя проводили ея ней въ спальню съ музыкой и молодого. Въ комнатѣ передъ спальней былъ накрытъ столъ, а на немъ стояли сласти. Мужчины съ рюмками въ рукахъ пожелали молодымъ здоровья....

Все это весьма часто бывало въ прежнее время, которое многіе безусловно хвалятъ и за бывшую въ ту пору скромность, и за царствовавшее тогда строгое благочестіе; но которое однако, какъ замѣтилъ одинъ польскій писатель, „все-таки не было такъ скромно и такъ благочестиво, какъ твердятъ о немъ молодымъ старые люди.“ Въ ту пору, по словамъ этого писателя, вѣрно пили, ссорились, дрались, вѣнчались для приданого или для протекціи, и весьма часто разводились вскорѣ послѣ брака.

Быть можетъ, что и это несомнѣнная правда; но мы также знаемъ и то, что Вацлавъ и Юзя обвѣнчались безъ всякаго расчета, что на ихъ свадьбѣ никто ни съ еѣмъ не поссорился и не подрался, хотя и надобно связать правду, что вслѣдствіе меда и венгерскаго многіе гости не могли привстать съ своихъ мѣстъ. Знаемъ также и то, что Вацлавъ и Юзя прожили дружно и счастливо сорокъ тридцать лѣтъ, и что они оставили послѣ себя цѣлую дюжину дѣтей, — дочерей похожихъ на мать, а сыновей—на отца.

ХІІ.

Четыре мѣшка.

На Подолѣ еще донинѣ среди престопаодья слышатся въ пѣсняхъ и въ преданіяхъ рассказы о старобѣ каніовскомъ*), ясновельможномъ панѣ Николаѣ Потоцкомъ; много также сохраняется въ Польшѣ и въ Литвѣ разныхъ анекдотовъ и повѣствованій о его странностяхъ и причудахъ; а одинъ изъ его современниковъ, Карпинскій, описалъ подробно всю жизнь старобы каніовскаго. Если вѣрить книгѣ Карпинскаго, старобы каніовскій былъ каимъ-то извергомъ, потому что онъ, по словамъ своего біографа, собственною рукою убилъ, по крайней мѣрѣ, сорокъ человекъ. Впрочемъ,

*) Старобы первоначально были правителями областей, судьями и предводителями мѣстной шляхты при выступленіи ея въ походъ. Вслѣдствіи званіе старобы было почетною наградой за заслуги Рѣчи Посполитой; Сигизмундъ ІІІ началъ отдавать старобамъ королевскія имѣнія, съ большою властью и со взносомъ только четвертой части дохода съ этихъ имѣній на содержаніе войска.

такіе рассказы не могут заслуживать довѣрія. Карпинскій, какъ извѣстно, былъ противникомъ Потоцкаго въ политическихъ стремленіяхъ; онъ принадлежалъ къ партіи короля Станислава Понатовскаго, съ которымъ такъ настойчиво боролся Потоцкій. Притомъ и народныя преданія, рассказывая о многихъ продѣлахъ ясновельможнаго пана, не упоминаютъ о такихъ жестокостяхъ, но представляютъ Потоцкаго только какимъ-то чудакомъ и забіякой, какимъ онъ и былъ на самомъ дѣлѣ.

Много можно привести рассказовъ о странностяхъ своеговольнаго магната, между прочимъ о томъ, какъ онъ жилъ среди базилианскихъ монаховъ въ Почаевѣ, какъ онъ лечилъ ихъ, какъ онъ тамъ каялся и сокрушался сердцемъ о своихъ грѣхахъ. Тѣло Потоцкаго, умершаго 15 юли 1782 года, донныѣ еще лежитъ въ томъ же монастырѣ.

Любимымъ мѣстопребываніемъ пана Николая Потоцкаго было наслѣдственное его мѣстечко Бучачъ на Подолѣ. Мѣстечко это расположено среди самыхъ живописныхъ окрестностей, на рѣкѣ Стрыпѣ. Здѣсь, по низменнымъ берегамъ извиистой рѣки, текущей между холмами, виднѣются среди зелени пирамидальныхъ тополей нѣсколько костеловъ, базилианскій монастырь, ратуша и сотни полторы небольшихъ домиковъ, разсыянныхъ по холмамъ и по долинѣ.

Въ сторонѣ, надъ мѣстечкомъ, на высокой горѣ, поросшей плотнымъ кустарникомъ, стоятъ еще и теперь развалины огромнаго и нѣбогда великолѣпнаго замка: здѣсь жилъ староста каніовскій. Не вдаль отъ мѣстечка находился еще въ былое время другой небольшой замокъ, въ которомъ, среди тоски и горя, провела свою жизнь жена старобы, Марія-Анна, славившаяся въ околотеѣ красотою и добротою

сердца. Въ то время, когда замокъ Потоцкаго оглашался шумными пирами, веселыми криками и нечестивыми потѣхами, въ жилищѣ его жены слышались только тихія молитвы.

Весело, правда на свой ладъ, жилъ староста въ Бучачѣ; однако и ему одинъ разъ, по милости четырехъ мѣшкочъ, привелось испытать такое неожиданное, страшное горе, о какомъ онъ, конечно, никогда не могъ даже и помыслить.

Дѣло началось, для того времени, очень просто.

Недалеко отъ мѣстечка, въ которомъ пироваль и своевольничалъ Потоцкій, стояла на большой проѣзжей дорогѣ корчма. Былъ жаркій лѣтній день; солнце палило удушливо; въ неподвижномъ воздухѣ было такъ тихо, что золотистая рожь, дозрѣвавшая по окраинамъ большой дороги, не колебалась даже ни однимъ волосомъ. Проѣзжихъ въ такой жаръ не было; всѣ бѣжали отъ солнечнаго припева въ прохладную тѣнь и укрывались тамъ, ожидая, когда спадетъ дневной жаръ, чтобы отправиться дальше въ дорогу. Поэтому, въ растворенныя настежь ворота корчмы никто не вѣзжалъ въ это время.

На дворѣ корчмы стоялъ конь, привязанный къ деревянной колодѣ; а на столбѣ, близъ колоды, были развѣшаны сѣдло, подпруга, уздечка, пара пистолетовъ и сабля. По всему этому видно было, что въ корчму заѣхалъ освѣжиться какой нибудь странствовавшей шляхтичъ.

Дѣйствительно, въ одной изъ комнатъ корчмы — молодой, высокій и плечистый мужчнина добывалъ изъ дорожнаго вьюка разныя мелкія принадлежности, необходимыя въ пути. Пересмотрѣвъ въ порядкѣ ли все имущество, шляхтичъ хотѣлъ прилечь отдохнуть, какъ вдругъ на дорогѣ, а вслѣдъ затѣмъ и подъ самыми окнами корчмы, по-

слышались конскій топотъ и шумъ въѣхавшаго въ ворота тяжелаго экипажа.

Извѣстно, что содержатели корчмы всегда радуются завѣщимъ гостямъ. Но на этотъ разъ Ицко, содержатель прибувачской корчмы, сунувшійся было въ окошко, отскочить отъ него, какъ ошпаренный, и блѣдный, трясясь всѣмъ тѣломъ, едва могъ вскрикнуть: „ай, вай! старѣстесь!“ Съ этими словами онъ опрометью кинулся изъ корчмы.

Въ снѣгахъ между тѣмъ раздалось множество голосовъ и послышались грозные крики на растерявшагося Ицку.

Шляхтичъ, услышавъ шумъ, раздумалъ уже ложиться отдыхать и въ ожиданіи вновь прибывшихъ путниковъ усѣлся на лавкѣ подлѣ стола. Вдругъ дверь широко запахнулась. Ицко показался на порогѣ; одной рукой онъ держался за дверную скобку, въ другой рукѣ была у него ермолка, которую онъ, низко нагибаясь всѣмъ тѣломъ, опускалъ до самаго полу, въ знакъ своего уваженія къ шедшему слѣдомъ за нимъ путешественнику.

Вошедшій за Ицкой мужчина былъ человѣкъ уже пожилой, высокаго роста; голова его была выбрита и только на макушкѣ висѣлъ длинный чубъ; длинные усы закрывали ему ротъ, глаза смотрѣли сурово. Лобъ и толстый подбородокъ были покрыты множествомъ глубокихъ морщинъ. На немъ былъ надѣтъ суконный кунтушъ фіолетоваго цвѣта, доходившій до колѣнъ, съ рукавами на-отлетъ; подъ кунтушемъ былъ атласный жупанъ свѣтло-небеснаго цвѣта, застегнутый подъ шеей брильянтовой запонкой. Опоясанъ онъ былъ литымъ серебрянымъ поясомъ, съ золотой бахромой напередѣ; у пояса, на шелковой тесьмѣ, была привѣшена кривая сабля съ дорогой рукоятю.

Когда вошелъ новый гость шляхтичь всталъ съ мѣста, сдѣлалъ нѣсколько шаговъ впередъ и отвѣсилъ вошедшему пану низкій поклонъ.

— Откуда и зачѣмъ ѣдешь одинъ? спросилъ грозно важный панъ.

— Служилъ я при дворѣ покойнаго каштеляна Коссовскаго, отвѣчалъ почтительно шляхтичь.

— Такъ-то... проговорилъ протяжно панъ.

— Да, ясновельможный, перебилъ шляхтичь: — я служилъ у разныхъ пановъ, и служилъ у нихъ и вѣрно и честно.

— Порядочный слуга не третъ угловъ по корчмамъ крикнулъ сердито староста.

— Я дѣлаю это только во время дороги, пробормоталъ оробѣлый шляхтичь; — видитъ Богъ, не иначе, ясновельможный панъ.

— Знаю, знаю, и камень прирастаетъ къ мѣсту, а вашъ братъ любить шлаться съ мѣста на мѣсто.

— Что жъ дѣлать, ясновельможный! Человѣкъ ищетъ себѣ хлѣба, и потому дѣлаетъ то что принужденъ дѣлать.

— Да кто жъ тебя-то, братъ, принуждаетъ? Вѣдь ты самъ говоришь, что у тебя было мѣсто?

— Да; но Богъ скоро прибралъ въ свою славу нашего пана; всѣмъ намъ пришлось промыслать о себѣ, и теперь я ищу куска хлѣба.

— А зачѣмъ искать? спросилъ грозно Потоцкій.—Развѣ мой хлѣбъ твердъ для твоихъ зубовъ?

— Высоки пороги у ясновельможнаго пана, а я человекъ неважный, отвѣчалъ смиренно шляхтичь, почтительно кланяясь Потоцкому.

— Ничего, братъ, это ничего, замѣтилъ Потоцкій, — если идешь собирать грибы, клади каждый грибокъ въ корзину; а то вашъ братъ объѣзжаетъ мой дворъ, какъ будто въ немъ чума.

— Если бъ я могъ пригодиться на что нибудь ясневельможному пану, поспѣшилъ замѣтить шляхтичь.

Съ этими словами онъ опустилъ смиренно глаза, низко нагнулся и прикоснулся къ старостѣ ниже колѣна тремя пальцами.

— Развѣ годится такъ шляться? Ѣдешь какъ какой нибудь старый дѣдъ съ торбой! Что у тебя здѣсь? спросилъ вдругъ староста, взглянувъ на дорожный вьюкъ шляхтича.

— Пустяки, ясневельможный панъ, — такъ, разныя вещицы, необходимыя въ дорогѣ и для лошади и для человѣка.

— Это хорошо, замѣтилъ снисходительно Потоцкій. — Что жъ у тебя тамъ?

— Скребница, щетка, гребень, бритва, есть кое-что изъ бѣлья и изъ платья, а также кусокъ полотна и кусокъ кожи для заплатокъ.

— А ножницы есть?

— Есть, ясневельможный.

— А игла, нитки, шило, дратва?

— И это есть, ясневельможный.

— А обсычка для подковъ, а щипцы, а молотокъ?

— И это есть, ясневельможный.

— Покажи же мнѣ все это.

— Будто бы вашей милости угодно видѣть всю эту дрянъ?... отвѣчалъ шляхтичь, заминаясь и почесывая свой чубъ.

— Покажи, покажи, любезный, повторилъ привѣтливо Потоцкій;—я хочу убѣдиться не врешь ли ты.

Шляхтичъ развязалъ свой мѣшокъ, вынулъ оттуда все то что спрашивалъ у него ясневельможный и разложилъ на столѣ свое имущество. Староста пересмотрѣлъ все съ большимъ вниманіемъ.

— А гдѣ шнперъ, чтобъ кровь пускать? вдругъ грозно спросилъ Потоцкій, пристально взглянувъ на шляхтича.

Шнипера не оказалось.

— Что жъ ты, братецъ мой, будешь дѣлать, заговорилъ ясневельможный,—если у тебя конь захвораетъ въ дорогѣ, да особенно въ такіе жары? — Настоящій шляхтичъ, продолжалъ поучительнымъ голосомъ Потоцкій, — долженъ имѣть при себѣ все что можетъ понадобится въ дорогѣ и для человѣка и для лошади. Ты долженъ былъ имѣть для лошади шниперъ, а для себя ложку, ножъ, вилку, соль и перецъ. Гдѣ ты все это достанешь въ дорогѣ? У тебя всего этого я что-то не вижу. Такъ какой же ты шляхтичъ, если ты не имѣешь при себѣ всего необходимаго? Эй! Иванка! крикнулъ староста, отворивши дверь въ сѣни.

На зовъ пана вскочилъ въ комнату огромный дѣтина и остановился, какъ вкопанный, ожидая приказаній.

— Взять его, — пусть попляшетъ, сказалъ грозно Потоцкій, показывая на шляхтича. — Онъ ужъ имѣетъ отъ меня грамату; нужно только приложить печать. Сорокъ плетей ему,—не больше!

Казакъ опрометью кинулся за своими товарищами. Шляхтичъ тоже было кинулся въ двери за своей саблей, но не успѣлъ добѣжать до нея, какъ его обступила толпа казаковъ. Съ храбростью ничего не сдѣлаешь противъ силы.

Какъ ни отбивался, какъ ни барахтался шляхтичъ, казаки повалили его на землю; двое сѣли къ нему на плечи, двое держали за руки и четверо за ноги. Началась расправа. Потоцкій молча смотрѣлъ на это.

— Ясный панъ! Видить Богъ, что я шляхтичъ! Ой, ой! кричалъ наказываемый.

Не помогло ничто. Онъ получилъ сполна назначенное ему число плетей.

— Это, братъ, ничего, сказалъ Потоцкій, махнувъ рукой въ то время, какъ шляхтичъ приподнимался съ ковра;— это ничего; ты молокососъ, а я старикъ,—помни, ты самъ поблагодаришь меня за науку; она въ лѣсъ не убѣжитъ.

Казалось, затѣмъ только и пріѣзжалъ ясневельможный въ корчму, потому что тотчасъ же послѣ этого изъ воротъ корчмы выкатила запряженная шестерикомъ коляска; въ ней, полулежа, сидѣлъ Потоцкій; шесть казаковъ ѣхало впереди экипажа и столько же сзади. Послышались потомъ конское ржаніе, гиканье, хлопанье бичей, и весь поѣздъ понесся вихремъ по пыльной дорогѣ.

Отъѣзжая отъ корчмы, Потоцкій дружески бивнулъ шляхтичу головой на прощанье. Бѣднякъ стоялъ какъ ошеломленный; онъ не могъ еще придти въ себя, и самъ не зналъ что съ нимъ сдѣлалось.

Кое-какъ добрался шляхтичъ до корчмы; пуститься верхомъ въ дорогу не было никакой возможности. Заботливый Ицко натаскалъ въ комнату сѣна и уложилъ на него шляхтича. Закрывшись плащомъ, шляхтичъ охалъ и скрежеталъ зубами. Въ теченіе нѣсколькихъ дней Ицко имѣлъ попеченіе о его конѣ, а жена Ицки грѣла вино съ мыломъ, и этимъ цѣлебнымъ составомъ натирался несчастный

шляхтичъ, проклиная въ душѣ виновника своихъ бѣдъ.

Между тѣмъ въ то время, какъ въ корчмѣ лежалъ шляхтичъ, туда явился панъ Юзефъ, старинный пріятель больного шляхтича. Онъ возвращался домой и зашелъ въ корчму для того только, чтобъ закурить свою трубку. Увидавъ на дворѣ знакомаго воронаго коня съ бѣлой отмѣткой на ногѣ и со стрѣлкой на лбу, онъ догадался, что въ корчмѣ долженъ быть его пріятель, владѣлецъ этого коня, панъ Янъ. Панъ Юзефъ поспѣшилъ навѣстить своего стараго товарища.

— Что съ тобой сдѣлалось, панъ Янъ? спросилъ Юзефъ.

— Боленъ я не боленъ, но далъ мнѣ знать себя этотъ каніовскій песъ, проворчалъ шляхтичъ:—отнял онъ у меня и хлѣбъ и здоровье. Пусть его за меня Господь Богъ накажетъ, да только хорошенько!

— Знаю, знаю, замѣтилъ панъ Юзефъ:— мнѣ кое-что поразказалъ Ицко о твоёмъ несчастьи. Слушай же однако, продолжалъ панъ Юзефъ:—вѣдь ты будешь никуда негодная баба, если не отплатишь Потоцкому своей обиды!

— Да что жъ я-то сдѣлаю?... возразилъ печальнымъ голосомъ шляхтичъ:— онъ сильный панъ, ѣздитъ всегда съ огромной дворней, а я человекъ ничтожный, одинокій.

— Какъ будто мы съ тобой хуже чѣмъ-нибудь Потоцкаго! съ гордостью возразилъ панъ Юзефъ;— да развѣ мы съ тобой не такіе же шляхтичи, какъ онъ! Вѣдь ты знаешь пословицу: „Шляхтичъ въ огородѣ равенъ воеводѣ.“

— Знаю, знаю, пробормоталъ панъ Янъ, повертываясь съ трудомъ на сѣнѣ.

— Лежи спокойно и слушай что я расскажу тебѣ, замѣтилъ Юзефъ. — Съ этими словами, онъ подвинулъ ска-

мейку къ сѣну, на которомъ лежалъ его хворый пріятель, и началъ разсказывать слѣдующее:

— Староста поставилъ около Бучача каменный столбъ съ изображеніемъ Божіей Матери и далъ обѣтъ сидѣть подъ этимъ столбомъ каждую субботу и собирать подаяніе. Сидитъ онъ тамъ одѣтый не такъ, какъ всегда, а наряжается для этого въ лохмотья, привѣшиваетъ длинную сѣдую бороду и привязываетъ по бокамъ сумы, — переодѣвается онъ такъ, что его не легко и узнаешь. Онъ дѣлаетъ видъ, будто молится и проситъ подаянія, а на самомъ-то дѣлѣ онъ подслушиваетъ что говорятъ и какъ отзываются проѣзжіе насчетъ разныхъ его остроумствъ, которыя онъ велѣлъ написать на столбѣ. Когда выздоровѣешь, не забудь объ этомъ и отплати ему хорошенько. Ты вѣдь и самъ по себѣ парень здоровый, справишься съ нимъ и одинъ: а если хочешь, пригласи меня, да еще одного изъ своихъ товарищей. Когда намъ удастся расправиться хорошенько со старостой, мы хорошенько погуляемъ въ Тереховлѣ, а побудемъ говѣть у отцовъ-августіановъ.

Янъ не отвѣчалъ ничего, но только раздумывалъ надъ разсказомъ своего добраго пріятеля.

— Да развѣ онъ тебя только одного такъ обидѣлъ! продолжалъ панъ Юзефъ.—Что онъ обидѣлъ нашего брата, бѣднаго шляхтича, такъ тутъ нѣтъ ничего удивительнаго; а то вѣдь и равному себѣ онъ не даетъ спуска. Вѣрно ты слышалъ, какъ онъ съѣхался однажды на мосту съ паномъ Калиновскимъ, старостою винницкимъ, и приказалъ ему уступить дорогу, а тотъ, такой же сорванецъ какъ и онъ, не исполнилъ приказанія; Потоцкій, имѣя при себѣ болѣе дворни, нежели Калиновскій, приказалъ вытащить его

изъ коляски, разложить на дорогѣ и всыпать ему сто пятьдесятъ плетей. Правда, что вслѣдствіе этого была у нихъ большая тѣжба; выигралъ ее, конечно, Калиновскій, которому Потоцкій долженъ былъ заплатить двѣсти тысячъ злотыхъ за безчестье. Да на что Калиновскому деньги? онъ и самъ богачъ; староста винницкій даже ихъ и не тронулъ, а приложилъ къ нимъ еще столько же своихъ, да на всѣ эти деньги и построилъ монастырь во имя Богоматери. Оттерпѣлся, значить, во славу Божию. — Но, знаешь, староста каніовскій боится смерти, потому что, какъ онъ самъ говоритъ, ему придется непременно попасть въ когти дьяволу; онъ все вытерпитъ, только-бы не убили его.

Разказавъ все это своему пріятелю, панъ Юзефъ набилъ снова трубку, закурилъ ее, пожалъ дружески руку пану Яну и уходя сказалъ ему: „Да не нѣжься долго, а то мнѣ за тебя будетъ стыдно.“

Послѣ отъѣзда пріятеля изъ вѣрчмы, шляхтичъ то лежалъ, то ходилъ по комнатамъ, и когда замѣтилъ, что онъ уже можетъ отправиться въ путь верхомъ, осѣдлалъ своего коня, уложилъ всѣ свои бездѣлки въ мѣшокъ, припоминая сколько онѣ надѣлали ему горя, рассчитался съ добрымъ Ицкой и осторожно сѣвъ на своего скакуна пустился далѣе во имя Божіе.

Послѣ разказаннаго происшествія прошло нѣсколько недѣль, а быть-можетъ прошло даже и нѣсколько мѣсяцевъ. Шляхтичъ уже изрѣдка думалъ о томъ, какъ бы отомстить магнату за нанесенную обиду; онъ нашелъ для себя очень хорошее мѣсто при дворѣ какого-то воеводы, который любилъ его и оказывалъ ему большое довѣріе.

Случилось однажды, что воевода отправилъ куда-то съ

письмомъ пана Яна; при этомъ ему нужно было ѣхать черезъ Бучачъ, гдѣ жилъ въ то время староста каніовскій. Тутъ вспомнилъ панъ Янъ завѣтъ своего добраго пріятели—отомстить оскорбителю. Недолго думалъ объ этомъ смѣтливый шляхтичъ. Сдѣлалъ онъ себѣ изъ холста четыре большіе мѣшка: въ одинъ изъ нихъ онъ насыпалъ ячменныхъ крупъ, въ другой гречневыхъ, въ третій гороху, а въ четвертый пшениныхъ крупъ, все это вложилъ въ дорожный вьюкъ и не безъ цѣли отправился по дорогѣ въ Бучачъ, приноровивъ такъ, чтобы тамъ непременно быть въ субботу.

Подъѣхалъ шляхтичъ къ мѣстечку, и когда приблизился къ столбу, на которомъ было поставлено изображеніе Богоматери, то увидѣлъ, что на ступеняхъ подъ этимъ столбомъ сидитъ въ лохмотьяхъ какой-то стариканшка, а около пояса у него было съ каждой стороны по большому мѣшку.

Быстро взглянулъ шляхтичъ на старика своимъ соколинымъ взглядомъ и тотчасъ догадался кто такой былъ этотъ попрошайка. Забилося вѣрно сердце шляхтича, когда онъ увидѣлъ предъ собою предметъ своего давняго мщенія.

— Да будетъ похвалено имя Господне! сказалъ шляхтичъ, поравнявшись со стариканшкой.

— Во вѣки вѣковъ, отвѣчалъ сѣдобородный, низко кланяясь путнику.

Хриплый голосъ старика окончательно убѣдилъ шляхтича, что это былъ тотъ самый, съ кѣмъ онъ хотѣлъ перевѣдаться. Шляхтичъ слѣзъ проворно съ лошади и привязалъ ее къ дереву. Между тѣмъ старикъ громко и съ воздыханіями читалъ „Отче нашъ.“ Шляхтичъ, слѣзши съ коня, сталъ рыться въ своемъ дорожномъ вьюкѣ и, выта-

щивъ оттуда одинъ за другимъ приготовленные мѣшки, сказалъ:

— Давай-ко, дѣдушка, свою торбу; я тебѣ насыплю ячменныхъ крупъ, а ты помолишься за душу раба Божьяго Яна.

— Пошли ему, Господи, царство небесное, отвѣчалъ старикъ, подставляя прикрѣпленную у бока суму.

Шляхтичъ всыпалъ туда ячменныхъ крупъ до верху, а старикъ завязалъ крѣпко-на-крѣпко свою суму, перегибаясь набокъ отъ ея тяжести.

— Ну, дѣдушка, сказалъ снова шляхтичъ, — подставь теперь другую торбу; достанешь ты гречневыхъ крупъ, за душу рабы Божией Катерины.

Старикъ подставилъ суму, прикрѣпленную съ другого бока; шляхтичъ насыпалъ туда гречневой крупы до верху, а старикъ крѣпко завязалъ суму, которая потянула его на другой бокъ.

— Ну, дѣдушка, сказалъ шляхтичъ, — давай теперь третью суму, я насыплю тебѣ гороху, а ты помани раба Божьяго Францишка.

Съ трудомъ, отъ тяжести двухъ сумъ, наполненныхъ ужъ крупю, повернулся старикъ спиною къ шляхтичу. Оказалось, что у него назади была третья торба.

Насыпалъ шляхтичъ эту торбу горохомъ до верху, и уже самъ завязалъ ее какъ можно покрѣпче. Старикъ едва стоялъ на ногахъ подъ тяжестью сдѣланнаго ему подаенія.

— Ну, дѣдушка, сказалъ шляхтичъ, — подставляй теперь четвертую торбу; я насыплю тебѣ пшениныхъ крупъ, а ты помолишься за душу Матеуша.

Но четвертой сумы у старика не оказалось.

— Такъ ты вотъ какой, старый бездѣльникъ! грозно крикнулъ шляхтичъ:—народъ возвращается теперь съ праздника, хочеть подать милостыню во имя Богоматери, а у тебя нѣтъ и торбы, куда бѣ положить подаваніе! Ахъ ты, негодяй! Постой же, вотъ я сейчасъ выучу тебя!...

Съ этими словами, шляхтичъ вытащилъ изъ-за пояса пребольшой арапникъ. Старикъ съ крѣпко привязанными къ нему сумами не могъ двинуться съ мѣста; вдобавокъ онъ запутался въ своихъ лохмотьяхъ. Здоровый и молодой шляхтичъ осилилъ его въ минуту, и поваливъ на землю принялся отсчитывать ему съ-плеча двѣ сотни ударовъ арапникомъ. Потоцкій вертѣлся и ёжился какъ вьюнъ, но не кричалъ, а только сопѣлъ, пыхтѣлъ и скрежеталъ зубами.

— Будь теперь здоровъ, дѣдушка, сказалъ шляхтичъ, затыкая арапникъ за поясъ;—помни, быть-можетъ ты когда нибудь поблагодаришь меня за науку; самъ ты знаешь, что наука не волкъ: въ лѣсъ она не убѣжить. Помни также, дѣдушка, добавилъ шляхтичъ, кивнувъ дружески Потоцкому головою на прощанье, —что какою мѣрою ты мѣришь, такую же тебѣ возмѣрится.

Сказавъ это шляхтичъ сѣлъ на своего скакуна: пыль взвилась подъ конскими копытами, и шляхтичъ скрылся на большой дорогѣ.

Отвязавъ кое-какъ свои торбы, старикъ кинулся въ свой замокъ, и сбросивъ тамъ съ себя лохмотья созвалъ своихъ надворныхъ казаковъ и крикнулъ имъ:

— Эй, ребята! Сейчасъ черезъ Бучачъ проѣхалъ шляхтичъ на вороной лошади, въ синей шапѣ. Догоняйте его! А тотъ, кто приведетъ его ко мнѣ, получить любого коня изъ моихъ табуновъ и въ придачу сто червонцевъ.

Какъ вихрь помчались казаки въ погоню за шляхтичемъ. Увѣренный въ томъ, что его не скоро еще будутъ преслѣдовать, шляхтичъ ѣхалъ ужъ шажкомъ за Бучачемъ, когда вдругъ на него съ гикомъ налетѣли со всѣхъ сторонъ казаки. Шляхтичъ притворился, что онъ ничего не знаетъ, не вѣдаетъ.

— Съ чего вы вздумали разбойничать на большой дорогѣ? крикнулъ онъ казакамъ, и обнажилъ свою саблю.

Но казаки приперли его ко рву, конь шляхтича споткнулся и упалъ. Дѣло вышло плохо. Казаки схватили его; крѣпко стянули веревками и ремнями по рукамъ и по ногамъ и положивъ, какъ барана, на двѣ лошади потащили его въ замокъ на расправу.

Съ удивленіемъ узнали возвратившіеся казаки, что панъ ихъ сдѣбался вдругъ боленъ и что онъ слегъ въ постель, чего съ нимъ отъ роду не бывало. Одинъ только шляхтичъ смекалъ причину болѣзни ясневельможнаго, но не говорилъ ничего. Когда донесли Потоцкому, что бѣглець пойманъ, то онъ приказалъ привести его къ себѣ. Обмеръ шляхтичъ и пошелъ на вѣрную погибель. Когда онъ вошелъ въ спальню, гдѣ лежалъ староста, то Потоцкій велѣлъ шляхтичу подойти къ постели, и сказавъ казакамъ: „Накормите лошадей!“ бросилъ имъ мѣшокъ червонцевъ. Обрадованные казаки выбѣжали опрометью изъ комнаты, а Потоцкій, вперивъ свои глаза въ бѣднаго шляхтича, спросилъ его какъ-то разсѣянно:

— А что, узналъ теперь ты меня?

— Не имѣлъ еще счастья никогда встрѣчаться съ вашей милостью, отвѣчалъ бойко шляхтичъ, почтительно кланяясь магнату.

— Не лги, братецъ! замѣтилъ староста:—мы съ тобой знакомы давно, да я - то на бѣду промѣнялъ быка на индѣйку, да вотъ еще даю тебѣ и это въ придачу.

Съ этими словами, вынувши изъ шкатулки коробку, опечатапную съ двухъ сторонъ, Потоцкѣй бросилъ ее шляхтичу въ шапку.

— Сосчитаешь это дома, сказалъ онъ;— но, братишка, смотри, если ты хоть кому нибудь, если даже хоть матери родной, расскажешь о томъ что между нами было, то не будь я Потоцкѣй, ежели я не велю отсчитать тебѣ столько же плетей, сколько я получилъ отъ тебя сегодня... а теперь поѣзжай съ Богомъ!..

Задумался шляхтичъ, и не отвѣчая ничего, почтительно поклонился Потоцкому и затѣмъ вышелъ изъ его спальни.

Только за Бучачемъ опомнился шляхтичъ и перевелъ спокойно духъ. Онъ прежде всего поблагодарилъ Бога за свое избавленіе отъ страшной напасти, а послѣ этого раскрылъ ларчикъ, брошенный ему въ шапку старостой, и нашель въ этомъ ларчикѣ сто червонцевъ.

Возвратясь домой, шляхтичъ съ молитвой пересчиталъ еще разъ свои червонцы, протеръ глаза, какъ будто не вѣря тому что онъ видитъ и потомъ... взявъ въ аренду фольварокъ, зажилъ самъ настоящимъ паномъ.

ХІІІ.

Анна Ожельская.

По смерти знаменитаго освободителя Вѣны отъ осады турокъ, Яна Собѣскаго, храбраго воина, но постоянно дававшаго слишкомъ много воли женѣ своей, Маріи-Казимірѣ,— сѣлъ, въ 1697 году, на польскій престолъ курфирстъ или электоръ саксонскій Августъ, называемый у поляковъ вторымъ, такъ какъ у нихъ, въ ряду королей, считается первымъ Августомъ—Сигизмундъ II Августъ.

Августъ II, или иначе Августъ Сильный, при избраніи своемъ въ короли польскіе, былъ еще очень молодъ; онъ былъ прекрасенъ собою и одаренъ исполинской силой. Съ этими качествами онъ соединялъ въ себѣ безграничную доброту, вѣчную веселость, откровенность и великодушіе. Молодой король любилъ въ это время всего болѣе пышность, рыцарскія забавы и женщинъ.

Обладая огромными наслѣдственными богатствами, король очень легко могъ удовлетворять свою страсть къ пыш-

ности; и дѣйствительно, вскорѣ дворецъ короля-курфирста затмилъ своимъ великолѣпіемъ и блескомъ всѣ европейскіе дворы того времени.

Страсти къ рыцарскимъ забавамъ Августъ II, при своемъ богатствѣ, могъ дать полную свободу, что онъ и сдѣлалъ; а потому блестящіе турниры и многолюдныя карусели привлекали постоянно толпу гостей и въ Варшаву, и въ Дрезденъ. Золото лилось рѣкою для устройства этихъ празднествъ.

Затѣмъ оставалось Августу II удовлетворять еще одну, но за то самую сильную, страсть его,—именно страсть къ молоденькимъ и хорошенькимъ женщинамъ, и мы сейчас увидимъ, что судьба, слишкомъ уже благосклонная къ Августу, дала ему всевозможныя средства и всѣ способы также и для того, чтобъ онъ могъ имѣть вѣрные и постоянные успѣхи у женщинъ.

Правда, въ средніе годы жизни, у короля польскаго Августа II явилась еще новая страсть, а именно: непомерная и трудно удовлетворяемая жажда къ венгерскому вину, требовавшая частыхъ и продолжительныхъ попойекъ, которыя представляли какое-то рыцарское состязаніе между королемъ и его собесѣдниками. Впрочемъ, къ этому приучила его Польша; но въ то время, о которомъ идетъ рѣчь въ нашемъ разсказѣ, вино не составляло для молодого короля ни потребности, ни развлечения: ему прежде всего нужны были женщины и женщины...

Едва ли кто изъ смертныхъ одерживалъ надъ ними такой длинный рядъ блестящихъ побѣдъ, какими означилъ свое земное бытіе государь Саксоніи и Польши, этихъ двухъ странъ, гдѣ, по молвѣ народной, всего больше красавицъ: „Man sagt in Sachsen schöne Mädchen wachsen“, говорятъ

глубокомысленные нѣмцы. „Нѣтъ на свѣтѣ царицы, краше польской дѣвицы“, сказалъ Пушкинъ, перевода одну изъ балладъ Мицкевича, въ которой идетъ рѣчь о красотѣ полякъ; и надобно сказать правду, что въ этихъ случаяхъ не ошиблись ни нѣмцы, ни славяне.

Но кромѣ удобства мѣстностей, которыя сами по себѣ представляютъ такой обильный урожай красавицъ, и надъ которыми прихотливая судьба опредѣлила царствовать государю-волокутѣ, Августъ II самъ по себѣ имѣлъ все то что нравится женщинамъ въ мужчинѣ, и безъ королевской короны и безъ электорской шапки. Мы сказали прежде, что онъ былъ щедръ, окруженъ великолѣпиемъ, всегда болѣе или менѣе обаятельно дѣйствующимъ на каждую женщину; скажемъ теперь, что онъ кромѣ того имѣлъ необыкновенный даръ нравиться вообще кому бы то ни было, а тѣмъ болѣе прекрасному полу, какъ своимъ обращеніемъ, такъ и своею привѣтливостію. Онъ, если хотите, былъ, повидимому, въ одно и то же время, какимъ-то средневѣковымъ рыцаремъ, умѣвшимъ на словахъ высоко цѣнить каждую женскую добродѣтель, и Донъ-Жуаномъ, не щадившимъ на дѣлѣ ничего цѣломудрія. Трудно было устоять самой твердой добродѣтели противъ исканій Августа: однихъ женщинъ онъ быстро увлекалъ своею восторженностію, другихъ исподоволь одолевалъ своею притворной холодностію.

Надобно впрочемъ сказать, что и безъ запекваній со стороны Августа, польки сходили отъ него съ ума. Многія изъ нихъ, боясь своей дѣвической погребели, или страшась разстроить свое семейное счастье, усиливались скрывать свою любовь къ королю; но онъ тотчасъ угадывалъ ее. Король какъ будто подслушивалъ и сдержанные вздохи, и

неровный трепетъ сердца, которые онъ возбуждалъ при своемъ появленіи, подъ вѣтриками корсетами варшавскихъ красавиць. Но ни корсеты, въ то время твердые какъ панцири, ни непрístupныя физжи, вошедшія въ то время въ моду у польскихъ дамъ, не были надежною защитою для женщинъ противъ покушеній Августа II.

Однако король, какъ и вообще всѣ люди, чрезмѣрно балованные постояннымъ счастьемъ, не знали истинной цѣны своимъ дорогимъ завоеваніямъ: онъ скоро оставлялъ ихъ, и одна любовь быстро смѣнялась другою. Король очень легко забывалъ и горячія слезы, и страстныя объятія, и жгучіе поцалуи оставленныхъ имъ красавиць; но долго помнили его онѣ, долго онѣ вздыхали о своемъ прекрасномъ обольстителѣ и долго еще ссорились съ своими болѣе счастливыми соперницами, которымъ, впрочемъ, неизбѣжно предстояла та же самая участь.

Надобно однако замѣтить, что въ небезгрѣшныхъ завоеваніяхъ блистательнаго короля-курфирста должно было встрѣтиться одно, повидимому, неодолимое препятствіе, это—чистота польскихъ нравовъ.

Въ прежнее время, супружества въ Польшѣ были вообще безукоризненны; и если порою лукавому удавалось какъ нибудь попутать постоянно-вѣрную жену, то она не изсыкаемыми слезами и вѣчнымъ раскаяніемъ хотѣла стереть такое пятно въ своей супружеской жизни. Но не смотря однако ни на слезы, ни на сокрушенія грѣшницы, женщины, которымъ безъ особаго искушенія со стороны лукаваго удалось сохранить неизмѣнную вѣрность къ своимъ мужьямъ, съ презрѣніемъ смотрѣли на падшую добродѣтель, подавшую собою примѣръ небывалаго соблазна. Однако въ

первые годы XVIII вѣка, стали исчезать эти условія семейной жизни въ Польшѣ. Женщины въ эту пору начали подражать многимъ иноземнымъ обычаямъ, а въ числѣ ихъ и тому, который допускаетъ, кромѣ постоянной, обязательной супружеской любви, еще любовь другого рода.

Женщины и дѣвушки въ то время, о которомъ идетъ теперь рѣчь, не скрывались уже, какъ это было прежде, съ своими пылкими, сердечными чувствами, въ отдаленныхъ покояхъ мужа или родительскаго дома; напротивъ, онѣ, слѣдуя новымъ обычаямъ, стали свободно являться въ общество и среди его, безъ всякаго стѣсненія, обнаруживать свои душевные порывы и свои сердечныя влеченія. Онѣ начали съ прихотливымъ искусствомъ убирать волосы, заботливо выбирать цвѣта одежды, которые бы шли къ лицу, начали стягивать талии, смѣяться, танцовать, пудриться, веселиться, любезничать и все это стали онѣ дѣлать съ единственною цѣлью понравиться мужчинамъ.

Если же порою начинали подозрѣвать замужнихъ женщинъ въ неточномъ исполненіи ими всѣхъ супружескихъ обязанностей, то онѣ много-что краснѣли, но вовсе не думали плакать навзрыдъ, какъ ревѣла нѣкогда старуха Ядвига, королева Польская, когда нѣкто Гнѣвошъ Далевичъ насплетничалъ на нее ея мужу, королю Ягелло, будто она тайкомъ отъ него продержала нѣсколько недѣль въ своемъ замкѣ проѣзжавшаго черезъ Польшу молодого и красиваго австрійскаго герцога. Польскія дамы временъ Августа II не требовали отъ своихъ клеветниковъ, для возстановленія своей доброй славы, — ни явныхъ уликъ, ни признанія въ клеветѣ, какъ это сдѣлала Ядвига съ долгоязычнымъ паномъ Далевичемъ, котораго цѣломудренная и невпнно окле-

ветенная королева заставляла, въ наказаніе за запятнаніе ея супружеской чести, залѣзть подъ лавку, и оттуда, подражая собачьему лаю, просить прощенія за оскорбленіе нанесенное имъ невинной женщиной.

Польскія пани временъ Августа II громко смѣялись надъ выдумкою простодушной Ядвиги. Ни одной изъ нихъ не приходило въ хорошенькую головку обращаться къ такому замысловатому возмездію для возстановленія ихъ доброй славы, въ случаѣ напрасныхъ наговоровъ. Напротивъ, многія изъ нихъ хвалились, что онѣ не только въ молодости заставляли мужчинъ любить ихъ безъ ума, но гордились еще и тѣмъ, что онѣ, не смотря на свое увяданіе, умѣютъ, если захотятъ, прельстить своими прелестями — какъ пылкихъ юношей, такъ и охладѣвшихъ уже стариковъ. Такое измѣненіе прежнихъ семейныхъ нравовъ началось прежде всего въ высшихъ слояхъ польскаго общества и оттуда стало постепенно опускаться въ низшіе его слои. Въ то время, къ которому относится нашъ разсказъ, по замѣчанію одной хроникѣ, у польскихъ дамъ высшаго круга была „скромность безъ стыда.“

Среди общества такихъ женщинъ суждено было явиться Аннѣ Ожельской; она была замѣчательна не какъ историческая личность, но какъ одно изъ самыхъ хорошенькихъ личекъ, когда либо существовавшихъ въ поднебесной; кромѣ того надобно добавить, что съ воспомнаніемъ объ этомъ хорошенькомъ личикѣ связанъ разсказъ и о странной игрѣ случая.

Въ нѣкоторыхъ библіотекахъ, впрочемъ въ весьма немногихъ, можно найти не слишкомъ большую книжку, изданную въ 1735 году, въ Амстердамѣ, подъ заглавіемъ:

„La Saxe Galante.“ Трудно сказать положительно что было причиною рѣдкости этой книжки въ настоящее время. Должно однако замѣтить, что авторъ ея неизвѣстенъ; но судя по слишкомъ подробнымъ описаніямъ нѣкоторыхъ случаевъ изъ жизни Августа II, короля польскаго, надобно съ полною вѣроятностію заключить, что упомянутая книжка была написана лицомъ, весьма близкимъ къ этому государю; по всему видно, что неизвѣстный ея авторъ жилъ очень долгое время съ тѣмъ лицомъ, походаженія котораго онъ такъ подробно описывалъ. Книжка подъ заглавіемъ: „La Saxe Galante,“ въ любовной исторіи сильныхъ міра сего, особенно замѣчательна тѣмъ, что она описываетъ всѣ походаженія короля-курфирста, какъ знаменитаго поборителя женскихъ сердець, безъ всякихъ, между прочимъ, даже самыхъ краткихъ разказовъ о его подвигахъ, какъ государя Савсоніи, Польши и Литвы. О политикѣ въ этой книжкѣ нѣтъ ни полслова. Быть можетъ, это самое обстоятельство и есть одна изъ главныхъ причинъ, почему упомянутая книжка читается легко и пріятно, какъ занимательная повѣсть, хотя, надобно сказать правду, и не слишкомъ скромнаго содержанія.

Авторъ этой книжки начинаеть исторію любовныхъ походаженій своего царственнаго героя съ поѣздки его въ Испанію, гдѣ онъ, во время самаго жаркаго, самаго ожесточеннаго боя быковъ, успѣлъ влюбиться безъ памяти въ смуглую и черноокою дочь Андалузій, графиню де-Мансера. Далѣе, въ этой книжкѣ слѣдуютъ разказы о длинной вереницѣ разноплеменныхъ красавиць, которыя дарили Августу восторженныя мгновенья и подъ южнымъ, и подъ сѣвернымъ небомъ.

Но если неизвѣстный авторъ книги „La Saxe Galante“ позаботился разсказать потомству о такого рода подвигахъ Августа II, и постарался подробно передать его блестящія побѣды и надъ брюнетками, и надъ блондинками, и даже надъ рыженькими, то и самъ король, не менѣе почтеннаго автора, хлопоталъ о томъ, чтобъ увѣковѣчить память своихъ многочисленныхъ завоеваній.

Чтобъ вѣрнѣе достигнуть этого, онъ въ своемъ дрезденскомъ дворцѣ посвятилъ особенную, обширную залу для сохраненія памятниконъ своихъ сердечныхъ завоеваній. Зала эта и донинѣ наполнена портретами хорошенькихъ женщинъ, преимущественно же польскихъ красавицъ; всѣ эти женскія лички, смотря на любопытнаго посѣтителя изъ своихъ золоченыхъ рамъ, вѣютъ на него какою-то чудною, какою-то обаятельной нѣгой. Августъ II увозилъ въ свой дрезденскій дворецъ портреты всѣхъ женщинъ, въ которыхъ онъ влюблялся, и влюблялся, конечно, съ полнымъ успѣхомъ. Изъ этихъ-то портретовъ онъ составилъ значительную картинную галерею, воспѣтую извѣстнымъ чешскимъ поэтомъ Колларомъ.

Въ числѣ этихъ портретовъ вы встрѣтите одинъ, на которомъ въ особенности остановится ваше долгое, невольное вниманіе. Трудно изобразить перомъ все то что передала полотну искусная кисть художника. Скажемъ только, что портретъ этотъ былъ снятъ съ Генриетты Дюваль, французки, родившейся въ Варшавѣ, и что прелестная Генриетта, по сказанію однихъ біографовъ, была седьмою, а по сказанію другихъ семнадцатою любовницею Августа II. Впрочемъ, надобно замѣтить, что какъ первое, такъ и послѣднее извѣстіе заслуживаетъ одинаковую вѣроятность

счетъ не служить ни малѣйшимъ препятствіемъ ни въ томъ ни въ другомъ случаѣ, потому что число всѣхъ женщинъ, которыхъ любилъ Августъ и которыя ему платили тѣмъ же, далеко, какъ видно изъ числа портретовъ, превосходить не только 17, но и 117.

Конечно, въ pendant къ портретной галлерей побѣжденныхъ красавицъ не мѣшало бы Августу II, для болѣе точныхъ воспоминаній, составить еще и другую дополнительную коллекцію портретовъ тѣхъ личностей, которыя носили рога, полученные ими по милости короля; но король пощадилъ этихъ несчастливцевъ, и потому на васъ со стѣнъ этой галлерей — то весело, то задумчиво, то лукаво, то простодушно смотрятъ одни только хорошенькія личики. Среди ихъ вамъ самимъ дѣлается и пріятно! и грустно, и вы сами готовы и лукавить, и хитрить, и веселиться, и задумываться.

Пора однако сказать, что влюбчивый Августъ не былъ холостъ, а въ свою очередь испыталъ радости супружеской жизни, сочетавшись бракомъ съ принцессою Христиною Бранденбургскою. Однако нельзя умолчать и о томъ, что сама судьба покровительствовала королю, облегчивъ его брачные узы тѣмъ, что вслѣдствіе нѣкоторыхъ обстоятельствъ, о которыхъ мы сейчасъ скажемъ, королева не была ни малѣйшей помѣхой любовнымъ развлечениямъ своего мужа.

Надобно замѣтить, что королева Христина была самая ревностная лютеранка и что она поэтому ни подъ какимъ предлогомъ не хотѣла жить въ Варшавѣ, въ городѣ, въ то время, истинно-католическомъ. При томъ и самъ Августъ для того, чтобъ пользоваться въ небытность своей жены полной свободой, внушилъ своей супругѣ и полявамъ,

желавшимъ, чтобъ королева жила въ Варшавѣ (съ цѣлью, чтобъ при дворѣ королевскомъ могли бывать ихъ жены и дочери), что не совсѣмъ будетъ, по его мнѣнію, хорошо, если государыня-инновѣра изберетъ для постоянного своего мѣстопробыванія столицу католическаго государства. Поляки поняли однако хитрость короля; они смекнули, что въ отсутствіе королевы расходы Августа легко могутъ увеличиться по такимъ статьямъ, безъ которыхъ онъ могъ бы обойтись, еслибъ не разставался на долгое время съ своею женою, и потому тарноградская конфедерація формально, вооруженною рукою потребовала, чтобъ королева немедленно оставила Дрезденъ и переѣхала на постоянное жительство въ Варшаву. Августъ умѣлъ однако противостоятъ этому требованію съ неодолимымъ упорствомъ.

Между тѣмъ въ то время, когда Августъ II съ такимъ мужествомъ отстаивалъ свою личную свободу отъ бдительнаго надзора супруги, онъ самъ не замѣтилъ, какъ онъ попался въ строгую опеку къ одному изъ тѣхъ миловидныхъ созданий, портреты которыхъ онъ отправлялъ въ свою дрезденскую галерею. Строгимъ и неумолимымъ опекуномъ Августа—сдѣлалась прекрасная графиня Козель.

Извѣстно почти всѣмъ и каждому, что всего зорче смотритъ глазъ влюбленной и честолюбивой женщины: а между тѣмъ молоденькая графиня Козель была влюблена въ Августа донельзя. Кромѣ того, умненькая графиня сумѣла получить надъ королемъ безграничную власть и пользуясь ею вынудила отъ него тайное письменное обязательство вступить съ нею въ бракъ, если бы (чего Боже сохрани!), къ сожалѣнію всѣхъ подданныхъ короля-курфирста, пресѣлись драгоценные дни его супруги.

Устроивъ свою будущность такимъ образомъ, графиня Козель, чтобъ какъ можно вѣрнѣе удержать въ своихъ хорошенькихъ ручахъ летучее сердце Августа, учредила надъ его особой самый строгій, самый неусыпный надзоръ, давъ королю въ безсмѣнные адъютанты своего роднаго брата. Съ этой поры, графиня совершенно успокоилась насчетъ короля: она была вполне увѣрена, что ей будетъ извѣстенъ каждый его шагъ, и твердо надѣялась на то, что зло, какъ бы оно само по себѣ ужасно ни было, можетъ быть однако легко уничтожено, если только захватить его въ самомъ началѣ, не давая ему развиться. Но обыкновенно расчеты человѣческіе бываютъ почти всегда крайне неосновательны и большею частію всегда ошибочны. Это же самое случилось и теперь, потому что тотъ, кто долженъ былъ сдѣлаться неподкупнымъ и неусыпнымъ блюстителемъ вѣрности короля къ графинѣ,—тотъ самый сдѣлался и первымъ его искусителемъ.

Братъ графини Козель былъ молодой человѣкъ, всею душою привязавшійся къ королю и любившій вмѣстѣ съ тѣмъ хорошенько пожить, чему впрочемъ очень часто или, вѣрнѣе сказать, почти всегда препятствовалъ недостатокъ собственныхъ его денежныхъ средствъ, и потому онъ искалъ разнаго рода утѣхъ и забавъ преимущественно насчетъ королевской шкатулки.

— Гдѣ ты бываешь каждый день по вечерамъ? спросилъ однажды король своего адъютанта:—я тебя съ нѣкотораго времени что-то очень рѣдко вижу у себя во дворцѣ. Адъютантъ замаялся.

— Вѣрно снова удалось тебѣ отыскать какую нибудь

красавицу? смѣясь, продолжалъ король. — Ты, я знаю, всегда былъ счастливъ въ этомъ отношеніи.

— Только не въ настоящее время, ваше величество, отвѣчалъ братъ графини Козель, пользуясь разговорчивостію короля.

— А что, видно ты опять безъ денегъ?

— Конечно, ваше величество, неимѣніе денегъ мѣшаетъ исполненію многихъ предпріятій; но въ настоящемъ случаѣ едва ли можно будетъ успѣть и при ихъ помощи.

— А что? развѣ предметъ твоей теперешней страсти уже слишкомъ недоступенъ? спросилъ король съ замѣтнымъ любопытствомъ.

— Испытайте сами, ваше величество, отвѣчалъ адъютантъ, — и вы разрѣшите сдѣланный мнѣ вами вопросъ.

Тогда король началъ допытываться у своего адъютанта о томъ, кто такая была эта недоступная красавица, и наконецъ узналъ, что вся варшавская молодежь сходила съ ума отъ дочери французскаго виноторговца Дювала — Генриетты.

Король почувствовалъ неодолимое желаніе хотъ развѣ взглянуть на Генриетту; но нелегко было это сдѣлать при неусыпномъ за нимъ надзорѣ графини Козель. Чтобы достигнуть желанной цѣли, король заговорилъ съ братомъ графини окольными путями о своемъ намѣреніи только взглянуть на Генриетту. Король увѣрялъ своего адъютанта, что онъ желаетъ это сдѣлать вовсе не съ какою либо предосудительною цѣлью, но изъ одного только любопытства, чтобъ самому имѣть возможность убѣдиться, до чего можетъ доходить красота женщины. Увѣрившись же, во время этого разговора, въ преданности къ себѣ и въ скромности

приставленнаго къ нему шпиона, король рѣшился взглянуть на Генриетту.

Августъ II, переодѣвшись въ платье саксонскаго офицера, отправился съ своимъ адъютантомъ въ погребокъ къ Дювалю. Едва только его величество увидѣлъ Генриетту, какъ долженъ былъ сознаться, что Варшава не даромъ дала ей названіе первой красавицы. Дѣйствительно, семнадцатилѣтняя Генриетта Дюваль была хороша, какъ пучокъ махровыхъ, только-что сорванныхъ розъ, спрыснутыхъ лѣтнимъ дождекомъ, и король Августъ, отличный знатокъ женской красоты, тотчасъ увидѣлъ, что дочь Дюваля имѣетъ полное право украсить своимъ личкомъ галерею, составляемую въ Дрезденѣ заботою его величества о процвѣтаніи художествъ среди управляемыхъ имъ народовъ.

Адъютантъ короля горько обманулъ довѣріе, оказанное ему его сестрой-ревнивицей; онъ умѣлъ повести дѣло такъ искусно, что Генриетта, въ мундирѣ офицера польскихъ войскъ, явилась на другой день въ королевскій замокъ, для полученія отъ его величества особыхъ секретныхъ приказаній. Приказанія эти несомнѣнно были особенной важности; но странно было только то, что послѣ нѣсколькихъ порученій, данныхъ королемъ молодому офицеру и по прошествіи извѣстнаго срока, король безъ всякаго изумленія узналъ, что явившійся къ нему офицеръ сдѣлался не отцемъ, а матерью младенца, окрещеннаго подъ именемъ Анны. По свѣденіямъ же, полученнымъ въ то время графинею Козель, оказалось, что мать новорожденной дѣвочки была Генриетта Дюваль.

Замѣчательно, что Генриетта и сама графиня подарили

Августу по дочери въ одинъ и тотъ же день 1702 года.

Дочь графини Козель росла въ изобиліи и роскоши, потому что ее воспитывали какъ дочь короля; но грустна была судьба Анны. Надобно замѣтить, что Августъ II чрезвычайно любилъ своихъ побочныхъ дѣтей, и по всей вѣроятности дочь Генриетты сдѣлалась бы предметомъ его постоянныхъ и нѣжныхъ заботъ, если бы обстоятельства не были противъ Анны. Но горе стало преслѣдовать малютку съ пеленокъ. Война со шведами разгоралась годъ отъ году все сильнѣе и сильнѣе. Не разъ принужденъ былъ бѣгать Августъ II изъ города въ городъ, почти по пятамъ преслѣдуемый своимъ неутомимымъ соперникомъ Карломъ XII, любимцемъ военнаго счастья. Эти обстоятельства не позволяли королю заняться участіемъ Анны; притомъ мать ея вскорѣ умерла, испытывая страшную нищету. Въ семействѣ Дювалей, послѣ смерти Генриетты, не осталось никакихъ доказательствъ, которыя давали бы имъ хотя нѣкоторое право обратиться къ королю съ просьбою объ устройствѣ судьбы несчастной Анны.

Между тѣмъ годъ проходилъ за годомъ. Анна росла въ домѣ своего дѣда и хорошѣла съ каждымъ днемъ; а король изъ красиваго юноши сдѣлался прекраснымъ мужчиной; но прошла вторая его молодость и незамѣтными шагами стала приближаться старость къ Августу II. Часто король, въ бытность свою въ Дрезденѣ, долго съ грустною задумчивостію останавливался передъ портретомъ Генриетты; кто знаетъ, быть можетъ онъ представлялъ себѣ въ это время и ея забытую всѣми могилу, и брошенную на произволъ судьбы бѣдную сироту, въ которой текла его королевская кровь.

Всѣ замѣчали грустное настроеніе короля. Дворецъ его пустѣлъ мало-по-малу. Смодели въ немъ веселыя игры, не раздавался уже въ немъ звонкій и беззаботный смѣхъ красавиць, какъ это бывало въ прежніе годы. Но вдругъ все переизмѣнилось: во дворцѣ короля, неизвѣстно откуда, явилась прелестная лѣтъ двадцати дѣвушка, и всѣ начали говорить, что это, по всей вѣроятности, будетъ уже послѣдняя, но за то самая сильная привязанность короля, который сталъ боготворить эту дѣвушку и приказалъ называть ее во всѣхъ актахъ Анной Ожельской.

Крѣпко ошиблись однако тѣ, которые предполагали грѣшную любовь въ любви короля къ Аннѣ, потому что она, какъ это сдѣлалось вскорѣ извѣстно, была его дочь; но только долгое время скрывалась отъ всѣхъ тайна ея рожденія. Сталъ бы можетъ, что жребій Анны былъ бы самый печальный, еслибъ въ ея бѣдной долѣ не принялъ самое горячее участіе графъ Рутовскій.

Графъ Рутовскій былъ побочный сынъ короля Августа отъ плѣнной турчанки Фатимы; онъ былъ годами двумя старше Анны, и въ то время, о которомъ теперь идетъ рѣчь, командовалъ полкомъ королевской гвардіи и отличался рѣдкою добротою сердца. Узнавъ изъ глухой молвы о существованіи въ Варшавѣ, въ семействѣ Дювалей, забытой дочери своего отца, графъ отыскалъ подроставшую Анну и захотѣлъ устроить ея будущую судьбу, а вмѣстѣ съ тѣмъ и обрадовать своего отца находкою потерянной имъ дочери.

Не объявляя Аннѣ тайны ея рожденія, Рутовскій употребилъ всѣ средства для того, чтобы дать ей воспитаніе, сообразное съ тѣмъ положеніемъ, которое ожидало ее въ

будущемъ, и не желая, въ случаѣ нерасположенія къ ней ея отца, разстроить всѣ мечтанія которыя должны были родиться въ головѣ бѣдной дѣвушки при мысли, что она имѣетъ право назвать себя королевскою дочерью, графъ, подъ разными предлогами, уговорилъ Анну надѣть офицерскій мундиръ того полка, которымъ онъ командовалъ, и явиться въ рядахъ этого полка на королевскій смотръ.

День смотра наступилъ. Король съ сумрачнымъ лицомъ ѣхалъ по рядамъ того полка, которымъ командовалъ Рutowскій, и вдругъ съ радостнымъ изумленіемъ остановился передъ однимъ молоденькимъ офицеромъ. Король сдѣлалъ нѣсколько шаговъ далѣе, но не могъ удержаться, чтобы не поворотить назадъ своего коня и не подѣхать снова къ тому мѣсту, гдѣ стоялъ молоденькій офицеръ, на котораго онъ посмотрѣлъ съ такимъ изумленіемъ.

Нѣтъ!... это не призракъ... это она — Генриетта Дюваль, и въ томъ самомъ мундирѣ, въ которомъ она, двадцать лѣтъ тому назадъ, пришла ко мнѣ въ первый разъ, подумалъ про себя Августъ и взволнованный, не спуская глазъ съ молодаго офицера, онъ отѣхалъ въ сторону и подозвалъ къ себѣ графа Рutowскаго. Видно было, что король, говоря съ графомъ, въ одно и то же время сдерживалъ и радость и слезы. Ему было не до смотра: онъ нашелъ свою дочь, — живой портретъ Генриетты Дюваль.

Прошло весьма немного дней послѣ этого смотра, и королевскій замокъ въ Варшавѣ оживился опять, съ явленіемъ въ немъ Анны Ожельской, которую спустя нѣсколько времени онъ призналъ своею дочерью. Семейное же прозваніе для Анны король позаимствовалъ отъ польскаго слова *orzeł* (ожель), что значитъ порусски орелъ, желая

тѣмъ показать, что Анна по рожденію своему принадлежитъ Польшѣ, таеъ какъ польскимъ гербомъ былъ бѣлый одноглавый орелъ.

Король хотѣлъ, чтобы Анна пользовалась всѣми правами его дочери; поэтому залы королевскаго дворца были отдѣланы заново; въ нихъ начались блестящіе балы, напомнившіе Варшавѣ пышную и шумную молодость короля-курфирста. Сначала польскія матроны не совсѣмъ охотно отправлялись на эти балы, на которыхъ не только хозяйкою, но и царицею была очаровательная Анна. Но за то отъ молодежи рѣшительно не было отбою: чтó только было въ ней лучшаго,— спѣшило съ радостію на гостепріимный зовъ короля, чтобы любоваться его Анной, и конечно многіе изъ среды этой молодежи, а статья можетъ и немало стариковъ, мечтали о счастья сдѣлаться мужемъ Ожельской.

Августъ II очень охотно и притомъ съ большимъ приданымъ выдавалъ еще и прежде своихъ побочныхъ дочерей за поляковъ. Анна же была самая любимая его дочь; при бракѣ съ нею можно было надѣяться на многое; для нея одной король поддерживалъ непомерную роскошь своего двора: ему весело было смотрѣть, какъ забавлялась его рѣзвая Анна.

Между тѣмъ въ огромной толпѣ вздыхателей, окружавшихъ Анну, явился одинъ молодой человекъ Цетнеръ, изъ фамиліи нѣмецкаго происхожденія, но еще въ давнихъ временахъ поселившейся въ Польшѣ. Онъ былъ счастливый избранникъ Анны. Бракъ съ нимъ былъ возможенъ, но на Анну уже повѣяла нравственная порча того времени. Она нисколько не скрывала своей любви къ Цетнеру, и онъ являлся всюду, гдѣ только была Анна; но Анна хотѣла

прежде всего пользоваться полною свободой и не рѣшалась стѣснять себя узами брака. Долго ли противилась она исканіямъ Цетнера, опредѣлить нельзя; но извѣстно только то, что въ 1729 году она сдѣлалась отъ него матерью.

Впрочемъ, все это уладилось и легко и скоро: около этого времени явился въ Варшавѣ одинъ изъ иностранныхъ принцевъ; родословное его древо терялось своею широко разросшею вершиной чуть ли не въ самыхъ облакахъ; но фамилія, въ которой онъ принадлежалъ, владѣла какимъ-то микроскопическимъ государствомъ. Последнее обстоятельство заставляло недостоточнаго принца искать, по обычаю того времени, службы на чужой сторонѣ, если не съ чиномъ генерала, то по крайней мѣрѣ хоть бы съ чиномъ полковника. При стѣсненномъ положеніи домашнихъ дѣлъ принца, такая богатая невеста, какъ Анна Ожельская, была для него давно желанною находкой, а сама Анна, утомившись разсѣянною жизнью, хотѣла семейнаго покоя.

Скоро сватовство окончилось бракомъ, совершеннымъ въ Дрезденѣ съ необыкновеннымъ великолѣпіемъ, въ присутствіи двухъ королей и многихъ владѣтельныхъ герцоговъ и князей.

Такимъ образомъ, бѣдная, заброшенная нѣкогда сирота, а потомъ избалованная вѣтренница, сдѣлалась одной изъ самыхъ очаровательныхъ женщинъ въ цѣлой Европѣ, и грѣхъ своего рожденія и свой собственный прикрыла герцогскою мантией.

XIV.

Panie Kochanku.

Около половины прошедшаго столѣтїа, старинный домашній бытъ въ Польшѣ и въ Литвѣ началъ исчезать слишкомъ замѣтно. Иноземные обычаи и иноземный образъ жизни, усвоенные первоначально только королевскимъ дворомъ и самыми знатными панами, проникали мало-по-малу и въ другїя сословія.

Въ это время при дворѣ короля польскаго подражательность французамъ развилась уже до такой степени, что, какъ казалось, при этомъ дворѣ напудренные версальскіе придворные были скорѣе на своемъ мѣстѣ, нежели одѣтые въ кунтушѣ чубатые введоды—виленскій Радзивиль и кїевскій Потоцкій. Оба они, придерживаясь старо-польскихъ обычаевъ, казались уже какими-то чудаками среди офранцузившихся польскихъ царедворцевъ, — въ особенности же Радзивиль, который, и по своему личному характеру и по образу своей жизни, былъ представителемъ старинной поль-

ской народности, уже исчезнувшей въ кругу перерожденныхъ магнатовъ.

Между тѣмъ низшая польская и литовская шляхта, не поддавшаяся еще иноземному вліянію и слѣдовавшая дѣдовскимъ обычаямъ, видѣла въ Радзивилѣ представителя стараго времени, слѣдовательно и представителя своихъ коренныхъ правъ и наслѣдственныхъ преданій. По этому самому, виленскій воевода пользовался между польскою, и особенно между литовскою шляхтою, такою популярностію, какою, вѣроятно, никому, никогда и нигдѣ не удавалось достигнуть. Не было ни поляка, ни литвина, который не зналъ бы о „Ranie Kochanku“ и не любилъ бы его. Преданіе о немъ живетъ и донинѣ.

Всѣ называли князя Карла Радзивила, воеводу виленскаго, ни по княжескому его титулу, ни по его крестному имени, ни по его знаменитой фамиліи, ни по его воеводскому званію, но означали его обыкновенно словами: „Ranie Kochanku“; это значитъ почти то же самое что по-русски: „мой любезнѣйшій!“ Прозвище это дали Радзивилу потому, что онъ, обходясь со всѣми, по старопольскому обычаю, за панибрата, говорилъ всѣмъ и каждому, а въ томъ числѣ даже и самому королю—„Ranie Kochanku“!

Придерживаясь польской старины, Радзивилъ уже по одному этому не могъ быть въ ладу съ послѣднимъ польскимъ королемъ, Станиславомъ-Августомъ Понятовскимъ, бывшимъ скорѣе иностранцемъ, нежели полякомъ, переписывавшимся съ Вольтеромъ и умѣвшимъ приобрѣсти себѣ корону не единодушнымъ выборомъ шляхты, но посредствомъ чужеземнаго вліянія.

При вступленіи Понятовскаго на престолъ, Радзивилъ

составилъ - было конфедерацію, но король одолѣлъ ее, и предводитель уничтоженной конфедераціи подвергся изгнанію изъ отечества. При такихъ обстоятельствахъ, Карлу Радзивилу, владѣтелю двухъ-сотъ тысячъ душъ и несмѣтныхъ радзивиловскихъ богатствъ, накопленныхъ вѣками, угрожала самая печальная участь: онъ долженъ былъ изъ богача-магната обратиться въ бѣдняка-странника.

Но любовь шляхты къ Радзивилу спасла его отъ этой горькой участи; потому что, какъ только сдѣлался извѣстенъ приверженцамъ Радзивила состоявшійся надъ ними приговоръ, они тотчасъ на общей сходѣ постановили: взять отъ казны за собою въ аренду всѣ описанныя имѣнія Радзивила за самую ничтожную плату. Никто не смѣлъ состязаться съ многочисленными пріятелями Радзивила, называвшимися албанчиками и отличавшимися неограниченной отвагой, и потому всѣ описанныя имѣнія изгнанника перешли въ руки его горячихъ приверженцевъ, которые постановили между собою—посылать ему полугодовой доходъ со всѣхъ его имѣній, заарендованныхъ ими.

Между тѣмъ Радзивиль, принужденный *оставить родную Литву, странствовалъ на чужбинѣ; и куда онъ только ни являлся — въ Стамбуль ли, въ Венецію ли, въ Римъ ли,—всюду ожидали его у мѣстныхъ банкировъ огромныя суммы, переведенныя албанчиками на его имя. Поддерживаемый дружбою своихъ приверженцевъ, Радзивиль удивлялъ всѣхъ иностранцевъ своею непомерною роскошью; а между тѣмъ они, зная о судьбѣ изгнанника, повидимому лишеннаго всего, не могли никакъ объяснить себѣ источникъ его изумительнаго богатства. И поэтому мало-по-малу распространилась за границею молва, будто Радзивиль обла-

дать какимъ-то волшебнымъ, неразъмннимъ червонцемъ, величиною съ жерновый камень, доставшимся ему по наслѣдству.

Странствуя изъ одной страны въ другую, въ ожиданіи возможности вернуться на родину, Радзивиль и на чужбинѣ хотѣлъ сохранять родные обычаи; поэтому, однажды, находясь въ Венеціи, онъ устроилъ такъ называемые у поляковъ „свенцёны“.

Свенцёнами у поляковъ называется холодная закуска, выставляемая, какъ и у насъ, на столъ въ теченіе Свѣтлой недѣли; только надобно замѣтить, что польскіе свенцёны далеко превосходятъ подобныя наши закуски, и по обилію, и по разнообразію.

Устроивъ свенцёны, Радзивиль пригласилъ къ себѣ свѣтлѣйшаго дожа и всѣхъ сенаторовъ, и изумилъ всѣхъ своихъ гостей необыкновенною вмѣстимостію польскаго желудка, потому что въ то самое время, когда итальянцы, съ ужасомъ посматривая на слишкомъ тяжелыя и слишкомъ жирныя кушанья, обходили ихъ и привасались только къ маслу и къ макаронамъ, Радзивиль показывалъ своимъ воздержнымъ гостямъ образецъ литовскаго аппетита, истребя въ изумительномъ количествѣ и жгучую водку, и жирную ветчину, и аршинныя колбасы и пр. и пр.

Благоразумный правитель Венеціанской республики онасался дурныхъ послѣдствій невиданнаго имъ до того времени обжорства, и по совѣщанію съ превосходительными сенаторами прислалъ тотчасъ же, послѣ своего возвращенія во дворецъ, двухъ самыхъ искусныхъ докторовъ, которые должны были, сохраняя самое строгое инкогнито, оставаться на сторожѣ въ палатцѣ, занятомъ Радзивиломъ, на

случай болѣзненныхъ припадковъ знаменитаго гостя, послѣ описанной закуски.

Само собою разумѣется, излишне было бы говорить, что опасенія свѣтлѣйшаго дожа и сената были совершенно напрасны. Можно только добавить, что если Радзивиль умѣніемъ выпить и плотно закусить изумлялъ итальянцевъ, то онъ этими же самыми качествами прибрѣталъ себѣ особенное расположеніе своихъ соотечественниковъ: у нихъ въ то время крѣпкая противъ воды голова и вмѣстительный желудокъ,—эти двѣ необходимыя принадлежности гостеприимнаго хозяина, обязаннаго давать примѣръ своимъ гостямъ,—считались вообще не послѣдними достоинствами порядочнаго чловека.

Проведя нѣсколько лѣтъ въ изгнаніи, Радзивиль получилъ наконецъ позволеніе возвратиться на родину, и съ этого времени началась его необыкновенная популярность.

Осуждая вообще польскихъ магнатовъ послѣдняго времени за ихъ холодное равнодушіе къ благу родины, за ихъ стремленіе отдѣлиться отъ общей массы народа, за предпочтеніе ими ихъ собственнаго довольства и честолюбія прямымъ потребностямъ погибавшей отчизны, за своеволіе ихъ съ низшими своими собратіями, — нельзя не сказать, что князь Карлъ Радзивиль составлялъ среди подобныхъ личностей совершенное исключеніе. Онъ былъ образецъ богача, жившаго не столько для себя, сколько для другихъ. Къ чести Радзивила надобно сказать также и то, что въ то время, когда современные ему магнаты отдавали, изъ корыстныхъ видовъ, своихъ бѣдныхъ холоповъ въ жертву жаднымъ арендаторамъ, Карлъ Радзивиль постоянно думалъ о благѣ подвластныхъ ему крестьянъ, и малѣйшую обиду,

малѣйшее притѣсненіе, оказанныя кому, нибудь изъ нихъ, онъ уже считалъ лично сдѣланнымъ ему оскорбленіемъ.

Привѣтливость, равное со всѣми обхожденіе, простодушіе, откровенность, отсутствіе надменности, пышность — тамъ, гдѣ ее нужно было выказать, — и наконецъ желаніе помочь каждому — слишкомъ выдвигали впередъ личность князя Карла Радзивила и приобрѣтали ему общее уваженіе, не смотря на всѣ его причуды и странности, которыя, конечно, безъ множества добрыхъ качествъ, могли бы сдѣлать его только предметомъ общихъ насмѣшекъ.

Мы сказали, что Радзивиллъ не прочь былъ отъ пышности, но надобно прибавить, что онъ былъ далеже отъ той тщеславной выставки своихъ богатствъ, которая доставляетъ удовольствіе только тѣмъ, кто имѣетъ возможность пользоваться ими, и которая въ то же время какъ бы оскорбляетъ другихъ. Напротивъ, Карлъ Радзивилъ обнаруживалъ пышность и выставлялъ свои богатства тамъ, гдѣ то и другое, по понятіямъ того времени, могло доставлять общее удовольствіе: тамъ, гдѣ богатство одного человѣка дѣлалось предметомъ зрѣлища, любопытнаго для всѣхъ, и какъ бы забавляло цѣлую толпу, не давая ей чувствовать преобладаніе пышнаго магната. Всѣ очень хорошо знали, что Карлъ Радзивилъ, изумлявшій всѣхъ своею пышностью въ извѣстныхъ, только весьма не многихъ, случаяхъ, въ обыкновенной своей жизни, не смотря на несмѣтныя богатства, хотѣлъ жить и жилъ такъ, какъ жилъ въ его время простой, небогатый шляхтичъ.

Чтобы убѣдиться въ этомъ, нужно было заглянуть въ Несвижъ, любимое и обыкновенное мѣстопребываніе князя. Побывавшіе въ Несвижѣ могли видѣть, что Карлъ Радзи-

вить, если ему не было надобности измѣнять образа жизни, строго держался, по обычаю предковъ, и старинной простоты и строгой умѣренности тамъ, гдѣ соблюденіе той и другой повелось изстари.

Дѣйствительно, въ то время, когда польскіе магнаты, побывавши за границею и присмотрѣвшись къ тамошнему быту дворянства, строили въ своихъ помѣстьяхъ и огромные замки и великолѣпные дворцы, — первый богачъ Литвы и Польши жилъ подъ простою дѣдовскою кровлей.

У Радзивила, въ его несвижскомъ домѣ, въ подвалахъ котораго хранились несмѣтные сокровища, не было ни пышной мебели, ни зеркалъ, ни бронзы; были только драгоценные ковры, и то развѣшанные по стѣнамъ, тогда какъ гладкій дубовый полъ былъ, какъ это велось у его отца и дѣдовъ, старательно натертъ воскомъ.

Правда, надобно сказать, что обѣденная зала въ домѣ Карла Радзивила отличалась слишкомъ дорогою дивовинкою для того времени, потому что вся была обита гобеленовскими обоями. Но это не было собственной тратой князя Карла, потому что дорогіе обои достались ему въ наслѣдство отъ отца, который самъ получилъ ихъ въ подарокъ отъ французскаго короля Людовика XIV. Самый рисунокъ обоевъ до нѣкоторой степени соотвѣтствовалъ назначенію той комнаты, въ которой они висѣли; такъ какъ на одной ихъ части было изображено насыщеніе 5000 человекъ пятью хлѣбами, а на другой — бракъ въ Канѣ Галилейской.

Въ дополненіе къ этимъ обоямъ, отецъ князя Карла велѣлъ нарисовать на стѣнахъ охоту, на которой погибъ лучший его другъ Иллиничъ, и вѣздъ въ Краковѣ королевы Варвары, жены короля Сигизмунда II, урожденной Радзи-

вилъ. Всѣ лица, изображенныя на этихъ картинахъ, были сняты съ родныхъ, пріятелей, знакомыхъ и слугъ покойнаго князя.

Надобно впрочемъ замѣтить, что еще двѣ вещи, по своей цѣнности, обращали на себя въ домѣ Радзивила общее вниманіе его многочисленныхъ гостей: это были—двѣ огромныя люстры, каждая въ 300 свѣчей, перешедшія къ Радзивиламъ по наслѣдству отъ князей Вишневецкихъ.

Такимъ образомъ въ домѣ магната не попадались въ глаза убогой шляхты тѣ прихотливыя и вычурныя украшенія, которыя въ жилищахъ другихъ польскихъ богачей слишкомъ рѣзко напоминали гостямъ о ихъ бѣдности и о богатствѣ хозяина.

Но ограничивая пышность въ своемъ домѣ, князь Карль выказывалъ ее тамъ, гдѣ она могла дѣлаться какъ бы общою для всѣхъ: такъ гостямъ его, всѣмъ безъ различія, подавали обѣдать и ужинать на серебрѣ и на фарфорѣ, что, надобно замѣтить, не очень водилось у другихъ магнатовъ, на обѣды которыхъ являлись шляхтичи, неся за пазухой собственные свои ножи, вилки и ложки. Кормилъ своихъ гостей радушный хозяинъ опять всѣхъ безъ различія, не одними простыми кушаньями—крупницею и рубцами, но кромѣ этихъ, самыхъ обыкновенныхъ польскихъ блюдъ, у него на столѣ являлись медвѣжьи лапы подъ вишневымъ соусомъ, бобръные хвосты съ иерой, лоси ноздри съ миндалемъ, жаренные ежи и кабаньи головы. Само собою разумѣется, что обзобили водки, пива, меда и венгерскаго говорить нечего.

При пріѣздѣ каждаго гостя, трубачъ трубилъ; и Радзивиль по этому знаку выходилъ въ сѣни, для встрѣчи пріѣзжаго гостя. Обыкновенно у него набиралось столько гостей,

что, не смотря на огромность княжескихъ палатъ, въ нихъ не могли всѣ гости обѣдать разомъ, и потому обѣдали по очереди, такъ что иногда накрывали столъ раза по четыре.

Обходясь, какъ замѣчено, со всею шляхтою за панибрата „пане-коханку“ не требовалъ отъ нея для себя особаго почета; но сами гости, любя и уважая своего хозяина, вставали съ своихъ мѣстъ и низко кланялись князю, при каждомъ его выходѣ въ залу, хотя бы это случилось сряду двадцать разъ. На эту вѣжливость гостей хозяинъ отвѣчалъ тою же самою вѣжливостію.

Особенный приливъ гостей въ Несвижъ былъ ежегодно 4 ноября, въ день святаго Карла, такъ какъ въ этотъ день князь былъ именинникъ. Понятовскій, примирившійся съ Радзивиломъ, никогда не забывалъ этого дня, и присылалъ нарочно въ Несвижъ къ этому дню одного изъ каштеляновъ, чтобъ поздравить князя съ его ангеломъ, отъ имени короля.

Еще за нѣсколько дней до 4 ноября, по дорогамъ, шедшимъ въ Несвижъ, не было уже проѣзду; онѣ были загромождены множествомъ каретъ, кочей, повозокъ и бричекъ, набитыхъ гостями, ѣхавшими въ Несвижъ; всѣ придорожныя корчмы и гостиницы были заняты проѣзжими. Хлопанье длинныхъ бичей не умолкало ни на минуту.

Впрочемъ было два особенныхъ случая, гдѣ пышность Радзивила превзошла всякое вѣроятіе; именно,—одинъ разъ, при вѣздѣ его въ Вильно, какъ виленскаго воеводы, а другой разъ, при пріѣздѣ короля Станислава-Августа въ Несвижъ, въ гости къ своему бывшему сопернику.

О вѣздѣ виленскаго воеводы долго говорили и въ Литвѣ и въ Польшѣ. Вѣздъ начался въ 6 часовъ утра и кончился

только въ 8 часовъ. Цѣлыхъ два часа безостановочно тянулся торжественный поѣздъ князя-воеводы. Послѣ множества каретъ, бывшихъ въ поѣздѣ, ѣхала княжеская кухня, за нею княжескій гардеробъ, при особой стражѣ; всего было 100 пуговъ или 600 лошадей въ упряжи; кромѣ того, за воеводой ѣхали 2000 его конныхъ козаковъ и шло 6000 человекъ его собственной пѣхоты.

Въ этотъ день во всѣхъ пяти радзивилловскихъ палацахъ, принадлежавшихъ въ то время въ Вильнѣ Радзивилу, были приготовлены роскошные обѣденные столы для шляхты; а на всѣхъ виленскихъ рынкахъ были разставлены въ изобиліи жареные волю, а также бочки съ медомъ и пивомъ. Каждый ѣлъ и пилъ, сколько было душѣ угодно, на счетъ щедрого воеводы. Кромѣ того, на нѣкоторыхъ площадяхъ были пущены фейерверки, устроены иллюминаціи, маскарады, и представляли комедіанты разныя штуки.

Еще большее великолѣпіе выказалъ Радзивиль при посѣщеніи Несвижа королемъ Станиславомъ-Августомъ въ 1782 году. Въ этомъ случаѣ, князь, уже не боясь раздражить шляхту, но зная, что она будетъ довольна, если короля поразить богатство литовскаго шляхтича, онъ рѣшился показать королю и гостямъ богатство Радзивилловъ. Отырлась вѣковая сокровищница: изъ нея вынесли золотую, золоченую и серебряную посуду, столы и экраны для каминовъ, вылитые изъ серебра, и разставили ихъ въ комнатахъ, назначенныхъ для короля. Развѣсили рѣдкія гобелены и разостлали драгоцѣнные турецкіе ковры. Въ шести огромныхъ комнатахъ разложили наслѣдственные рѣдкости: булавы, жезлы, знамена, изображенія апостоловъ, вылитыя изъ золота, мощи въ ковчегахъ, украшенныхъ дра-

гоцѣнными каменьями, старинное оружіе, египетскія муміи, китайскіе и японскіе фарфоры и пр.

На зовъ хозяина, къ прїѣзду короля послѣшила почти вся литовская шляхта въ Несвижъ, а какъ извѣстно, се было не мало.

По случаю посѣщенія королемъ Несвижа, князь обмундировалъ заново все свое восьмьтысячное войско, выписалъ музыкантовъ изъ Италіи, а также и поэтовъ, плохихъ и хорошихъ, какъ изъ ближайшихъ околдовъ, такъ и изъ самыхъ отдаленныхъ мѣстъ Литвы и Польши. Наконецъ были сдѣланы огромныя приготовленія къ королевской охотѣ.

Начиная далеко за Слуцкомъ, съ самаго Полѣсья, стали сгонять къ Несвижу звѣрей; чтобы удержать ихъ въ этихъ мѣстахъ до королевскаго прїѣзда, строили заборы, дѣлали засѣки и составляли неразрывныя цѣпи изъ людей, иногда по протяженію нѣсколькихъ миль. Тѣснимые такимъ образомъ со всѣхъ сторонъ, и волки, и медвѣди, и лисицы, и лоси, и вепри сбѣгались во множествѣ на мѣсто, предназначенное для королевской охоты. Тамъ устроили великолѣпный павильонъ; охота удалась какъ нельзя лучше: король самъ застрѣлилъ медвѣдя.

Гостей, кромѣ дамъ, собралось двѣ тысячи; для нихъ были разбиты палатки подъ Несвижемъ. Все содержаніе ихъ, въ теченіе нѣсколькихъ недѣль, производилось на счетъ Радзивила.

Когда король, въ сопровожденіи литовскаго подканцлера Хрептовича и знаменитаго польскаго историка, епископа Нарушевича, подѣвжалъ къ Несвижу, то князь Карлъ встрѣтилъ его за милю отъ своей резиденціи.

Князь выѣхалъ навстрѣчу королю на конѣ чистой арабской породы; на конѣ была золотая уздечка, осыпанная драгоценными камнями, а подковаиъ онъ былъ золотыми подковами. На Радзивилъ былъ надѣтъ богатый кунтушь съ брилльянтовыми пуговицами, а сабля, украшенная брилльянтами, стоила, по увѣренію знатоковъ, по крайней мѣрѣ 80.000 польскихъ злотыхъ, — сумма огромная для тогдашней цѣнности денегъ.

При встрѣчѣ короля княжеская пѣхота стояла вытянутою по несвижской дорогѣ въ два ряда; по бокамъ королевскаго поѣзда ѣхала конница; надъ домомъ развѣвался флагъ съ гербомъ Радзивиловъ; съ валовъ, окружавшихъ Несвижъ, непрерывно стрѣляли изъ пушекъ; во всѣхъ костелахъ раздавался неумоляемый колокольный звонъ.

Король остановился у несвижской приходской церкви и вошелъ въ нее. Тамъ онъ сѣлъ на приготовленное для него кресло, а шесть рыцарей огромнаго роста, въ тяжелыхъ стальныхъ доспѣхахъ, заняли мѣста по бокамъ королевскаго трона. Духовникъ Радзивила произнесъ королю пріѣтственную рѣчь, въ которой онъ сказалъ, между прочимъ, что не зачѣмъ дивиться Радзивиламъ, если къ нимъ приходятъ короли, такъ какъ въ Несвижѣ былъ у нихъ блаженной памяти король польскій Сигизмундъ II Августъ, желая вступить въ бракъ съ Варварою Радзивиль; былъ и король Михаилъ Вишневецкій, близкій родственникъ Радзивиламъ; что былъ наконецъ здѣсь и знаменитый освободитель Вѣны Янъ Собѣскій, родившійся отъ княжны Радзивиль, но что все-таки, не смотря на это, прибытіе его величества короля Станислава - Августа князь Радзивиль считаетъ для себя за особенную честь.

Король провелъ пять дней въ Несвижѣ. Въ это время праздникъ смѣнялся праздникомъ. Между прочими увеселеніями была представлена на несвижскихъ прудахъ осада Гибралтара.

Быль впрочемъ еще и третій случай, выказавшій богатство князей Радзивиловъ — это похороны отца князя Карла, великаго гетмана литовскаго. „Пане-воханку“ къ похоронамъ отца готовился нѣсколько лѣтъ: многія украшенія костела,—куда былъ внесенъ стоявшій до того времени въ склепѣ гробъ гетмана,—были выписаны изъ Парижа. Къ похоронамъ гетмана съѣхалась въ Несвижъ почти вся литовская шляхта; сто экипажей, каждый запряженный четырьмя конями, были готовы во всякое время къ услугамъ гостей. Похороны гетмана стоили болѣе 1.000.000 польскихъ злотыхъ, не считая огромныхъ издержекъ на вина.

Богатство и могущество Радзивила и его вліяніе на шляхту обнаруживались также и при его поѣздкахъ въ гости, при отправленіи на охоту и пріѣздахъ его на шляхетскіе сеймики.

Приемъ такого гостя, какъ Радзивиль, обходился тому, кого онъ удостоивалъ своимъ посѣщеніемъ, иногда до 30.000 злотыхъ. Когда „пане-воханку“ пріѣзжалъ въ гости къ какому-нибудь шляхтичу, то хозяинъ, со всѣми своими гостями, спѣшилъ встрѣтить его на границахъ своихъ владѣній; при появленіи князя раздавались громкія восклицанія: „Да здравствуетъ нашъ князь, краса литовской провинці!“ Въ знакъ же уваженія къ дорогому гостю вся шляхта, встрѣчавшая Радзивила, соскакивала съ коней, хотя бы въ то время лежалъ самый глубокій снѣгъ, или была бы грязь по колѣни; но за то и самъ князь, въ свою

очередь, выходилъ изъ саней, здоровался, стоя въ снѣгу или въ грязи, съ каждымъ изъ шляхтичей, такъ что иногда такая встрѣча длилась по нѣскольку часовъ.

Поздоровавшись и перецѣловавшись со всѣми шляхтичами, князь ужь не влѣзалъ въ свои сани, но садился на коня и отправлялся верхомъ вмѣстѣ со всѣми. При подъѣздѣ къ дому и хозяинъ и гости поспѣшали обогнать князя, чтобы снова встрѣтить его на крыльцѣ всей ватагой. Во время обѣдовъ и ужиновъ, гости, очарованные любезностію князя, нерѣдко стаскивали съ него сапогъ, и пили изъ этого сапога венгерское за здоровье добродушнаго магната.

Отправленіе „пане-воханку“ на охоту тоже было дѣломъ не послѣднимъ. Кстати замѣтимъ при этомъ, что онъ, проѣзжая отъ Нѣмана до Двины и отъ Двины къ Вислѣ, могъ всегда ночевать въ своихъ владѣніяхъ,—такъ широко раскидывались они по всей Литвѣ.

При поѣздкахъ Радзивила на охоту, впереди его ѣхало нѣсколько вершниковъ, впереди которыхъ находился придворный маршалокъ Радзивила. Маршалокъ замѣчалъ вязками соломы дорогу, если она выходила на проселки, и отправлялъ въ лѣсъ одного изъ ловчихъ, который замѣчалъ тропинки, посыпая ихъ ельникомъ. На дорогѣ поѣздъ увеличивался, какъ снѣжный комъ, все болѣе и болѣе, потому что безпрестанно въѣзжали навстрѣчу князю всѣ околные шляхтичи и присоединялись къ слѣдовавшей за нимъ толпѣ.

Маршалокъ распоряжался заготовленіемъ на дорогѣ всего необходимаго; по его распоряженію, на всемъ пути строили будки и шалаши; по вечерамъ, если останавливался княжескій поѣздъ на ночлегъ, около того мѣста зажи-

гались безчисленные огни, вокругъ которыхъ, и въ лѣсу и въ полѣ, широко размѣщались спутники князя. Ночевка ихъ напоминала цыганскій таборъ: вонь ржали, пощипывая траву; слышалось безпрестанно ворчаніе и лай гончихъ собакъ, и раздавался веселый говоръ и пѣсни охотниковъ, отзывавшіяся и удалю и беззаботностью.

Мѣстечки, черезъ которыя проѣзжалъ Радзивиль, были рады гостямъ, потому что князь обращался со всѣми не такъ, какъ другіе магнаты,—онъ былъ постоянно и добръ и привѣтливъ.

Шляхетскіе сеймики, на которые пріѣзжалъ Радзивиль, обнаруживали не столько его значеніе, какъ магната, сколько любовь къ нему шляхты и собственное его желаніе пріобрѣсти для себя расположеніе своихъ однословниковъ.

Обыкновенно „пане-воханку“ являлся на сеймики въ Новогрудокъ, и останавливался въ кельѣ настоятеля тамошняго монастыря. Весь городъ при пріѣздѣ князя кипѣлъ жизнью. Дворъ монастыря загромождали фуры съ мукой, солониной, съ пивомъ, назначеннымъ для угощенія шляхтичей, которые, разведя огромные костры, укладывались спать на монастырскомъ дворѣ. На счетъ князя, во все продолженіе сеймиковъ, убивали каждый день двухъ воловъ для кормленія шляхты. Въ теченіе этого времени онъ обѣдалъ каждый день два раза: разъ со всею шляхтою на дворѣ, а другой разъ только съ избранными своими гостями въ настоятельскихъ покояхъ.

Желая какъ можно болѣе расположить къ себѣ шляхту, бывшую на сеймикахъ, „пане-воханку“, окруженный толпою шляхтичей, нерѣдко начиналъ съ того, что снималъ

съ себя шапку и дарилъ ее одному изъ близъ-стоявшихъ около него согражданъ, потомъ снималъ дорогой поясъ и съ нимъ дѣлалъ то же; далѣе доходила очередь до бриллиантовъ булавки, до кунтуша; и такимъ образомъ подобная раздача оканчивалась обыкновенно тѣмъ, что Радзивиль, раздѣвшись почти до-нага, садился въ простую телѣгу, на которой стояла огромная бочка вина, и шляхта, приведенная въ восторгъ любезностью и щедростью магната, впрягшись въ телѣгу, тащила ее на себѣ по улицамъ Новогрудка. Поѣздъ останавливался время-отъ-времени, и каждый шляхтичъ, который только хотѣлъ, могъ получить или кубокъ, или цѣлый гарнецъ вина изъ бочки, находившейся на телѣгѣ; причемъ самъ князь вытаскивалъ изъ бочки затычку и уговаривалъ шляхтичей избрать тѣхъ, кому онъ покровительствовалъ.

Дѣйствуя такимъ образомъ на умы шляхты, „пане-коханку“ прибѣгалъ порою и къ другимъ, болѣе замысловатымъ средствамъ. Такъ однажды, для большаго привлеченія на свою сторону новогрудской шляхты, онъ рассказывалъ ей, что разъ какъ-то ему пришло на мысль оставить Литву и поселиться на Волини; но что, однако, когда онъ молился въ Боремлѣ, услышалъ голосъ, который сказалъ ему: „Радзивиль! иди опять въ Литву и не имѣй никакого дѣла съ волинской шляхтой; потому что она тебя не стоитъ. Иди въ Литву, говорю тебѣ я, и влѣняйся отъ меня новогрудской шляхтѣ!“

Таковыми способами князь-воевода привлекалъ къ себѣ толпу приверженцевъ, которые видѣли въ немъ магната, неотступно слѣдовавшаго обычаемъ своихъ предковъ, уравнивавшимъ всѣхъ шляхтичей между собою, какъ родныхъ

братьевъ. Такъ, самая одежда князя Карла Радзивила обличала въ немъ любителя стараго, а не новаго порядка, потому что въ то время, когда знатные паны, побывавши за границей и возвратившись на родину, покидали праотеческую одежду, [Радзивиль и среди варшавскаго двора не снималъ старопольскаго жупана, присвоеннаго виленскому воеводству. Надобно также сказать, что любимый бѣлый жупанъ Радзивила былъ обыкновенно весь въ пятнахъ и истасканъ до крайности. Въ такомъ нарядѣ князь-воевода, въ бытность свою въ Варшавѣ, зачастую являлся къ щеголеватому Понятовскому, всегда напудренному, раздушенному, подшнурованному и завитому. Король, любившій щегольство и опрятность, рѣшился однажды замѣтить Радзивилу ветхость его наряда.

— Наияснѣйшій государь! отвѣчалъ Радзивиль, — хорошо вамъ все новое да новое, а вѣдь такой кунтушъ, какъ на мнѣ, ужъ тринадцатый Радзивиль, виленскій воевода, носить, — такъ не удивительно, что онъ и поистерся.

Этими словами Радзивиль намекнулъ Понятовскому на древность и знатность рода Радзивила и на недавнюю извѣстность Понятовскихъ.

Но кромѣ одежды, Радзивиль отличался отъ другихъ современныхъ ему магнатовъ и религіозными вѣрованіями, и образомъ жизни.

Въ его время ученіе французскихъ философовъ, покровительствуемое королемъ, все сильнѣе и сильнѣе проникало въ высшій классъ общества. Внѣшнія проявленія религіозности, вслѣдствіе того, замѣтно ослабѣли; но Карлъ Радзивиль, выросшій въ глуши Литвы на глазахъ отца, который былъ его батогоми, не смотря на то, что Карлъ былъ

уже въ совершенномъ возрастѣ, занималъ должность литовскаго мечника, и имѣлъ станиславскую ленту, — сохранилъ стародавнія понятія и обычаи.

Вслѣдствіе этого, князь Карль былъ однимъ изъ самыхъ ревностныхъ блюстителей внѣшняго богопочитанія. Онъ обнаруживалъ это при каждомъ удобномъ случаѣ. Такъ, когда однажды, въ сраженіи съ русскими, упало почти у самыхъ ногъ Радзивила пушечное ядро и онъ остался невредимъ, то избавленіе свое отъ смерти онъ приписалъ особенному за него заступленію Богородицы, и поэтому онъ приказалъ поднять ядро и взвѣсить его, и когда оказалось что ядро, подлетѣвшее къ Радзивилу, было двѣнадцатифунтовое, то онъ велѣлъ сдѣлать серебряное ядро въ столько же фунтовъ и въ память благодарности повѣсилъ его передъ иконою Борунской Богоматери.

Слѣдуя во всемъ, сколь можно болѣе, старымъ обычаямъ, „пане-коханку“ проводилъ всегда послѣдніе дни масляницы самымъ веселымъ образомъ; но за то въ первый день великаго поста онъ начиналъ свое покаяніе съ сокрушеннымъ сердцемъ и съ соблюденіемъ всѣхъ внѣшнихъ обрядовъ.

Обыкновенно въ послѣдній день масляницы, уже на разсвѣтѣ, Радзивиль заговлялся; на столъ подавали постное кушанье, и когда поднимали съ миски крышку, то изъ подъ нея вылеталъ воробей. Это по старопольскому обычаю должно было означать, что мясная пища кончилась и что постъ ужъ начался. Въ это время Радзивиль приглашалъ своихъ собесѣдниковъ говѣть вмѣстѣ съ нимъ.

Полуночи, при первомъ ударѣ колокола въ несвижскомъ костелѣ, Радзивиль съ своими пріятелями, надѣвъ на себя власяницу, съ веревкой на шеѣ и съ головой, покрытой

пещомъ, шелъ къ костелу, и онъ и спутники его пѣли покаянные псалмы и каждый изъ нихъ, въ томъ числѣ и князь, несъ подъ мышкой по огромной плотно-скрученной, ременной плети.

Войдя въ костель, князь раздѣвался до пояса и приказывалъ дѣлать то же самое и своимъ кающимся пріателямъ, и потомъ, читая псаломъ: „Помилуй мя Боже!“ принимался хлестать по плечамъ сокрушавшихся грѣшниковъ; каждый изъ нихъ былъ и самъ бить, и въ свою очередь билъ каждаго изъ своихъ товарищей. Однажды, когда въ одинъ изъ такихъ дней, очередь быть битымъ дошла и до Радзивила, то сначала всѣ били его плетью слегка, по чувству особеннаго къ нему уваженія, но одинъ изъ кающихся шляхтичей, котораго самъ Радзивиль за особенные его грѣхи отхлесталъ безъ сожалѣнія, началъ отплачивать ему тѣмъ же. „Довольно! довольно, пане-воханку, закричалъ тогда Радзивиль: — остальное покаяніе отложимъ лучше до великой пятницы!“

Много разныхъ забавныхъ разсказовъ сохранилось о Радзивилѣ. Всѣ они обнаруживаютъ его доброту и ненадменность: онъ любилъ шутить съ другими, но не оскорблялся, если и съ нимъ поступали такъ же. Стараясь не отличаться въ образѣ жизни отъ убогой шляхты, Радзивиль самъ очень часто чистилъ въ несвижской конюшнѣ своихъ лошадей, сѣдлалъ и запрягалъ ихъ; славно пилъ, многу ѣлъ, не любилъ картъ и сѣкъ безъ милосердія всѣхъ евреевъ, которые продавали ихъ.

Онъ не дѣлалъ ни шагу безъ огнива, нѣсколькихъ карманныхъ часовъ, шнипера для пусканія крови, табакерки, четока, печати, запонки, кошелька для денегъ, пустаго

мѣшочка, зажигательнаго стекла, складнаго ножа и сабли.

Онъ чрезвычайно боялся чертей и привидѣній, и лежа въ постелѣ, крестился безпрестанно.

Наружность Радзивила можно описать въ слѣдующихъ словахъ: онъ былъ высокаго роста, довольно тучный, имѣлъ огромную голову и былъ въ старости до такой степени лысъ, что у него торчало на вискахъ только нѣсколько волосъ; усы у него были большіе; онъ опускалъ ихъ книзу, когда бывалъ не въ духѣ, и наоборотъ — поднималъ ихъ вверхъ и крутилъ ихъ, если былъ веселъ; голубые его глаза смотрѣли привѣтливо.

Князь Карлъ умеръ въ Варшавѣ, въ 1788 году, старымъ холостякомъ. Его пышность и щедрость къ шляхтѣ поразили доставшееся ему радзивиловское богатство; такъ что, по выраженію одного современника, у него долги росли, какъ грибы.

„Пане-коханку“ остался донинѣ, и въ польской литературѣ и въ преданіяхъ, символомъ исчезавшаго въ его время народнаго польскаго характера. Онъ, когда иноземные обычаи стали ужъ заирать передъ убогой шляхтой великолѣпные палацы магнатовъ, давалъ въ Несвижѣ гостепріимный пріютъ не только ей самой, но и всѣмъ ея обычаямъ и преданіямъ.

XV.

Станиславъ-Августъ, король польскій.

Фамилія Понятовскихъ, отъ которой происходилъ послѣдній король польскій, не отличалась въ Польшѣ ни знатностью, ни богатствомъ.

Впрочемъ, надобно замѣтить, по польскимъ гербовникамъ, составленнымъ послѣ возвышенія Понятовскихъ, Понятовскіе вѣли свое начало отъ Лудольфа, герцога саксонскаго, жившаго около 886 года, и отъ Гвидона Салингуэры, перваго владѣтеля Феррары. По родословнымъ, тамъ помѣщеннымъ, король былъ въ 29-мъ колѣнѣ потомкомъ Лудольфа и въ 20-мъ потомкомъ Гвидона. По сказаніямъ же польскихъ геральдиковъ вообще, прямой родоначальникъ Понятовскихъ, графъ Торели, выѣхалъ въ Польшу изъ Италіи только въ первой половинѣ XVII вѣка; онъ женился здѣсь на наслѣдницѣ имѣнія Понятова и принялъ фамилію Понятовскаго, приславшись къ гербу „Телець“. Извѣстно, что въ польской геральдикѣ не каждая дворянская фами-

лія имѣла свой гербъ, но всего было около двухъ съ половиною сотенъ гербовъ, къ которымъ и приписывались лица, поступившія въ сословіе польскаго дворянства.

Первый изъ Понятовскихъ былъ храбрый воинъ и имѣлъ сына Францишка, родившагося 3 октября 1651 г. и отличившагося впоследствии въ рядахъ Собѣскаго, подъ стѣнами Вѣны; отъ брака съ Еленою Невяровской онъ имѣлъ нѣсколько человекъ дѣтей и въ числѣ ихъ былъ Станиславъ, отецъ будущаго короля.

Станиславъ Понятовскій родился въ 1675 году. По своему характеру и по своимъ дѣяніямъ онъ принадлежитъ къ числу замѣчательнѣйшихъ лицъ въ польской исторіи. Молодость свою онъ провелъ въ австрійской службѣ, подъ знаменами принца Евгенія Савойскаго. Король польскій Августъ II, вступивши на престолъ, конфисковалъ имѣнія Понятовскаго, за приверженность его къ королю Станиславу Лещинскому. Будучи преданъ послѣднему, Понятовскій естественно былъ приверженцемъ Карла XII, къ которому онъ и удалился въ 1709 году. Когда Карлъ XII жилъ въ Бендерахъ, Понятовскій отправился въ Константинополь и тамъ успѣлъ вооружить Порту противъ Россіи. Слѣдствиемъ этого былъ прутскій походъ, такъ неудачно кончившійся для Петра Великаго.

Когда Карлъ XII былъ убитъ, Лещинскій, потерявъ надежду возвратить утраченную имъ корону, подписалъ свое отреченіе отъ польскаго престола, и отправилъ это отреченіе съ тѣмъ, кто дѣлилъ всѣ его невзгоды и всѣ опасности: онъ желалъ этимъ самымъ сблизить Понятовскаго со своимъ счастливымъ соперникомъ—королемъ Августомъ. Смѣло и даже гордо явился тогда Понятовскій

передъ Августомъ II, и объявивъ ему, что такъ какъ законный король польскій и великій князь литовскій Станиславъ Лещинскій добровольно сложилъ съ себя корону и уступилъ ее курфирсту саксонскому Августу, то онъ, Понятовскій, признаетъ теперь законнымъ государемъ Польши и Литвы курфирста саксонскаго Августа II.

Августъ II оцѣнилъ благородное упорство Понятовскаго; онъ принялъ его чрезвычайно ласково, сдѣлалъ ловчимъ великаго княжества Литовскаго, потомъ старостою любельскимъ, потомъ воеводой мазовецкимъ, а наконецъ каштеляномъ краковскимъ. Достигнувъ этого званія, Станиславъ Понятовскій сталъ первымъ сановникомъ королевства; на этой должности, вмѣстѣ съ доходами съ возвращенныхъ ему родовыхъ имѣній, онъ получалъ по крайней мѣрѣ 300.000 злотыхъ ежегодно. Почести и общее уваженіе окружали заслуженнаго воина. Оцѣнивъ вполне умъ и твердость Понятовскаго, Августъ II послалъ его два раза польскимъ посланникомъ въ Парижъ.

Непреклонный въ бояхъ и въ несчастьяхъ, каштелянъ краковскій не устоялъ однако передъ миловидной дѣвушкой, и уже подъ-пятьдесятъ лѣтъ женился на княжнѣ Констанціи Чарторыжской, которой въ день свадьбы было не болѣе 18-ти лѣтъ. Этотъ бракъ, несоразмѣрный по годамъ жениха и невѣсты, не принесъ особеннаго счастья каштеляну краковскому; его молодая супруга была женщина гордая и строптивая въ отношеніи къ мужу—и, какъ говорила молва, была вѣтрена въ супружеской жизни. Она подарила каштеляну двухъ дочерей: Людвигу и Изабеллу, и пять сыновей; изъ нихъ четвертому, Станиславу, судьба опредѣлила носить польскую корону. Онъ родился 17 января

1732 года, въ мѣстечкѣ Волжинѣ, въ то время, какъ его мать была во всемъ блескѣ женской красоты, а отецъ, удрученный годами и тревогами, испытанными въ жизни, казался уже слабымъ и болѣзненнымъ старикомъ.

Дѣтство свое провелъ будущій король въ деревенскомъ уединеніи, подъ надзоромъ своей матери, которая позаботилась о томъ, чтобъ дать ему если не основательное, то блестящее и разностороннее образованіе. Въ самые молодые годы онъ объѣхалъ почти всю Европу. Съ перваго вступленія своего въ свѣтъ, красивый, ловкій и остроумный Понятовскій нашелъ счастье у женщинъ; а извѣстно, что кого любятъ женщины того полюбить и судьба.

Въ Парижѣ Понятовскій пользовался всѣми земными удовольствіями; но они вовлекли его въ неоплатные долги, и будущій король былъ, какъ несостоятельный должникъ, посаженъ въ тюрьму, и только усиленные хлопоты знаменитой г-жи Жоффренъ, прельщенной прекраснымъ узникомъ, избавили Понятовскаго отъ тюремнаго заключенія.

Изъ Парижа Понятовскій поѣхалъ въ Лондонъ, а оттуда въ 1756 году отправился въ качествѣ секретаря при англійскомъ посланникѣ Вилльямѣ Гембарі. Побѣды надъ женщинами слѣдовали повсюду за Понятовскимъ. Нѣкоторыя изъ хорошенькихъ грѣшницъ, поддававшихся его очаровательному вліянію, сохранили въ своихъ запискахъ откровенные рассказы о первой роковой встрѣчѣ со своимъ искусителемъ, а также и о томъ, какъ онѣ для него обманывали своихъ зорко-сторожившихъ мужей, и какъ онѣ пробрались украдкой къ счастливцу, подъ тѣнью ночи, этой вѣрной подруги всѣхъ любовныхъ свиданій.

Въ 1757 году Понятовскій былъ назначенъ польскимъ

посланникомъ въ Петербургъ; близость его къ канцлеру Бестужеву, подвергнувшемуся опалѣ, а быть можетъ и другія обстоятельства—заставили петербургскій дворъ просить польскаго министра, графа Брюля, объ отъѣзѣ Понятовскаго изъ Петербурга. При вступленіи на престолъ Екатерины II, Понятовскій былъ, по ея желанію, назначенъ опять польскимъ посланникомъ въ Петербургъ, и здѣсь этого любимица счастья и женщины ждала королевская корона.

Когда умеръ польскій король Августъ II, Екатерина пригласила къ себѣ Понятовскаго и предложила ему домогаться короны Піастовъ. Понятовскій выразилъ императрицѣ свое удивленіе и замѣтилъ невозможность этого домогательства; но русскія войска и сорокъ тысячъ прусаковъ двинулись къ Варшавѣ.

Обстоятельства между тѣмъ благопріятствовали Понятовскому. Сильнѣйшею въ то время партіей въ Польшѣ была партія князей Чарторыжскихъ, ближайшихъ родственниковъ молодаго Понятовскаго по матери. Чарторыжскіе, не надѣясь достигнуть короны сами, такъ какъ они не пользовались расположеніемъ шляхты, замыслили посадить на польскій престолъ своего племянника, рассчитывая, что при этомъ они будутъ властвовать его именемъ. Кромѣ опоры въ партіи Чарторыжскихъ, Понятовскій имѣлъ опору въ общемъ расположеніи и уваженіи къ его отцу. Притомъ вся почти молодежь была на сторонѣ умнаго и образованнаго Понятовскаго, какъ таковаго молодаго человѣка, который имѣлъ достаточно силъ для того, чтобы произвести необходимыя реформы во внутреннемъ управленіи и во внѣшней политикѣ Рѣчи Посполитой. Не малое число при-

верженцевъ имѣлъ очаровательный Понятовскій въ женскомъ полѣ, и надобно сказать, вліяніе молодыхъ и хорошенькихъ женщинъ на дѣла государственныя всегда и вездѣ бываетъ сильнѣе, нежели обыкновенно думаютъ.

Но если Понятовскій лично привлекалъ къ себѣ въ Польшѣ много сочувствія и подавалъ много надеждъ, то вся его семья (за исключеніемъ только старика Отца), а въ особенности мать его, Констанція, была предметомъ общей ненависти. Гордая и властолюбивая Констанція, не хотѣла вспомнить незнатность Понятовскихъ; она воспитывала своихъ сыновей хотя и весьма тщательно, но въ духѣ высокомерія, и мечтала приобрести для одного изъ нихъ польскую корону. Пронски и интриги Понятовской озлобляли противъ нея всѣхъ; вся Варшава называла ее не иначе, какъ „градовой тучей.“

Между тѣмъ молодые Понятовскіе, жившіе въ Варшавѣ и избалованные матерью, принадлежали къ той безпечной молодежи, которая дѣлала долги безъ всякаго расчета и безъ всякой надежды на уплату, влюблялась въ каждую хорошенькую женщину (и преимущественно въ актрису), бѣгала отъ кредиторовъ, ничего не дѣлала, ничего не со-вѣстилась и веселилась каждый день до утренней зари, а иногда и подольше.

Одинъ случай въ особенности увеличилъ неприязнь въ Варшавѣ къ Констанціи и къ ея семейству. Однажды у воеводы сандомирскаго, маршала Бѣлинскаго, былъ великолѣпный и многочисленный балъ. Яркими огнями блестяли огромныя палаты воеводы, громко раздавались рѣзвые звуки мазурки, сливаясь съ веселымъ смѣхомъ варшавскихъ красавицъ. Но танцы вдругъ были прерваны сильнымъ шу-

момъ; началась, неизвѣстно изъ за чего, ссора между старшимъ сыномъ Понятовскаго и молодымъ, богатымъ и знатымъ паномъ Тарло. Казиміръ Понятовскій вызвалъ своего противника на поединокъ; на этотъ поединокъ сбѣгались съѣхаться родственники обоихъ соперниковъ со своими надворными войсками, и такимъ образомъ частная ссора могла обратиться въ общее кровопролитіе.

Однако поединокъ состоялся прежде пріѣзда родственниковъ обѣихъ сторонъ. Въ день, назначенный для поединка, вся Варшава побѣжала за Маримонтскую заставу; жены оставили своихъ мужей, мужья своихъ женъ, родители своихъ дѣтей и дѣти своихъ родителей, и наконецъ даже ученики самовольно оставили классы. Духовенство опасалось, что при этомъ дѣло дойдетъ до общей схватки, и потому объявило, что не допуститъ въ костелы тѣхъ, кто пойдетъ смотрѣть на поединокъ. Это однако не удержало любопытныхъ, и на другой день послѣ побоища костелы наполнились множествомъ каявшихся грѣшниковъ и въ особенности грѣшницъ, и обрядъ присоединенія ихъ къ церкви былъ совершенъ по тому же самому уставу, по которому совершается этотъ обрядъ надъ отлученными отъ церкви за тяжкіе грѣхи. Между тѣмъ наставники отпускали розги ученикамъ, не бывшимъ въ классѣ въ день поединка. Вслѣдствіе этого, былъ плачь въ костелахъ и вопль въ школахъ.

На этомъ поединкѣ погибъ Тарло, любимецъ Варшавы. Народная молва громко говорила, что онъ былъ убитъ своимъ противникомъ вѣроломно; а это обстоятельство въ Польшѣ, гдѣ понятія о рыцарской чести на поединкѣ были сильно развиты,—усилило еще болѣе общую нелюбовь къ Понятовскимъ.

Впрочемъ къ той порѣ, когда Станиславъ Понятовскій явился искателемъ польской короны, время уже изгладило до нѣкоторой степени это печальное событіе изъ памяти народной.

За нѣсколько дней до избранія короля, шляхта расположилась подъ Варшавой, раздѣлившись на воеводства и повѣты; надъ каждой изъ такихъ стоянокъ вѣялъ особый значокъ съ гербомъ воеводства и повѣта. Въ день избранія, примасъ королевства, архіепископъ гнѣзненскій, Лубенскій, выѣхалъ изъ своего дворца въ коляскѣ, залитой золотомъ и обитой внутри пунцовымъ бархатомъ съ золотымъ позументомъ. По старопольскому обычаю, въ этомъ случаѣ примасъ, не смотря на то, что онъ былъ духовное лицо, долженъ былъ вѣхать въ поле верхомъ на конѣ, но Лубенскій былъ слабъ и ходилъ сгорбившись, а потому онъ отправился въ экипажѣ, окруженный блестящими всадниками; золотая сбруя ихъ коней ярко блистала на утреннемъ солнцѣ.

При приближеніи примаса, сенаторы пошли къ нему на встрѣчу. Примасъ вышелъ изъ коляски и, стоя среди первыхъ сановниковъ королевства, пропѣлъ „Veni creator“. Послѣ этого онъ сѣлъ снова въ экипажъ и поѣхалъ по воеводствамъ. Обѣзжая шляхту, раздѣленную на повѣты и земли, примасъ говорилъ: „Привѣтствую васъ, господа и братья, на этомъ полѣ, и спрашиваю васъ, кого вы избираете въ короли?“

Три раза опрашивалъ примасъ шляхту и три раза она повторяла имя Станислава Понятовскаго. Избраніе новаго короля было исполнено стародавнимъ порядкомъ.

Тогда примасъ, на другой день, объявилъ на полѣ государемъ Польши и Литвы Станислава Понятовскаго и,

ставъ на колѣни, запѣлъ подъ открытымъ небомъ: „Te Deum“. Звукъ трубъ и громъ литавръ возвѣстили, что наступило новое царствованіе. Окруженный сенаторами и панами, примасъ поѣхалъ къ Понятовскому извѣстить его о высококомъ, выпавшемъ для него жребіи; послѣ этого, примасъ въ каретѣ, а за нимъ король верхомъ на конѣ — поѣхали въ костель святаго Яна; густая толпа конныхъ пановъ слѣдовала за Станиславомъ. Въ дверяхъ костела примасъ привѣтствовалъ новаго государя торжественной рѣчью, и принялъ отъ него присягу въ томъ, что новый избранникъ на престолъ будетъ въ точности соблюдать предложенныя ему обязательства такъ называвшіяся „Pacta conventa“.

Такимъ образомъ воцарился Понятовскій.

Въ это время Польшѣ грозили духъ внутреннихъ раздоровъ и замыслы сосѣдей, и только государь, твердый характеромъ и напоминавшій собою тѣни Баторіевъ и Собѣскихъ, могъ отвратить опасность, предстоящую Рѣчи Посполитой. Но вновь избранный король былъ не таковъ; ему были милы роскошные чертоги, а не воинскій шатеръ; его плѣняло не бранное поле и не звукъ оружія, но офранцузенное общество съ его остроумной бесѣдой. На его сердце болѣе дѣйствовалъ шорохъ шелковаго платья хорошенькой женщины, нежели шумъ родныхъ знаменъ, разорванныхъ и разстрѣлянныхъ въ бояхъ и запечатлѣнныхъ кровью. Новый король не былъ воинъ, и хотѣлъ прославить свое царствованіе такими дѣлами, которыя не пахнутъ порохомъ. При томъ онъ хотѣлъ позить среди роскоши и нѣги.

Какъ частный челоувѣкъ, Станиславъ-Августъ былъ замѣчательной личностью, не говоря уже о его обаятельной внѣшности и о томъ чарующемъ голосѣ, которому невольно под-

давался каждый, кто проводилъ съ нимъ въ бесѣдѣ хоть нѣсколько минутъ. Надобно замѣтить, что онъ объяснялся по-французски, по-нѣмецки, по-русски, по-турецки, по-англійски, по-испански и по-итальянски, какъ на своемъ родномъ языкѣ, а по игривости своего ума могъ смѣло мѣряться съ Вольтеромъ, съ которымъ и былъ постоянно въ самой дружеской перепискѣ. Корреспонденція его съ разными дамами всѣхъ націй была обширна, и отличалась той утонченной любезностью и той изящностью, которыя были необходимыми условіемъ въ сердечныхъ сношеніяхъ свѣтскаго человѣка XVIII вѣка съ прекраснымъ поломъ.

Переписки этого рода занимали послѣдняго короля польскаго гораздо болѣе, нежели всѣ дѣла государственныя и судьбы того народа, главою котораго его сдѣлала слѣпая прихоть счастья.

Мы не будемъ говорить здѣсь о дѣлахъ политическихъ, но взглянемъ собственно на личность короля Станислава-Августа. Въ этой личности было много страннаго и противоположнаго. Тотчасъ по вступленіи своемъ на престолъ, король окружилъ себя послѣдователями Вольтера; но часто, послѣ долгой вечерней бесѣды, проведенной въ ихъ кругу, въ которой онъ не жалѣлъ насмѣшекъ, его можно было видѣть падавшимъ ницъ передъ Распятіемъ, или иконой Богоматери. Каждую пятницу запирался онъ на два часа со своимъ духовникомъ, кааялся передъ нимъ въ своихъ грѣхахъ съ сокрушеннымъ сердцемъ и со слезами на глазахъ. Каждый великій четвергъ онъ исповѣдывался всенародно, падая на землю передъ ксендзомъ, сидѣвшимъ посреди костела передъ главнымъ алтаремъ. Каждый праздникъ и каждое воскресенье онъ бывалъ у обѣдни. Но и послѣ объ-

день, и послѣ тайныхъ и явныхъ покаяній, онъ принимался опять за прежнее въ кругу своихъ остроумныхъ собесѣдниковъ.

Тоже самое было и въ управленіи государствомъ: и здѣсь была видна нетвердость и перемѣнчивость его убѣжденій. Первый его взглядъ на каждое дѣло былъ вѣренъ и находчивъ, но все послѣдующее было никуда не годно. При открытіи какой нибудь должности, онъ тотчасъ же выбиралъ на нее кандидатомъ такое лицо, на сторонѣ котораго было общественное мнѣніе, но потомъ измѣнялъ свое намѣреніе, безъ всякой видимой причины отдавая открывшуюся вакансію какому нибудь своему любимому придворному или какому нибудь ничтожному человѣку, бывшему подъ покровительствомъ молодой или знатной дамы. Дамы знали слабость короля къ ихъ полу и ежедневно осыпали его записочками и личными просьбами, а Станиславъ-Августъ ни въ чемъ не отказывалъ имъ.

Характеръ короля представлялъ тѣ же противоположности. Станиславъ-Августъ былъ чрезвычайно кротокъ и не могъ безъ живаго участія не только видѣть чужія страданія, но даже и слушать рассказы объ нихъ; а между тѣмъ, въ теченіе своего царствованія, онъ допустилъ столько жестокостей, надъ которыми бы остановился въ раздумьи самый грозный властитель. Притомъ, жестокости эти были сдѣланы безъ всякой надобности и вдобавокъ нѣкоторыя изъ нихъ надъ лицами, совершенно невинными.

Хотя король не былъ вовсе мстителенъ,—онъ былъ скорѣе забывчивъ на все дурное, — однако онъ преслѣдовалъ нѣкоторыхъ изъ провинившихся передъ нимъ разными способами, недостойными его высокаго сана. Такъ, напримѣръ,

если кто нибудь обидѣлъ чѣмъ-либо короля и потомъ имѣлъ какое нибудь частное тяжёлое или судебное дѣло, то король секретными письмами склонялъ его судей на сторону его противниковъ или же внушалъ имъ, чтобы они постановили надъ нимъ приговоръ безъ малѣйшаго послабленія. Этими поступками онъ потерялъ общее уваженіе. Преслѣдуя однихъ до мелочности, Станиславъ - Августъ въ то же время осыпалъ иногда безконечными милостями самыхъ явныхъ своихъ враговъ.

Въ обращеніи короля проявлялись опять тѣ же крайности: учтивый, любезный и снисходительный безъ мѣры, онъ иногда разгорячался до того, что давалъ пощечины своей прислугѣ или билъ своихъ лакеевъ палкой; но потомъ щедро награждалъ обиженныхъ имъ и просилъ у нихъ извиненія.

Что касается женщинъ, то и въ этомъ отношеніи у короля были свои особенныя странности: часто онъ оставался совершенно равнодушнымъ къ такой очаровательной женщинѣ, отъ которой сходили всѣ съ ума, и влюблялся до безумія въ такую женщину, въ которой не было ничего привлекательнаго. Однѣхъ изъ своихъ любовницъ, съ которыми онъ расходился не мирно, онъ награждалъ съ непо-мѣрной щедростью; другихъ же, которымъ онъ былъ какъ нельзя болѣе преданъ, оставлялъ въ нуждѣ, очень близкой къ нищетѣ. Вообще, завоеваніе женскихъ сердець было едва ли не главною дѣятельностію этого миролюбиваго государя. У однихъ магнатовъ онъ соблазнялъ хорошенькихъ молодыхъ женъ, у другихъ сманивалъ и увозилъ любовницъ. Волокитство короля доставляло ему множество враговъ, которые при каждомъ удобномъ случаѣ обраца-

лись въ его политическихъ непріятелей и колебали твердость его трона. Такъ, напримѣръ, Станиславъ-Августъ за похищенную имъ коварно у гетмана Огинскаго молодую дѣвушку—нажилъ себѣ въ гетманѣ, одномъ изъ сильнѣйшихъ магнатовъ Польши и Литвы, непримиримаго и опаснаго врага, долго безпокоившаго короля своею непокорностью и своими происками.

При всемъ этомъ, король любилъ науки и искусства. Обыкновенно въ то время, когда по утру завивалъ короля, въ продолженіе двухъ часовъ, парикмахеръ-англичанинъ, онъ былъ окруженъ учеными, поэтами и художниками, разговаривалъ съ каждымъ изъ нихъ о чемъ нибудь очень дѣльно, или приказывалъ читать себѣ какое-нибудь сочиненіе, весьма метко оцѣнивая всѣ его слабыя и хорошія стороны.

Обращеніе короля вообще было чрезвычайно любезно; съ шляхтой онъ постоянно обходился какъ нельзя болѣе пріятливо. Обыкновенно во время королевскаго туалета, шляхтичи, пріѣзжавшіе въ Варшаву изъ воеводствъ и областей, собирались въ сосѣдней комнатѣ, для того, чтобы представиться королю послѣ его туалета. Привыкшіе свободно и безцеремонно толковать на сеймахъ и сеймикахъ, шляхтичи не оставляли своей кровной привычки и въ чертогахъ королевскихъ. Унять шляхту прямо повелѣніемъ его величества было неловко, а между тѣмъ ея громкіе разговоры и нерѣдко запальчивые споры въ покоехъ королевскихъ — мѣшали королю заниматься въ сосѣдней комнатѣ ученой бесѣдой въ подобающей для этого тишинѣ. Одинъ изъ дежурныхъ камергеровъ поднимался однако на хитрость: въ то самое время, какъ шляхта, забывавшая, что

она находится въ королевскомъ дворцѣ, начинала слишкомъ громко толковать между собою, канарейки подѣ шумный говоръ принимались (какъ онѣ дѣлаютъ это всегда) пѣть все громче и громче. Догадливый камергеръ выходилъ въ это время изъ королевской уборной и, махая платкомъ на кляткѣ, въ которыхъ сидѣли канарейки, сердито кричалъ на нихъ: „Ахъ вы, безпкойныя, тише! Королю мѣшаете!“ Шляхтичи смеяли, къ кому относилось это, и переглянувшись другъ съ другомъ прекращали на время громкую болтовню.

Когда входилъ король въ приемную, всѣ почтительно склонялись передъ нимъ и старались выслушать каждое его слово. Король говорилъ увлекательно, то серьезно, то шуточно, полнымъ звучнымъ голосомъ, внушавшимъ къ нему довѣріе и расположеніе, такъ что всякій, говорившій съ нимъ, поддавался какому-то приятному обаянію.

Любя самъ непринужденный и откровенный разговоръ, король очень скоро допускалъ его и со стороны своихъ подданныхъ. Онъ самъ повторялъ по нѣскольку разъ тѣ остроумные отвѣты, которые приводилось ему слышать въ разговорахъ съ ними. Такъ, между прочимъ, онъ рассказывалъ, что въ какомъ-то воеводствѣ жилъ шляхтичъ, нѣсколько помѣшанный на томъ, что онъ король польскій. Во время проѣзда Станислава-Августа мнимый король представился настоящему.

— Привѣтствую мнѣ равнаго, сказалъ ласково король шляхтичу.

— Ваше величество, отвѣчалъ шляхтичъ почтительно:— дѣйствительно, по рожденію я равенъ съ вами, и по смерти мы опять будемъ равны между собою; но въ настоящее

время вы мой государь, избранный мною вмѣстѣ съ другими моими братьями шляхтичами, а я — вѣрный подданный вашего величества.

Король любилъ роскошь и пышность. До него польскіе короли жили лѣтомъ въ Вилановѣ. Жилище это, въ которомъ умеръ славный Собѣскій и которое сохранилось донынѣ въ своемъ первобытномъ видѣ, было скорѣе домоу богатаго польскаго пана, чѣмъ жилищемъ короля одного изъ самыхъ обширнѣйшихъ государствъ въ Европѣ того времени. Понятовскій не удовольствовался этой скромной резиденціей и выстроилъ подъ Варшавою лѣтній королевскій дворецъ Лазенки, не уступавшій въ ту пору, по своей роскоши, ни одному изъ увеселительныхъ дворцовъ тогдашнихъ европейскихъ государей. Около Лазенокъ явились обширные пруды съ лебедями, страусами и павлинами; на деревьяхъ, въ дорогихъ клѣткахъ, были развѣшаны обезьяны, попугаи и разныя рѣдкія птицы, а между темной зеленью тополей и каштановъ мелькали бѣлыя мраморныя статуи, купленныя въ Италіи дорогою цѣною. Роскошные цвѣты, разсаженныя въ клумбахъ, наполняли воздухъ своимъ благоуханіемъ. Въ этомъ прекрасномъ убѣжищѣ король польскій, какъ частное лицо, съ любезностью и предупредительностью свѣтскаго человѣка, встрѣчалъ пріѣзжавшую къ нему въ гости варшавскую публику, и съ большимъ удовольствіемъ показывалъ каждому всѣ свои постройки, свои статуи, картины, древнія монеты и разныя рѣдкости. Само собою разумѣется, что прекрасный полъ пользовался въ этомъ случаѣ со стороны короля особымъ почетомъ и особымъ вниманіемъ.

Вообще, царствованіе Понятовскаго имѣло большое влія-

ніе на утонченность и развитіе общественной жизни. Тѣ попойки, которыми такъ щеголяла Польша при короляхъ изъ саксонскаго дома, стали исчезать при дворѣ Понатовскаго. Самъ король отличался необычайною трезвостью, хотя и любилъ роскошный столъ; повара его, нѣмецъ Шютцъ и французъ Тремо, пользовались за свое искусство громадною, европейскою извѣстностью. Изъ всѣхъ любимцевъ короля только одинъ генералъ Конаржевскій славился страстью къ попойкамъ и неодолимою въ нихъ ерѣвостью своей головы; всѣ же другія лица, приближенныя къ королю, были въ этомъ отношеніи люди новаго покроя,—люди ученые, предпочитавшіе серьезный или остроумный разговоръ продолжительнымъ вакханаліямъ.

Въ толгѣ щеголеватыхъ и пудренныхъ царедворцевъ короля Станислава-Августа являлись: ученый историкъ Польши Нарушевичъ, неразлучный спутникъ короля въ его поѣздкахъ по государству; Богомолецъ, жизнеописатель древнихъ поляковъ; поэты: Венгерскій, Трембицкій и Красицкій; Богуславскій, творецъ польской сцены; глубокомысленные законовѣды: Вельгорскій и Сташицъ; славный польскій грамматикъ, монахъ піарскаго ордена Коптинскій, Ваза, Осинскій, двое Потоцкихъ, Игнатій и Станиславъ, Парамовичъ и Оадей Чацкій. Всѣ эти лица, приближенныя къ королю, славились своимъ умомъ и образованіемъ; а Чацкій былъ одинъ изъ тѣхъ дѣятельнѣйшихъ и благороднѣйшихъ ревнителей просвѣщенія, какихъ мало вообще встрѣчалось въ цѣлой Европѣ.

Но многія хорошія качества Станислава-Августа, какъ частнаго человѣка, были недостаточны для той поры, когда ему привелось править судьбами Польши. Среди то-

гдашнихъ бурь необходимъ былъ Польшѣ король-воинъ; но Понятовскій не былъ рожденъ воиномъ. Притомъ, къ сожалѣнiю, онъ свои личныя выгоды и удобства своей жизни предпочиталъ истинному благу возвеличившей его родины.

Противъ короля составлялись частыя конфедераціи шляхты, и въ іюнѣ 1767 года было уже 178 конфедерацій, условившихся соединиться въ Радомѣ; а въ 1771 году даже составился заговоръ овладѣть особою короля. Во главѣ заговорщиковъ были: Косинскій, Стравинскій и Лукавскій; и только счастливое стеченіе обстоятельствъ избавило короля отъ замысла этихъ заговорщиковъ. Въ это время жилъ въ Парижѣ одинъ изъ мелкихъ владѣтельныхъ князей, которыми въ ту пору изобиловала Германія и которые искали по всей Европѣ или службы, если были храбры, или престола при помощи брачныхъ союзовъ, если были милостивы собой и имѣли длинную родословную. Владѣтельный князь, о которомъ идетъ теперь рѣчь, не думалъ ни о томъ ни о другомъ, но веселился въ столицѣ Франціи до тѣхъ поръ, пока кредиторы не рѣшились упрятать его въ тюрьму, какъ несостоятельнаго должника. Заговоръ противъ Понятовскаго помогъ нѣмецкому принцу избавиться отъ преслѣдованій займодавцевъ.

Какъ только его свѣтлость, а быть-можетъ и его высочество, изволилъ узнать объ этомъ, тотчасъ, по совѣту бывшаго въ то время въ Парижѣ варшавскаго банкира Теппера, учрежденъ орденъ „Божьяго Провидѣнія“, въ память избавленія польскаго короля отъ грозившей ему опасности. Звѣзда этого ордена была золотая, съ изображеніемъ посрединѣ всевидящаго ока и съ надписью: „Vide cui fide“. Лента была самая щегольская—небеснаго цвѣта

съ золотыми каймами. Теперь открылъ у себя бюро этого ордена. Сначала патенты на этот орденъ продавались по 100 червонцевъ, потомъ упали въ цѣнѣ до 25. Въ Варшавѣ, въ Вильно, въ Парижѣ, на Волыни и Подолѣ явилось множество кавалеровъ этого ордена, не сознававшихъ въ чемъ состояло ихъ отличіе и за что они украшены такой блестящей звѣздой и такой великолѣпной лентой. Вскорѣ все это обратилось въ смѣхъ; на кавалеровъ нѣмецкаго ордена стали показывать пальцами; звѣзды и ленты исчезли; но тѣмъ не менѣе нѣмецкій принцъ поправилъ свои дѣла: онъ не только вывернулся изъ своихъ долговъ, но еще зашибъ, при помощи ордена, кое-какія деньги.

Гетманъ Браницкій публично укорялъ Понятовскаго въ томъ, будто бы онъ самостоятельностью своей родины пожертвовалъ своему личному честолюбію... Область за областью отходила отъ Рѣчи Посполитой, и король утверждалъ эти отдѣлы, довольствуясь тѣмъ, что ему были оставляемы доходы съ отбираемыхъ отъ Польши областей.

Современныя польскія сказанія передаютъ, между прочимъ, о присоединеніи къ Пруссіи польскихъ областей слѣдующія подробности: отъ Пруссіи въ каждый повѣтъ было послано два комисара; они пріѣзжали въ городъ, собирали народъ и объявляли ему по-нѣмецки, оффиціально, а затѣмъ частнымъ образомъ объясняли на ломаномъ польскомъ языкѣ, что такой-то городъ принадлежитъ его величеству королю прусскому, и что здѣсь уже не Польша, а Пруссія. Послѣ этого ставили столбъ, прибывали къ нему бляху съ чернымъ орломъ и отправляли въ приходскій востель столько эземпляровъ о присоединеніи какой-либо области

въ Пруссіи, сколько было въ этомъ приходѣ шляхетскихъ дворовъ.

Король переносилъ все это безъ особеннаго соболѣзнованія, и былъ озабоченъ болѣе собственными, нежели государственными дѣлами. Самая главная его забота состояла въ томъ, какъ бы добывать деньги. Онъ жилъ роскошно, тратилъ много, раздавалъ не мало на убогихъ и на госпитали, а самъ, вслѣдствіе всего этого, былъ постоянно безъ денегъ. Его факторы бѣгали по Варшавѣ съ готовыми росписками, даже въ 500 злотыхъ, и занимали деньги въ особенности у монаховъ, пугая ихъ отнятіемъ монастырскихъ имуществъ.

Скажемъ встати, что послѣ своего отреченія отъ престола Понятовскій оставилъ долгу на 34.000.000 польскихъ флориновъ. Онъ былъ долженъ и Евангелическому Обществу въ Варшавѣ, и какой-то вдовѣ Лвобсонъ, и кармелитскому монастырю, и купцу Ришару 1800 флориновъ, и за книги 2700 флориновъ, и своимъ камергерамъ, Трембицкому, Пжецкому, и графинѣ Тышкевичъ, и своему повару, и графинѣ Мнишекъ за брильянты, и нѣкоей г-жѣ Камели 1.187.535 флориновъ по невыплаченнымъ пенсіонамъ. О родѣ пенсіоновъ, подлежавшихъ вѣденію этой кассирши, догадаться не трудно. Такъ, однажды, королю устроили на Вислѣ особаго рода праздникъ: на великолѣпной лодкѣ посадили шесть самыхъ красивыхъ, полуобнаженныхъ дѣвушекъ въ видѣ сиренъ. Онѣ пѣли гимнъ въ честь короля. Послѣ этого каждую дѣвушку ему представили порознь, и каждая изъ нихъ получила пожизненную пенсію, смотря по тому, въ какой мѣрѣ понравилась его величеству. Кромѣ того на королѣ было множество долговъ по заложеннымъ въ разныхъ мѣстахъ

брильянтамъ, а также золотымъ и серебрянымъ вещамъ.

Въ 1795 году, послѣ взятія Варшавы, Суворовъ объявилъ королю волю императрицы Екатерины о выѣздѣ изъ Варшавы. Король медлилъ; а народъ, не оказывавшій до того времени расположенія къ Понятовскому, собирался съ шумомъ передъ королевскимъ дворцомъ... Король выѣхалъ изъ Варшавы между двумя рядами солдатъ, разставленныхъ Суворовымъ по тѣмъ улицамъ, по которымъ долженъ былъ двигаться королевскій поѣздъ.

25 ноября 1795 года Станиславъ-Августъ отрекся въ Гроднѣ отъ престола.

Онъ собирался отправиться на житье въ Римъ, когда неожиданно получилъ отъ императора Павла приглашеніе пріѣхать въ Петербургъ. Король долго не соглашался на это, но его жена и окружавшія его дамы уговорили Станислава отправиться въ Петербургъ... Всѣ королевскія драгоцѣнности, при посредствѣ евреевъ, были проданы въ Гамбургъ, и король отправился въ Петербургъ.

Здѣсь онъ поселился въ Мраморномъ дворцѣ и жилъ уединенно.

Въ первый день 1798 года Павелъ пріѣхалъ въ гости къ Понятовскому. Съ радостнымъ лицомъ проводилъ король императора, послѣ продолжительной съ нимъ бесѣды, и обратившись къ окружавшимъ его придворнымъ весело сказалъ имъ: „Наконецъ судьба устала преслѣдовать насъ, — скоро мы увидимъ Варшаву!“

Ожиданія короля не сбылись. 12 февраля, въ полдень, онъ сталъ жаловаться на головную боль. Приванный для поданія пособія, докторъ Бедлеръ пустилъ ему кровь. Узнавъ о болѣзни короля, Павелъ поспѣшилъ къ нему, но засталъ

его ужъ лишеннымъ сознанія. Императоръ не отходилъ отъ умирающаго короля ни на минуту. Послѣ исповѣди Станиславъ-Августъ скончался въ 10 часовъ вечера. Веденныя имъ записки перешли, какъ пишутъ нѣкоторые, въ руки императора. Говорять, что король простудился, присутствуя на Иорданѣ.

На мертваго короля самъ императоръ надѣлъ корону, а въ день его погребенія ѣхалъ за гробомъ верхомъ до самаго костела, съ опущенной къ низу шпагой. Прахъ Понятовскаго лежитъ въ Петербургѣ, въ римско-католической церкви св. Еватеринны, по правую сторону главнаго алтаря.

Король былъ женатъ на Грабовской, урожденной Шидловской, съ которой онъ жилъ долго внѣ брака и съ которой обвѣнчался тайно въ 1784 году, но до своего выѣзда изъ Варшавы не объявлялъ ее своей женой, потому что, предъ избраніемъ его въ короли, сеймъ обязалъ его жениться только на той, на которую ему укажутъ государственные чины, а между тѣмъ выборъ ихъ не падалъ на Грабовскую.

Понятовскіе герба „Телець“, получившіе въ 1764 году, 18 декабря, по опредѣленію сейма, княжеское достоинство, существуютъ и понынѣ въ потомкахъ братьевъ короля; одни изъ нихъ носятъ свою родовую польскую фамилію, а другіе живутъ въ Италіи подъ именемъ князей ди Монте-Ротондо.

XVI.

Свадьба Каси.

Въ позднюю дождливую осень, въ сумерки, когда на колокольнѣ костела въ одномъ многолюдномъ мѣстечкѣ замолеъ уже протяжный и унылый звонъ, призывавшій къ вечерней молитвѣ, тихо плелся къ этому мѣстечку, подъ мелкимъ, моросившимъ цѣлый день дождемъ, отставной служивый капралъ польскихъ войскъ — Бурчимуха.

Въ мѣстечкѣ, къ которому подходилъ старый служака, была въ это время ярмарка; много набралось въ мѣстечко отовсюду разнаго народа. Здѣсь цѣлый день, по грязнымъ и тѣснымъ улицамъ, съ самаго ранняго утра, медленно двигались фуры, колымаги, вочи и нетычанки, раздавалось хлопанье бичей, и слышались крики и перебранки. Цѣлый день шныряли изъ одного конца мѣстечка въ другой факторы, приподнимая на бѣгу долгиа полы своихъ черныхъ, прадѣдовскихъ калатовъ. Одни изъ факторовъ или доставали, или размѣнивали деньги; другіе улаживали куплю или про-

дажу; третьи бѣгали только къ смазливенькимъ обитательницамъ мѣстечка съ разными порученіями отъ пановъ и паничей. Но теперь, когда подходилъ Бурчимуха позднимъ вечеромъ къ мѣстечку, въ немъ не было никакого движенія; на улицахъ не было видно ни души, такъ что можно было бы подумать, будто вымеръ весь городъ, если бы на огромныхъ лужахъ, стоявшихъ на улицахъ, не отражались огни, горѣвшіе въ окошкахъ небольшихъ домиковъ, да посреди общей тишины не доносились изъ ярко-освѣщенной корчмы звуки скрипки и цымбаловъ, сопровождаемые то веселымъ припѣвомъ то громкимъ топаньемъ каблуконъ въ разгульной, нескончаемой мазуркѣ.

Старога служаку, усталаго отъ большого перехода, не слишкомъ занимало веселье, разгоравшееся въ корчмѣ все болѣе и болѣе съ каждымъ часомъ. Ему хотѣлось только добраться поскорѣе до теплаго угла, хорошенько высушиться и расправить свою спину, на которой онъ тащилъ довольно увѣсистую котомку съ разными пожитками.

Вошелъ наконецъ Бурчимуха въ первый домъ, стоявшій при входѣ въ мѣстечко, и освѣдомился, нельзя ли ему пріютиться здѣсь на ночлегъ? Отвѣчали ему, что весь домъ набитъ биткомъ приѣзжими на ярмарку гостями и посовѣтовали ему, чтобъ онъ шелъ подальше. Дальше было тоже самое. Обошелъ такимъ образомъ Бурчимуха домовъ десять: гдѣ онъ ни постучится, гдѣ ни попросится на ночлегъ, вездѣ одинъ и тотъ же отвѣтъ—нѣтъ мѣста, да и только!

Посообразилъ, однако, служивый и то, что стоянки военнаго человѣка не очень любятъ ни по городамъ, ни по мѣстечкамъ, ни по деревнямъ, и что быть-можетъ нарочно отказываютъ ему въ ночлегѣ, побаиваясь, что служивый, по

своей привычкѣ или побуянить, или, что еще хуже, приволокнется, пожалуй, за хозяйской женой или за хозяйской дочерью, если только онѣ для этого покажутся пригодными.

„Нарочно спроваживаютъ они меня,—думаль Бурчимуха: военнаго народа не любятъ!“ Потому, обходя далѣе мѣстечко, служивый заявлялъ всѣмъ, что онъ человекъ смиренный и что съ утренней же зарей взвалить себя на плечи котому и пойдетъ дальше во имя Божіе своимъ путемъ-дорогой, не обидѣвъ ни стараго ни малаго, ни молодицы ни старухи.

Ничто однако не помогало; во всемъ мѣстечкѣ не нашель себя капраль уголка для ночлега.

— Не отыщешь нигдѣ здѣсь для себя мѣста, сказалъ наконецъ Бурчимухѣ въ одномъ домѣ хозяинъ, вышедши на крыльцо;—давнымъ-давно здѣсь все занято; придется отправляться тебѣ за мѣстечко; тамъ есть на большой дорогѣ хата; видишь, гдѣ свѣтитса огонекъ (и при этомъ хозяинъ указалъ рукою на мерцавшій вдалекѣ слабый свѣтъ). Да впрочемъ, добавилъ въ раздумьѣ хозяинъ,—туда идти тебѣ нестать...

— А что? спросилъ торопливо служивый.

— Да струсишь, пожалуй, потому что въ той хатѣ водится теперъ нечистая сила, никому она не даетъ покоя.

— Такъ только-то, улыбнувшись перебилъ служивый;—ну, пріятель, это намъ ни по чемъ!

Поблагодаривъ за совѣтъ хозяина, Бурчимуха поплелся на огонекъ. Далеко показалось служивому колесить въ обходъ по дорогѣ; извѣстное дѣло, по прямому пути дойдешь поскорѣе, и вотъ Бурчимуха живо, по военному, разобралъ

высокій плетень и пошелъ впередъ на привѣтный огонекъ, не сворачивая ни шагу въ сторону.

Было уже совсѣмъ темно въ это время; не безъ труда перелѣзалъ служивый то черезъ грады, то черезъ рывины, то черезъ ямы, рѣшительно добираясь до ночлега прямо безъ мажѣйшаго обхода. Вотъ наконецъ очутился онъ передъ хатой, постучался въ двери и послѣ опроса тоненькимъ женскимъ голосомъ: „кто тамъ?“ двери отворились.

Бурчимуха вошелъ въ чистенькую комнату и увидѣлъ передъ собой прехорошенькую дѣвушку. Дѣвушка, впустивъ служиваго, опрометью выбѣжала сама изъ каморки и звала отца и мать.

— Гость въ домъ—Богъ въ домъ, сказалъ отецъ дѣвушки служивому, повторяя, вмѣсто привѣтствія, старопольскую пословицу.—Радъ я, пріятель, твоему приходу, да уложить тебя на бѣду негдѣ; тамъ спимъ мы сами въ большой тѣснотѣ, а здѣсь тебѣ оставаться не приходится, добавилъ хозяинъ, боязливо озираясь.

— Отчего-жь? спросилъ твердымъ голосомъ служивый.

— Ходить здѣсь нечистая сила, робко сказалъ хозяинъ,— и при этихъ словахъ мужъ и жена проговорили набожно: „Иезусъ-Марія!“

— Трусъ вы, трусы! сказалъ презрительно капракъ, покачивая головою и поглядывая пристально на хозяйскую дочь.

Посмотрѣть на нее стоило. Кася (уменьшительное имя отъ Катерины) была дѣвушка лѣтъ восемнадцати; прямотѣ и стройности ея стана могли позавидовать любяя красавицы Варшавы и Кракова; густая, крѣпко заплетенная коса высокимъ бугоркомъ поднималась надъ темными волосами; на

смугломъ лицѣ Каси пробивался яркій румянецъ, на щекахъ ея были ямочки, а глазки блестяли, какъ блестятъ два огонька въ бессарабской степи, когда ихъ разведутъ тамъ въ темную осеннюю ночь кочевые цыгане около своего табора.

„Славная дѣвушка“, думалъ про себя служивый: „а кому-то она достанется? старъ я для нея, да и грудь-то у меня на вылетъ прострѣлена пулей.“

Покуда такъ думалъ служивый, хозяйинъ, хозяйка и ихъ дочь суетились, готова для прохожаго горѣлку, тютюнъ и вареную печенку. Разговаривая съ добрыми хозяевами о мѣстномъ ксендзѣ, о ярмаркѣ, о костелѣ, о томъ и другомъ, капралъ попивалъ горѣлку, покуривалъ трубку и закусывалъ печенкой.

Но вотъ пора и спать; уже долетѣлъ до хаты глухой бой одиннадцати часовъ на костельной колокольнѣ. Сжалось сердце добрыхъ хозяевъ, когда они, пожелавъ Бурчимухѣ пріятнаго сна, пошли спать, оставивъ завернувшаго къ нимъ прохожаго въ добычу нечистой силѣ. Одна только Кася улыбнулась: лукаво, проговоривъ скороговоркой капралу „Покойная ночь!“

— Вздоръ, сказалъ Бурчимуха, оставшись одинъ въ страшной комнатѣ,—вздоръ! скорѣй я поймаю чорта за чупрунъ, нежели онъ схватитъ меня за усь,—и при этомъ старый служивый, съ горделивой осанкой, покрутилъ свой сѣдой усь, доходившій до самаго плеча.

Затѣмъ онъ налилъ себѣ порядочный шваинеъ горѣлки; выпилъ одинъ, выпилъ другой, выпилъ и третій, закурилъ трубку и положивъ подлѣ себя толстую дорожную палку сталъ поджидать нечистой силы.

Вотъ опять послышался бой костельныхъ часовъ. Они ударили полночь. За каждымъ медленнымъ ихъ ударомъ, капраль спѣшилъ выпивать по шквалку горѣлки. При послѣднемъ ударѣ часовъ, Бурчимухъ показалось, что вмѣсто одного шквалика—стоятъ на столѣ два, вмѣсто одной свѣчки—горятъ двѣ, и наконецъ вмѣсто одной трубки—у него изо рту торчатъ двѣ.

— Такъ вотъ гдѣ она, эта дьявольская сила! крикнулъ громко служивый, швырнувъ съ размаха о полъ опорожненную имъ стеклянную фляжку. Звонко задребезжали на полу разбитые куски стекла; но еще не кончилось ихъ дребезжаніе, какъ вдругъ за дверями послышался явственный звонъ цѣпей. Двери распахнулись, и въ комнату вошло какое-то черное страшилище съ оковами на рукахъ.

Капраль не струсилъ, онъ даже не выпустилъ трубки изо рту и со всего разбѣга подскочилъ къ привидѣнію, схватилъ его за чубъ и принялся колотить его палкой изо всей мочи. Видно было, что нечистая сила не приучила себя къ такому обращенію. Нечистый упалъ передъ капраломъ на колѣни и сталъ просить о помилованіи, ударяя себя въ грудь такъ сильно, какъ никогда не бьетъ себя передъ исповѣдью самый тяжкій грѣшникъ.

— Кто ты такой, пріятель? грозно спросилъ капраль, держа нечистаго за чубъ и замахаясь на него палкой.

— Я.... я.... работникъ въ здѣшнемъ домѣ, отвѣчало привидѣніе, дрожа всѣмъ тѣломъ;—ими мнѣ Блажекъ; я крѣпко люблю Касю, и она не смотритъ на меня искоса, да вся бѣда наша въ томъ, что отецъ и мать не хотятъ ее за меня выдать...

— Ну, такъ что-жь? перебилъ Бурчимуха.

— Такъ вотъ я—продолжалъ оправляясь Блажекъ, — и шляюсь такъ, какъ ты меня теперь видишь, каждую ночь, и кричу что есть силы: „не дамъ вамъ ни покоя, ни отдыха, пока не выдадите вы Касю за Блажека!“

Служивый выпустилъ изъ своей руки чубъ Блажека.

— Эту черную накидку съ серебрянымъ крестомъ на спинѣ, продолжалъ чистосердечно Блажекъ,—далъ мнѣ костельный сторожъ; ей накрываютъ въ костелѣ покойниковъ, а цѣпи я отбилъ отъ плуга. Вотъ все что могу сказать вамъ, вельможный панъ, добавилъ Блажекъ; — только не выдавайте меня хозяину, а лучше всего устройте дѣло такъ, чтобъ Кася была моей женой.

Служивый сталъ ходить по комнатамъ мѣрными шагами, потирая себѣ лобъ.

— Если вельможный панъ сдѣлаетъ мнѣ это, заговорилъ снова Блажекъ,—то онъ можетъ приходить ко мнѣ и къ Касѣ во всякое время и пить у насъ горѣлку, сколько его душѣ будетъ угодно.

— Славно! крикнулъ Бурчимуха: — иди теперь съ Богомъ, а завтра увидимся.

Блажекъ чуть не повалился капралу въ ноги передъ своимъ уходомъ, а Бурчимуха разлегся на скамейкѣ и захрапѣлъ, подумавъ однако напередъ о томъ, какъ онъ лихо будетъ пить на даровщину.

Только-что забрежжилось утро, какъ хозяйка и хозяинъ заговорили между собой о капралѣ.

— Нужно будетъ, сказала печально хозяйка, — послать заказать гробъ, да попросить отца плебана со святой волей: вѣрно нашего гостя ужъ задушила нечистая сила.

— Вѣчный покой его душѣ, отвѣчалъ заунывнымъ го-

лосомъ хозяинъ;—охота же ему была самому искать смерти! На то впрочемъ и родятся военные люди, добавилъ онъ, махнувъ рукой.

Медленнымъ шагомъ и съ сильнымъ замираніемъ сердца поплелись хозяева въ той комнатѣ, гдѣ они оставили ночевать капрала.

— Всякое дыханіе да хвалить Господа!... кривнули въ одинъ голосъ испуганный мужъ и жена, увидѣвъ шедшаго къ нимъ на встрѣчу Бурчимуху, и ужъ хотѣли бѣжать отъ него въ запуски, какъ колѣни у нихъ подкосились отъ страху, и они остановились на одномъ мѣстѣ, будто ввопанные.

— Да, да, хозяева, плохо у васъ въ хатѣ, заговорилъ злобѣющимъ голосомъ капралъ;—помучился я было въ нынѣшнюю ночь; хорошо еще, что я натѣнулся на такого же служиваго, какой я самъ.

Съ ужасомъ начали хозяева спрашивать Бурчимуху о томъ что съ нимъ было въ продолженіе ночи.

Прежде всего онъ потребовалъ себѣ горѣлки, а потомъ разсказалъ, что въ хатѣ хозяевъ поселился покойный прадѣдъ хозяина, который согрѣшилъ передъ прадѣдомъ Блажека, и который теперь за это не можетъ имѣть покоя на томъ свѣтѣ, до тѣхъ поръ, пока правнучка его не выйдетъ замужъ за Блажека.

— Плохо вамъ будетъ отъ него! добавилъ Бурчимуха.— Поразсказалъ мнѣ покойникъ, что онъ былъ также капраломъ и въ томъ самомъ regimentѣ, въ которомъ служилъ я; а извѣстно, что наши полковые не даютъ никому спуску.

Простаки повѣрили старому капралу, порѣшили выдать

Касю за Блажека, и весело отпраздновали ихъ свадьбу. Хитрый свать пилъ въ этотъ день за четверыхъ; на другой день молодые повели его, на свой счетъ, въ сосѣднюю корчму, на третій день въ другую, а потомъ стали угощать его горѣлкой каждый день на дому.

Скучно было капралу только то, что ему приходилось пить одному. И вотъ онъ началъ прискивать для себя товарищей въ мѣстечкѣ. На что на другое не скоро подыщешь годнаго человѣка, а для выпивки найдешь людей цѣлыми десятками; и дѣйствительно, сегодня капралъ угощалъ на счетъ Блажека трехъ, а завтра угощалъ на его счетъ пятерыхъ, а тамъ сталъ уже созывать пьяницъ десятками. До послѣдняго гроша издержался Блажекъ: пришлось ему забирать горѣлку въ долгъ.

— Господинъ капралъ, сказалъ наконецъ Блажекъ своему свату, — пейте сами, по нашему уговору, сколько вашей чести будетъ угодно, — хоть купайтесь сами каждый день въ горѣлкѣ, пусть все это будетъ вамъ на здоровье, но только оставьте вашихъ пріятелей. Я-то съ моей Касей пробьюсь какъ нибудь всю жизнь, но у насъ будутъ и дѣтки, — вѣдь мы не для шутки обвинчались; а имъ придется, по милости вашей, идти по міру...

Вспыхнулъ отъ гнѣва капралъ при такомъ замѣчаніи.

— Такъ вотъ ты, пріятель, каковъ! крикнулъ онъ на Блажека, и не говоря болѣе ни слова побѣждалъ къ его тестю, которому и рассказалъ начисто всѣ продѣлки его зятя.

Обомглѣлъ съ перваго раза панъ Ваврекъ, когда узналъ, что его Кася досталась Блажеку не совсѣмъ чисто, похристіански, а при помощи какихъ-то дьявольскихъ затѣй;

онъ опрометью кинулся къ войту, къ главному блюстителю порядка и тишины во всемъ мѣстечкѣ. Войтъ созвалъ тотчасъ же старосту и нонятыхъ и начался у нихъ судъ надъ Блажекомъ.

Всѣ засѣданія этого суда сопровождались непомятнымъ истребленіемъ горѣлки, которою подчивалъ судей отецъ Каси, стараясь этимъ способомъ возбудить въ нихъ безпощадную строгость къ обманщику. Въ этомъ судѣ, не подводя никакихъ статутовъ, а только подъ вліяніемъ горѣлки, постановили: „посадить Блажека въ одну клѣтку, а Касю въ другую, и обо всемъ что случилось рассказать отцу плебану.“ Последнее исполнили тотчасъ, но первое рѣшеніе было трудно выполнить на дѣлѣ, потому что подсудимые не ждали своего приговора и давнымъ давно улетпетнули изъ мѣстечка...

Между тѣмъ осеннее ненастье прошло; вѣтеръ разогналъ густыя тучи на югъ и на сѣверъ, и въ то время, какъ судьи произносили надъ Касей и надъ Блажекомъ свой окончательный приговоръ, на голубомъ вечернемъ небѣ проглянулъ серебряный ноготокъ молодого мѣсяца.

Само собою разумѣется, что упоминать въ нашемъ разсказѣ о молодомъ мѣсяцѣ было бы вовсе не кстати, если бы у всѣхъ радившихъ и судившихъ дѣло Каси и Блажека, а въ особенности у перваго его зачинщика, у Бурчимухи, не болѣла отъ горѣлки голова, начиная съ перваго появленія молодого мѣсяца и до конца полнолунія...

XVII.

Албанская банда.

Часовъ около двѣнадцати ночи все смогло въ Ново-
грудскомъ монастырѣ, гдѣ остановился князь Кароль или
Карлъ Радзивиль, воевода Новоградскій, прѣхавшій въ го-
родъ на шляхетскій сеймикъ. На обширномъ монастырскомъ
дворѣ, между множествомъ нагроможденныхъ въ беспорядкѣ
фуръ, нетычанокъ, повозокъ и телѣгъ, кое-гдѣ догорали еще
костры, разложенные съ вечера. Сентябрьская ночь была
свѣжа, а полный мѣсяцъ высоко стоялъ на темноглубомъ
небѣ, обливая сѣребристымъ свѣтомъ старинныя монастыр-
скія зданія. Въ длинномъ монастырскомъ корридорѣ, съ
низкими сводами, который велъ къ настоятельской кельѣ,
вспыхнулъ въ послѣдній разъ догорѣвшій ночникъ и погасъ,
а яркій лучъ луннаго свѣта, ударивъ въ узкое окно корри-
дора, легъ длинной полосой на кирпичномъ его полу. За-
тихъ въ корридорѣ и шумъ шаговъ, отдававшійся подъ сво-
дами непрерывно въ теченіе цѣлаго дня, потому что комна-

ты настоятельскія были отданы подъ помѣщеніе князя-воеводы, а въ нему и отъ него весь день, съ утра до вечера, валила шляхта и бѣгала многочисленная прислуга.

Князь въ комнатѣ настоятеля лежалъ на постели, наврѣвъ одѣяломъ и голову; въ ногахъ его, подъ постелью, улеглась любимица князя большая собака Непта, неразлучной ночной сторожъ князя; а на другой постели, въ той же комнатѣ, улегся отецъ Идзій, духовникъ князя, пользовавшійся особеннымъ его расположеніемъ.

Казалось, всѣ успокоились: и князь, и Идзій, и Непта; но вдругъ собака заворчала, какъ бы почувя въ комнатѣ незримаго гостя, потому что свѣтъ мѣсяца, какъ день, озарялъ ее, въ ней не было видно никого изъ постороннихъ, а между тѣмъ Непта продолжала ворчать оскаливая зубы.

— Да будетъ похваленъ Иисусъ Христосъ! сказала громко Радзивиль, высунувъ боязливо голову изъ-подъ одѣяла.

— И во вѣки вѣковъ! добавилъ ксендзь.

— А ты не спишь еще, отецъ Идзій? спросилъ князь.

— Стало было засыпать, и мнѣ начало сниться....

— А слышалъ-ли, какъ ворчитъ Непта? вѣрно ко мнѣ пришелъ Володековичъ.

— Да будетъ похваленъ Иисусъ Христосъ, сказалъ ксендзь, перекрестившись; князь сдѣлалъ тоже. Между тѣмъ Непта, устремивъ глаза на свѣтлую полосу, которую на полу образовалъ свѣтъ мѣсяца, все еще сердито ворчала.

— А что, спросилъ Радзивиль, правда-ли, отецъ Идзій, что души умершихъ приходятъ на этотъ свѣтъ изъ чистилища для того, чтобы просить родныхъ и друзей молиться за нихъ.

— Такъ такъ, ясный князь, отвѣчалъ отецъ Идзіи, приходятъ, конечно, приходятъ.

— Такъ видно и ко мнѣ пришелъ теперь Володковичъ, сказалъ Радзивиль: онъ все стоитъ у меня передъ глазами. Ты лучше всѣхъ долженъ знать, отецъ Идзіи, какъ я любилъ его, и чего я только не дѣлалъ для успокоенія души его. Въ Пизѣ, во время страшной чумы я собственными руками хоронилъ умершихъ отъ этой болѣзни, давши обѣтъ исполнять это за упокой души Володковича; пощусь, какъ тебѣ, отецъ Идзіи извѣстно—и какъ еще пощусь: каждую годовщину смерти Володковича ничего не ѣмъ; какіе богатые влады давалъ я монастырямъ, сколько отслужилъ обѣдней и поминовеній, но видно душа его все еще не успокоилась.

— Да, ясный князь, воля Божія для насъ тайна непроницаемая. При этомъ и князь, и есендзъ набожно перекрестились.

Помолчавъ немного, князь сказалъ: — А что, отецъ Идзіи, ты не спишь еще?

— Сталъ было засыпать; а что угодно вашей княжеской милости?

— Сотвори прежде молитву за упокой души Володковича, а потомъ я скажу новость.

Ксендзъ исполнилъ желаніе князя.

— Я хотѣлъ сказать тебѣ, что отецъ Матій получитъ завтра 50 дисциплинъ за упокой души Володковича; вѣдь онъ проигралъ закладъ, венгерское было не сорока, а только тридцатипятилѣтнее.

— Ничего, отвѣчалъ позѣвывая есендзъ, онъ человѣкъ здоровый, — и повернувшись на другой бокъ громко захрапѣлъ.

Для объясненія новости, сообщенной Радзивиломъ своему духовнику, нужно замѣтить слѣдующее: Въ католическихъ монастыряхъ есть родъ покаянія, или, вѣрнѣе сказать, вообще богоугоднаго дѣла, состоящій въ томъ, что смиренный рабъ Божій стегаеть себя самъ, или, по его просьбѣ, его стегаютъ другіе ременной плеткой, называемою дисциплиной. Радзивиль, который, какъ мы видѣли, всего болѣе заботился объ упокоеніи души своего прежняго друга и сподвижника пана Володковича, придумалъ съ этою цѣлью особое средство. Онъ держалъ съ есендзами, а особенно съ бернардинами, о чемъ нибудь закладъ съ тѣмъ условіемъ, что если проиграетъ онъ, то онъ платитъ, смотря по уговору, десять, тридцать, пятьдесятъ и болѣе дукатовъ; а если проиграетъ противникъ, то онъ долженъ получить, тоже смотря по уговору, известное число дисциплинъ за упокой души Володковича. Много такимъ образомъ было выдано дукатовъ, но за то и много спинъ было изхлестано порядкомъ. Въ тотъ день, въ которому относится нашъ разговоръ, князю пощастливилось выиграть закладъ, и потому онъ, чрезмѣрно боявшійся и чертей, и домовыхъ, а въ особенности Володковича, былъ нѣсколько покойнѣе обыкновеннаго, зная, что завтра утромъ жирная спина бернардина будетъ искупать земные грѣхи Володковича. Подъ вліяніемъ этой успокоительной мысли, князь поцѣловалъ висѣвшій у него на груди образъ Богоматери, наслѣдственно дошедшій къ нему чрезъ длинный рядъ радзивилдовскихъ поколѣній, перекрестился, вдохнулъ и, по примѣру отца Идзія, перевернувшись на другой бокъ лицомъ къ стѣнѣ, скоро захрапѣлъ.

Непта тоже успокоилась и только изрѣдка ворчала сквозъ сонъ.

Но кто же был Володевичъ, такъ пугавшій Радзивила своимъ приходомъ съ того свѣта? Объ немъ мы расскажем, такъ какъ онъ былъ однимъ изъ характеристическихъ представителей своего буйнаго времени, но прежде нужно рассказать объ албанской бандѣ, къ которой принадлежалъ Володевичъ, будучи однимъ изъ самыхъ дѣятельныхъ и смѣлыхъ ея членовъ.

Князь Кароль Радзивилъ основалъ албанскую банду, или союзъ албанчиковъ, изъ людей ему преданныхъ, въ имѣннн своемъ близъ Несвижа, называемомъ Алба, въ то время когда онъ еще былъ мечникомъ литовскимъ. Чтобъ попасть въ это общество нужно было быть порядочнымъ, осѣдлымъ шляхтичемъ, удалымъ рубакой, лихимъ наѣздникомъ на самой бѣшеной лошади, хорошимъ охотникомъ и вообще бодрымъ и отважнымъ; нужно было, какъ говорятъ поляки, умѣть держать черта за рога. Князь не могъ дать никому патента на званіе албанца безъ согласія, по крайней мѣрѣ, двухъ третей всего общества. Обязанность членовъ была: на всякій призывъ князя являться къ нему на конѣ въ полномъ вооруженіи и, не смотря на опасность, подставлять лобъ за честь впазя-воеводы, за свою собственную и каждого изъ членовъ. Въ уставѣ банды между прочимъ было сказано, что два албанчика, поссорившись между собой, не должны были тягаться судебнымъ порядкомъ, но должны были обратиться къ посредничеству одного изъ своихъ товарищей, который, смотря по существу дѣла и по сопровождавшимъ его обстоятельствамъ, могъ назначить соперникамъ поединокъ на сабляхъ, или кончить между ними дѣло миролюбивымъ соглашеніемъ. Вельможи вѣняли себѣ за честь быть членами албанской банды. Патенты на званіе

членовъ подписывались княземъ, канцлеромъ банды былъ упоминаемый нами панъ Володековичъ, а уставъ этого полурьцарскаго и полуразгульнаго общества написалъ панъ Пицалло, бывшій наставникъ князя и, какъ увидать читатели, одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ педагоговъ и древнихъ, и среднихъ, и новѣйшихъ временъ.

Какъ-то однажды, послѣ жаркаго июльскаго дня, панъ Пицалло, чиншовой шляхтичъ, вышелъ на крыльцо своего небольшого домика; солнце уходило на ночной отдыхъ и яркими багровыми лучами обливало верхушки литовскихъ сосенъ. Передъ домикомъ пана Пицалло вилась изгибами и терялась въ опушкѣ лѣса проселочная дорога, ведшая на Несвижъ; часто съ томительнымъ ожиданіемъ посматривалъ на эту дорогу бѣдный шляхтичъ, ожидая то княжескаго гонца, то своего фактора изъ Несвижа. Но въ настоящее время панъ Пицалло смотрѣлъ на дорогу какъ-то безсознательно, любуясь только тою картиною, которую такъ привлекательно рисовала для него сама природа.

Вдругъ на концѣ дороги показался несшійся во весь опоръ всадникъ; зоркій глазъ Пицалло тотчасъ увидалъ, что это не былъ одинъ изъ тѣхъ наѣздниковъ, которыми въ то время славилась Польша, и которые были настоящими центаврами, т. е. людьми, приросшими къ лошадямъ. Напротивъ, всадникъ, который явился предъ паномъ Пицалло, казалось, каждую минуту готовъ былъ свалиться съ лошади; онъ не только подпрыгивалъ на ней, но длинныя ноги, перетягиваемыя тяжестію туловища, теряли равновѣсіе и поднимались по временамъ до самыхъ ушей лошади. Въ этомъ наѣздникѣ панъ Пицалло узналъ несвижскаго фактора, Ицку. Отломивъ огромный суекъ, сынъ Израиля нещадно во-

лотилъ по бокамъ тощее животное, на хребтѣ котораго онъ сидѣлъ безъ сѣдла и безъ стремянъ; разныя понуканія скакавшему коню онъ перемѣшивалъ съ восклицаніями: ню, ню, ай, ай, ихъ вель диръ гебень, т. е. я тебѣ дамъ, и безъ милосердія валялъ хворостиной своего буцефала.

Ицко подѣхавъ, противъ обыкновенія, почти къ самому крыльцу папскаго дома, соскочилъ съ коня, который, пользуясь освобожденіемъ отъ ноши, сталъ тяжело вздыхать; а Ицко, приподнимая свою шировополоую шляпу, подогнувъ колѣни, съежась и кланаясь на каждомъ шагу, подошелъ къ пану Пицалло.

На вопросы Пицалло Ицко прежде всего отвѣчалъ обыкновенными возгласами евреевъ: уй! ой! причмокивалъ языкомъ, что служить у нихъ выраженіемъ сильныхъ ощущеній, потомъ обнаруживалъ удивленіе, какимъ образомъ панъ Пицалло не знаетъ еще о чемъ толкуютъ не только „жиди“, но и всѣ большіе паны въ Несвижѣ, Слуцкѣ, Минскѣ, Варшавѣ и Краковѣ, и наконецъ заговорился до того, что началъ увѣрять пана Пицалло, будто самъ великій князь литовскій, наяснѣйшій панъ круль, егомосьцъ, только о томъ и толкуеть цѣлый день съ бискупами, сенаторами воеводами, тетманами.

Выведенный изъ терпѣнія болтовней Ицки, панъ Пицалло рѣшительно потребовалъ, чтобы онъ объяснилъ въ чемъ дѣло, и тогда Ицко, сложивъ на правой рукѣ большой палецъ съ указательнымъ въ видѣ кружка, сталъ мѣрно помахивать ими и сказалъ торжественно - таинственнымъ голосомъ, что княгиня Радзивиль хочетъ непременно научить своего сына князя Кароля читать и писать, и въ

заключеніе вскрикнулъ: ой! аклоцень, кто бендзе у него рабитомъ? ой! т. е. кто же будетъ у него учителемъ.

Конечно, присваніе учителя не могло быть, особенно въ то время, важнымъ событіемъ въ Литвѣ; но въ настоящемъ случаѣ важно было слѣдующее обстоятельство: княгиня Радзивиль объявила, что она подаритъ два самыхъ лучшихъ изъ всѣхъ своихъ фольварковъ тому, кто научитъ сына ея Кароля читать и писать безъ принужденія, по собственной его охотѣ. Такимъ образомъ къ педагогическому ремеслу примѣшалось феодальное право, и, конечно, получить два радзивилловскихъ фольварка было дѣло не шуточное. Только что объ этомъ провѣдали жиды въ Несвижѣ, какъ каждый изъ нихъ поскакалъ къ своему пану съ объявленіемъ объ этомъ. Что нужды, если самъ панъ едва умѣетъ читать и писать, разсуждали они; на то онъ и панъ, чтобы выдумать, какъ поступать въ трудномъ дѣлѣ. Съ этою вѣстію поспѣшили и Ицко къ пану Пицалло, который самъ былъ вовсе не грамотѣй, но готовъ былъ взяться за что угодно; учить-ли въ Сморгоняхъ медвѣдя ходить на заднихъ лапахъ, или просвѣщать князя Радзивила.

Получивъ такую вѣсть отъ Ицки и давши ему за труды злотъ, панъ Пицалло на другой день, подъ предлогомъ, что хотѣлъ засвидѣтельствовать свое почтеніе княгинѣ, отправился въ Несвижъ, желая на самомъ дѣлѣ узнать изподтишка тѣ условія, которыя княгиня предлагаетъ воспитателю своего сына. Тамъ онъ узналъ, что уже маленькаго князя пытались учить всендзы, но дѣло кончилась тѣмъ, что они, выведенные изъ терпѣнія его неохотою учиться, принимались хлестать его огурцами, т. е. деревянными

головками висточекъ, которыя находятся на концахъ толстыхъ шнуровъ, служащихъ вмѣсто поясовъ для католическихъ монаховъ нѣкоторыхъ орденовъ. Панъ Пицалло узналъ также, что одинъ запальчивый ксендзъ отхлесталъ бѣднаго Кароля чуть не до полусмерти; что вслѣдствіе этого княгиня, дѣйствительно, ищетъ наставника, который бы научилъ ея сына читать и писать, безъ помощи розогъ, дисциплины и огурцовъ.

Панъ Пицалло думалъ не долго и рѣшился предложить себя въ наставники молодому князю. Дѣло было слажено. Едва ли всѣ методы преподаванія представляютъ что нибудь похожее на ту, которой придержался шляхтичъ, неожиданно попавшій въ педагоги, изъ желанія владѣть двумя фольварками.

Въ день, назначенный для перваго урока, панъ Пицалло не взялъ ни букваря, ни понудительныхъ инструментовъ, бывшихъ въ то время въ большомъ ходу, а велѣлъ притащить въ садъ, гдѣ хотѣлъ давать уроки, большую бѣлую деревянную доску и кусокъ угля, а самъ между тѣмъ зарядилъ шесть пистолетовъ.

— Ну, князь, сказалъ Пицалло Радзивилу, примемся съ помощію Божію за ученіе, и отмѣривъ сорокъ шаговъ отъ скамейки, на которую онъ положилъ пистолеты, поставилъ въ этомъ разстояніи доску и потомъ на ней написалъ углемъ букву А.

— То А! громко крикнулъ Пицалло, указывая князю своею саблею, замѣнившюю указку; помни же, что это А; паль-го, т. е. стрѣляй въ него, вдругъ вскрикнулъ Пицалло, показавъ Радзивилу глазами на лежавшіе передъ нимъ пистолеты. Князь схватилъ одинъ изъ нихъ, быстро отки-

нулъ назадъ рукава своего кунтуша, раздался выстрѣлъ и А было подстрѣлено въ самую перекладину.

Такимъ образомъ почтенный педагогъ перешелъ къ буквѣ В, тамъ къ С, потомъ къ D и такъ далѣе. Послѣ этого онъ сталъ учить князя складывать по слѣдующему способу: написавъ цѣлый алфавитъ, онъ приказывалъ своему ученику стрѣлять въ одну букву, потомъ въ другую, и такимъ образомъ выходили склады, а потомъ и слова.

Маленькій Радзивиль сдѣлалъ непомѣрные успѣхи, а Пиццалло получилъ обѣщанное вознагражденіе, и кромѣ того въ Литвѣ заговорили, что многіе государи убѣдительно просятъ пана Пиццалло въ наставники къ своимъ дѣтямъ. Какъ бы то ни было, но панъ Пиццалло имѣлъ въ глазахъ князя Кароля значеніе чловека необыкновенно-ученаго, и потому, учреждая албанскую банду, онъ поручилъ Пиццалло написать ея уставъ.

Число албанчиковъ было огромное: они составляли главную опору могущества князя Радзивила. Въ Слонимскомъ уѣздѣ число албанчиковъ доходило до того, что если, какъ говорили современники, замахнешься палкою на собаку, то непременно ударишь албанчича. Хотя главнымъ образомъ большинство албанчиковъ состояло изъ убогой шляхты, было привязано къ Радзивилу за его щедрость, потому что они ѣли его хлѣбъ, и хлѣбъ веусный, а онъ, какъ сильный магнатъ, помогалъ членамъ основаннаго имъ общества всѣмъ— и деньгами, и силою, однако къ чести албанчиковъ надобно сказать, что они не измѣнили своему покровителю и въ то время, когда его постигло несчастіе, когда онъ, по приговору короля и сейма, былъ наказанъ банниціей, то-есть изгнаніемъ изъ предѣловъ отечества, и когда несмѣтныя его богатства

были конфискованы. Конфискованное имѣніе слѣдовало по закону отдавать въ аренду, и албанчики условились между собою взять на себя всѣ конфискованныя имѣнія князя Кароля. Только-что провѣдала объ этомъ шляхта, какъ никто не рѣшился брать въ аренду имѣнія изгнанника, боясь мщенія его приверженцевъ — албанчиковъ, поэтому они сами и разобрали радзивилловскія волости за самую ничтожную плату въ пользу казны и постановили между собою посылать къ князю за границу половину всѣхъ доходовъ; такимъ образомъ миліоны переходили ежегодно чрезъ варшавскихъ банкировъ въ Римъ, Венецію, Стамбуль, всюду, куда ни являлся изгнанникъ, по видимому лишенный насущнаго хлѣба, а мѣжду тѣмъ жившій съ такою роскошью, которая, какъ чудо, поражала современниковъ, и которая потомъ уже казалась баснословною. Это обстоятельство породило, между прочимъ, выдумку о какомъ-то неразрѣнномъ радзивилловскомъ дуэатѣ, величиною съ жерновой камень.

Каждый членъ албанской банды подписывался „радзивилловскій пріятель“ и назывался другомъ дома, „домовникомъ“. Въ разговорѣ съ албанчикомъ князь называлъ его „пане-коханку“, т. е, почти то же, что: мой любезный, а такъ какъ онъ постоянно говорилъ съ албанчиками, то онъ до того привыкъ къ этимъ словамъ, что они сдѣлались его постоянною поговоркою, и онъ встаети и не встаети повторялъ ихъ въ разговорѣ съ кѣмъ бы то нибыло, даже съ самимъ королемъ, и это было причиною, что онъ во всей Польшѣ былъ извѣстенъ подъ именемъ: „пане-коханку!“ Хотя между албанчиками съ ихъ главою ясно проглядывали отношенія покровительствуемыхъ къ своему покровителю, тѣмъ не менѣе однако князь Радзивиль переносилъ ихъ дерзости

не съ запальчивостію магната, но съ снисходительностію добраго человѣка. Такъ однажды онъ вѣрно поссорился съ однимъ изъ албанчиковъ паномъ Игнатіемъ Боровскимъ; долго продолжалась эта ссора, наконецъ пріятели уговорили Боровскаго отправиться въ Радзивилу на мировую. Богато-разодѣтый Боровскій явился къ князю въ день его ангела, когда князь былъ окруженъ огромною толпою гостей.

— Ну что слышно новаго? спросилъ Радзивиль Боровскаго, стараясь заговорить съ нимъ.

— Что слышно новаго? повторилъ Боровскій. Слышно, что въ Литвѣ явилось два дурака.

— Кто-жь они? спросилъ Радзивиль.

— Кто они? повторилъ опять Боровскій, одинъ — князь Радзивиль, а другой — шляхтичъ Боровскій.

— Отчего-жь это?

— Оттого, что оба поссорились другъ съ другомъ, сами не зная за что.

Радзивиль, вмѣсто того, чтобы разсердиться, дружески поцѣловалъ шляхтича, сказавъ ему отъ сердца: — Ну пане-коханеу, перестанемъ же быть дураками, помиримся.

И пріязнь между магнатомъ и шляхтичемъ скрѣпилась еще болѣе.

Для членовъ банды былъ особый мундиръ, онъ состоялъ въ слѣдующемъ, весьма-красивомъ одѣяніи: при желтыхъ сафьянныхъ сапогахъ были надѣваемы красныя шаровары, вѣрно стянутыя пониже тали, на желудкѣ, шелковымъ шнуркомъ съ висточками, жупанъ или нижнее платье изъ голубаго атласа, застегнутый на шеѣ и на груди четырьмя шелковыми пуговицами того же цвѣта, а среди ихъ запонки изъ голубой эмали съ бриллантовыми буквами X. K. R. какъ

начальными литерами титула, имени и фамилии Радзивила; на шеѣ, изъ-за жупана выпускался палецъ на два бѣлыхъ воротничка рубашки. Сверхъ жупана надѣвался кунтушъ соломеннаго цвѣта изъ плотной шерстяной матеріи, въ родѣ сукна, называемой сайета, съ синимъ воротникомъ, подбитый шелковою матеріею такого же цвѣта, какъ былъ цвѣтъ жупана. Литой серебряный поясъ перехватывалъ кунтушъ; на этомъ поясѣ были разсѣяны незабудки и астры; пояса эти выдѣлывались въ Слуцкѣ для однихъ албанчиковъ; съ боку привѣшивалась большая кривая сабля; на рукоятку ея, украшенную иногда дорогими камнями, клали голубую бархатную шапку съ околышемъ изъ крымской мерлушки. Рукава кунтуша забрасывали назадъ и зашпиливали на крючекъ.

Въ этомъ мундирѣ нужно было ходить въ Несвижѣ, а если кто нибудь надѣвалъ его, не имѣя на то права, то съ того албанчики снимали его силою. Радзивиль самъ носилъ такой же мундиръ, только на запонкѣ былъ у него не его вензель, а буквы *F. A. F.*, что значило: *fiduciâ amicorum fortis*, т. е., силенъ вѣрностію друзей.

Одѣтые такимъ образомъ албанчики, большею частію, были молодецъ къ молодцу, это съ черными, это съ свѣтлорусыми, это съ сѣдыми усами. Особенно живописна была та минута, когда они, стоя плотною толпою въ несвижскомъ костелѣ, вдругъ, во время чтенія молитвы Богородицѣ, по старо-польскому обычаю, всѣ надѣвали на головы шапки, и обнаживъ сабли, махали ими, выражая этимъ, что они готовы идти ратовать во имя Пресвятой Дѣвы.

Среди этихъ молодцовъ особенно отличался панъ Володковичъ, и тотъ кто видалъ его портретъ не пожелалъ бы встрѣтиться съ подлинникомъ не только ночью, но и днемъ—такой

ражій изъ себя и такой съ виду привѣтливый былъ этотъ дѣтина!

Въ молодости Радзивиль любилъ тоже пошаливать, какъ и вся польская молодежь того времени, а поэтому и албанская банда была сборище не безгрѣшное. Въ Польшѣ, по смерти короля начиналось еще болѣе неурядицы, чѣмъ бывало даже при самомъ слабомъ королѣ; страсти начинали кипѣть; до собранія большого сейма бывали маленькіе мѣстные сеймы, слѣдовательно были многочисленные сѣзды шляхты, а сѣзды эти, само собою разумѣется, не обходились безъ попойекъ и разгула. Въ такомъ состояніи была Литва и Польша по смерти послѣдняго короля изъ саксонскаго дома Августа III и предъ воцареніемъ Понятовскаго. Трибуналы, въ небытность короля, бездѣйствовали, ихъ временно замѣняли такъ называемые каптуровые суды. И вотъ однажды возный новогрудскаго каптуроваго суда повѣстилъ албанчикамъ, чтобы всѣ они явились въ этотъ судъ для объясненій по жалобамъ, принесеннымъ на нихъ въ судъ, касательно безчинствъ и гвалтовъ въ шляхетскихъ домахъ. Когда повѣстка объ этомъ дошла до Володковича, онъ тотчасъ далъ подписку въ томъ, что явится въ судъ съ своимъ адвокатомъ. При этомъ, чтобы познакомить вознаго съ своимъ адвокатомъ, онъ показалъ ему его — это была ременная нагайка. У Володковича ихъ было три: ременная на судью Хрептовича, другая на Понятовскаго, о которомъ уже громко говорили, что онъ будетъ королемъ, тоже была ременная, но обитая шелкомъ, и третья на виленскаго епископа князя Мосальскаго, тоже ременная, но обитая золотой нитью. Возный пожалъ плечами и уѣхалъ, исполнивъ свою обязанность.

Но выполнилъ также и Володковичъ свою подписку: онъ собралъ немедленно шесть самыхъ лихихъ рубакъ изъ албанчиковъ и отправился на судъ въ Новогрудоеъ. Только что издали завидѣлъ судья своего подсудимаго, какъ убѣжалъ задними дверями въ монастырь. Володковичъ вошелъ въ судъ и спросилъ гдѣ судья?

— Онъ вышелъ, отвѣчалъ регентъ.

— Нечего сказать, хорошъ судья, замѣтилъ Володковичъ, зоветь подсудимыхъ, а самъ уходитъ. Впрочемъ, добавилъ онъ, въ небытность судьи мѣсто его заступитъ регентъ.

Спутники Володковича поняли смыслъ этого замѣчанія, и чрезъ нѣсколько минутъ несчастный регентъ лежалъ растянутый на присутственномъ столѣ, крѣпко придерживаемый шестерней дюжихъ парней, а самъ Володковичъ съ широкаго своего плеча отсчитывалъ сотню нагаекъ исправляющему должность судьи. Отсчитавъ сполна регенту то что было назначено его начальнику, Володковичъ забралъ изъ суда всѣ производившіяся въ немъ дѣла и уѣхалъ изъ Новогрудка, какъ ни въ чемъ не бывало.

Но когда воцарился Понятовскій, въ Новогрудѣ собрался трибуналъ; къ этому же времени, какъ будто для свиданія съ княземъ Каролемъ Радзивиломъ пріѣхалъ туда же виленскій епископъ князь Мосальскій. Въ это же время стоялъ въ Новогрудѣ королевскій полкъ, которымъ командовалъ братъ епископа. Положено было расправиться съ Володковичемъ.

Одинъ изъ маіоровъ полка, переодѣвшись евреемъ, отправился въ Несвижъ къ Радзивилу — увѣрить князя, что полкъ Мосальскаго готовъ пристать къ конфедераціи, и просилъ только, чтобы Радзивиль отпустилъ съ нимъ Волод-

ковича, какъ самаго дѣятельнаго ея члена, къ которому королевскіе солдаты окажутъ всего болѣе расположенія. Володковичъ согласился и предъ самымъ разсвѣтомъ прѣѣхалъ въ Новогрудокъ, прямо на квартиру маіора. Едва успѣлъ Володковичъ осмотрѣться вокругъ, какъ цѣлый полкъ Мосальскаго окружилъ домъ, въ которомъ остановился Володковичъ. Онъ увидѣлъ западню, ему приготовленную, но уже было поздно. Однако онъ успѣлъ выбить дверь и кинулся въ садъ, думая пробраться въ поле между деревьями; но всѣ дороги были пресѣчены, куда ни кидался онъ, всюду встрѣчалъ рядъ штыковъ; солдаты не стрѣляли въ него, имъ было приказано взять его живымъ, и 100 червонцевъ было обѣщано тому, кто исполнитъ это. Не смотря на неравный бой, Володковичъ, одаренный необыкновенной силой, успѣлъ пробиться черезъ нѣсколько рядовъ; смѣльчаки подступили было къ нему, стараясь схватить его, но онъ или убивалъ ихъ, или наносилъ имъ тяжелыя раны. Противникамъ Володковича хотѣлось взять его живымъ, чтобы придать этому дѣлу не видъ насилія, но законнаго суда.

Наконецъ силы Володковича истощились; онъ спустился въ яму, бывшую въ саду, и оттуда продолжалъ обороняться чѣмъ ни попало. Любопытные евреи, которымъ, надо сказать правду, крѣпко доставалось отъ Володковича, толпами бѣжали смотрѣть на его схватку съ цѣлымъ полкомъ. Уй! ой! вай! и прочее слышались во всемъ Новогрудкѣ; но никто не догадывался, какъ овладѣть Володковичемъ безъ новыхъ потерь въ людяхъ. Тогда одинъ изъ евреевъ подалъ слѣдующій совѣтъ: бросать въ яму, въ которой укрывся Володковичъ, разный хламъ; всѣ жиды отъ малаго до великаго кинулись за работу: кто тащилъ ломаный стулъ, кто столъ,

это доску, это полѣно, это ведро, это лохань, это перину, и все это летѣло въ яму, гдѣ отбивался Володковичъ. Тѣсно въ ней стало молодцу, и онъ сдался.

Тогда его взяли, связали, отнесли въ судъ и тамъ прочитали ему декретъ, обвиняя его во множествѣ преступленій. Менѣе чѣмъ черезъ часъ Володковичъ былъ уже разстрѣлянъ, вслѣдствіе приговора суда. Спустя шесть часовъ, Радзивиль, узнавшій о бѣдственномъ положеніи своего друга, пришелъ къ нему на выручку, но уже было поздно, и онъ въ отмщеніе за смерть Володковича разбилъ на голову полкъ князя Мосальскаго.

Со смертію Володковича значительно ослабѣла разгульная дѣятельность албанской банды.

XVIII.

ПАНЪ ПАДА И ФРИДРИХЪ ВЕЛИКІЙ *)

Въ 1772 году совершился первый раздѣлъ Польши, и вотъ началось межеваніе между новыми владѣльцами и Рѣчью-Посполитой. Проще всѣхъ распоряжался въ этомъ случаѣ король прусскій Фридрихъ Великій. Въ ту часть Польши, которая при первомъ ея дѣлежѣ досталась Пруссіи, было послано въ каждый уѣздъ по два комисара; комисары пріѣзжали къ приходскому ксендзу и заговаривали съ нимъ по нѣмецки, но какъ, въ большей части случаевъ,

*) Анекдотъ о соперничествѣ польскаго пана съ знаменитымъ прусскимъ королемъ служилъ не разъ сюжетомъ и для серьезныхъ и для комическихъ разсказовъ въ польской литературѣ. Основой же для настоящаго очерка послужилъ разсказъ, напечатанный въ издавшейся три года тому назадъ въ Петербургѣ польской газетѣ „*Slowo*.“ Съ своей стороны мы измѣнили этотъ разсказъ во многихъ частностяхъ, стараясь принаровить его главнымъ образомъ къ общей цѣли нашихъ очерковъ, а именно къ ознакомленію читателей съ особенностями стариннаго быта Польши. *Асм.*

ксендзы не понимали по нѣмецки, то между ними и представителями новой власти начинался разговоръ на ломаномъ полу-польскомъ и полу-нѣмецкомъ языкѣ. Въ заключеніе разговора, ксендзъ и собиравшіеся около него прихожане догадывались, о чемъ идетъ дѣло; они подъ конецъ узнавали, что мѣстность, посѣщенная пруссаками, принадлежитъ уже не свѣтлѣйшей республикѣ, но его величеству, королю прусскому, которому она досталась при раздѣлѣ Рѣчи-Посполитой, подъ именемъ южной Пруссіи.

Послѣ такого объясненія, комисары вынимали изъ кармановъ нѣсколько листовъ печатныхъ бумагъ, которые они называли королевскими патентами. Четыре экземпляра такихъ патентовъ вручались мѣстному владѣльцу, четыре ксендзу для прочтенія съ амвона въ первое воскресенье или въ первый праздничный день и для прибитія къ дверямъ костела, и наконецъ еще четыре экземпляра слуга, состоявшій при комисарѣ, относилъ въ ближайшую корчму, для сообщенія во всеобщее свѣденіе.

За распоряжавшимися такимъ образомъ королевско-прусскими комисарами, являлись прусскіе солдаты; они ставили на указанномъ комисарами мѣстѣ столбы, съ прусскими черными орлами, и въ заключеніе всего оставлялось у ксендза столько экземпляровъ объявленій на нѣмецкомъ языкѣ, сколько считалось въ окологдѣ шляхетскихъ домовъ.

Излишнимъ кажется говорить, что патенты и объявленія извѣщали о присоединеніи къ королевству прусскому тѣхъ мѣстностей, въ которыхъ ставились солдатами столбы съ королевскими орлами. Разставляя столбы нѣмцы упорно торговались съ поляками, отстаивая въ свою пользу важ-

дый клочекъ земли. При этомъ, для избѣжанія недоразумѣній на будущее время, они старались проводить границу вдоль рѣкъ, ручьевъ, болотъ и вообще по такимъ мѣстамъ, гдѣ сама природа уже провела свою собственную границу. Пруссаки крѣпко держались такого способа размежеванія; но весьма часто случалось, что земли, принадлежавшія одной и той же деревнѣ, были расположены по обонмъ берегамъ пограничныхъ рѣчекъ и ручьевъ, и такъ какъ оказывалось невозможнымъ дѣлить деревню, то возникало множество столкновеній и споровъ. Въ виду этихъ обстоятельствъ, въ Берлинѣ, послѣ разныхъ толковъ и недоразумѣній, постановили наконецъ правиломъ, что положеніе помѣщичьей усадьбы должно рѣшать вопросъ, къ какому государству принадлежитъ все помѣстье.

Идя съ патентами и столбами вдоль новой прусско-польской границы, королевскіе комисары и сопровождавшіе ихъ солдаты приближались къ обширному имѣнію, расположенному на одномъ изъ пограничныхъ ручьевъ. Въ этомъ имѣніи крестьянскія хаты живописно были раскинуты подъ тѣнью развѣсистыхъ липъ, дубовъ и кленовъ, за ними не въ дальнемъ разстояніи виднѣлся большой замокъ причудливой архитектуры. Это имѣніе и этотъ замокъ принадлежали пану Яну Ладѣ, потомуу древняго шляхетскаго рода.

Пану Ладѣ въ ту пору, когда собирались навѣстить его прусскіе комисары, было уже лѣтъ за пятьдесятъ, и не смотря на рану, которую ему пришлось получить въ бою, сражаясь въ рядахъ конфедератовъ, онъ крѣпко стоялъ на ногахъ, и не прочь былъ опять отправиться въ походъ противъ своихъ недруговъ. Панъ Лада былъ широкоплечій

мужчина высокаго роста, и отличался такой величавой и молодецкой осанкой, которой могъ бы позавидовать каждый сенаторъ и каштелянъ. Панъ Лада происходилъ изъ обѣднѣвшей шляхты, но ему посчастливилось жениться на внучкѣ воеводы Сѣрадзкаго; за женой онъ получилъ много богатыхъ помѣстьевъ, а въ числѣ ихъ и то, къ которому приближались теперь нежданные и непрошенные гости. Не смотря на богатство и отвагу, панъ Лада былъ человекъ весьма добрый, обходительный, и потому во всемъ околodeбѣ пользовался любовью и преданностию шляхты.

Не безъ сильнаго волненія узналъ панъ Лада о приближеніи пруссаковъ, и волненіе его обратилось въ ужасъ, когда ему сообщили правила, которыми руководствуются при размежеваніи комисары. Старый замокъ пана Лады стоялъ на прусской сторонѣ ручья, и слѣдовательно по силѣ правилъ, принятыхъ въ Берлинѣ, владѣлецъ этого замка долженъ былъ перейти къ пруссакамъ. Этой ужасной мысли никакъ не могъ перенести панъ Лада.

Извѣстно, что въ виду близкой опасности люди бываютъ находчивѣе, нежели въ ту пору, когда ихъ ничто не пугаетъ порядкомъ; такъ было и съ паномъ Ладой. Не ожидай онъ къ себѣ въ скоромъ времени прусскихъ комисаровъ, онъ бы не догадался, какимъ способомъ можно отдѣлаться отъ подданства Пруссіи, но теперь, въ виду неминуемой опасности, вдругъ озарила его голову свѣтлая мысль.

Панъ Лада поспѣшно собралъ всѣхъ своихъ крестьянъ, далъ имъ заступы и лопаты, и послѣ трудной, но непродолжительной работы, успѣлъ отвести русло ручья за свой садъ. Быстрый токъ, бросившійся стремглавъ по покати-

стому мѣсту въ новое узкое ложе, рвалъ и уносилъ землю, и къ прибытію комисаровъ, граница, за которую съ такимъ удовольствіемъ хватались нѣмцы, была уже на новомъ мѣстѣ. Шумно бѣжалъ теперь ручей не передъ садомъ, но за садомъ. Находчивый шляхтичъ вздохнулъ свободно, и спокойно ожидалъ королевскихъ комисаровъ. Явились они въ помѣстье пана Лады, походили кругомъ да около, нотолковали между собою, и затѣмъ, къ общему удовольствію, вскорѣ удалились, поставивъ граничныя столбы далеко за лѣсомъ, который принадлежалъ пану Ладѣ и тянулся сплошной, широкой полосой по его владѣніямъ.

Успѣшная сдѣлка пана Лады съ обманутыми комисарами была отпразднована въ его замѣѣ достойнымъ образомъ. Множество гостей, послѣ трехдневныхъ пировъ, уѣхали отъ пана, жалуясь на тяжесть въ головѣ, и не совсемъ отчетливо припоминая все что имъ привелось видѣть и слышать въ домѣ радушнаго хозяина.

Оправившись отъ лихой выпивки съ пріятелями и сосѣдями, панъ Лада вдругъ началъ сильно хмуриться. Въ головѣ его, вмѣсто пріятнаго чада отъ товайскаго, стали бродить самыя тяжелыя думы.

— Я радуюсь, но чему? — спрашивалъ самъ себя панъ Лада: — развѣ тому только, что я спасся отъ нѣмцевъ?.. Но неужели же мнѣ не позоръ принадлежать къ такой безсильной, разслабленной республикѣ? Нѣтъ! Польша не стоитъ меня: она не сзумѣла удержать за собою такого гражданина, и чуть было не выдала меня нѣмцамъ... Развѣ я заслужилъ подобное пренебреженіе отъ своей родины?.. Я докажу, что я человѣкъ не дюжинный.. Я знаю что сдѣлаю...

Проговоривъ эти слова самымъ рѣшительнымъ голосомъ, панъ Лада пріосанился и гордо посмотрѣлъ вокругъ себя, но въ комнатѣ на этотъ разъ не было никого.

Черезъ нѣсколько дней разнесся въ замѣѣ слухъ, что скоро пріѣдутъ польскіе комисары для постановки пограничныхъ столбовъ со стороны Рѣчи-Посполитой. Снова склинулъ панъ Лада всѣхъ своихъ крестьянъ, снова роздалъ имъ заступы и лопаты, и спустя нѣсколько времени, ручей бѣжалъ по прежнему руслу. Грустно посмотрѣли польскіе комисары на великолѣпное имѣніе, отошедшее въ Пруссіи, и поставили столбы далеко за лугомъ, за орѣшникомъ и песчанымъ холмомъ.

Производя постановку столбовъ съ бѣлыми польскими орлами, комисары пытались было навѣстить пана Ладу, но вмѣсто гостепріимнаго приглашенія получили отъ него слѣдующій отвѣтъ:

„Я пересталъ быть поданнымъ Рѣчи-Посполитой и не принимаю гражданъ ея въ моемъ домѣ.“

Съ грустью прочли этотъ обидный отвѣтъ прежніе соотечественники пана Лады; они въ раздумѣ покачали головами, пожали плечами, и принимая подобный отвѣтъ, какъ выраженіе скорби, перенесли обиду и постановили между собою избѣгать на будущее время всякихъ сношеній съ паномъ Ладой.

Послѣ этого происшествія панъ Лада видимо измѣнился. Изъ человѣка, прежде веселаго и общительнаго, онъ сдѣлался суровъ и молчаливъ. Большую часть дня онъ сидѣлъ безвыходно у себя въ комнатѣ, а если проходилъ

иногда черезъ залы, то шелъ мѣрными, медленными шагами, не обращая вниманія ни на прислугу, ни на шляхтичей, жившихъ въ его замкѣ.

Всѣ начали перешептываться между собою, недоумѣвая о причинѣ такой быстрой переменѣ. Даже супруга ясновельможнаго пана не могла объяснить себѣ нѣкоторыхъ странностей своего сожителя, который сталъ смотрѣть на нее свысока и говорилъ съ нею только изрѣдка, да и то какъ-то важно и отрывисто.

Послѣ продолжительныхъ совѣщаній и долгихъ колебаній, обитатели замка положили, наконецъ, разрѣшить мучившее ихъ сомнѣнiе. Для того они избрали изъ своей среды старика-шляхтича, пана Онуфрiя, любимца пана Лады, и поручили ему освѣдомиться обо всемъ подробно. Пять разъ приближался старикъ къ ясновельможному, пять разъ раскрывалъ ротъ и пять разъ, не пробормотавъ ни слова, отступалъ почтительно передъ величавымъ взглядомъ пана Лады.

Всѣ были недовольны депутатомъ. На него со всѣхъ сторонъ сыпались укоры и насмѣшки. Приходилось, для избѣжанія неприяностей, дѣйствовать съ большею рѣшимостью, и старикъ, помолвившись усердно Богу и подкрѣпивъ себя порядочной чаркой, явился снова передъ сумрачнымъ паномъ.

При появленiи пана Онуфрiя панъ Лада быстро вскочилъ съ кресель.

— Что тебѣ нужно отъ меня?... грозно, почти бѣшено закричалъ онъ.

— Простите великодушно, проговорилъ запинаясь оторопѣлый старикъ; — простите великодушно, но ваша печаль,

ваше одиночество беспокоитъ всѣхъ, кто вамъ преданъ и кто любитъ васъ...

— А кто тебѣ сказалъ, что я печалень... Напротивъ, мнѣ весело, да и какъ еще весело,—какъ никогда не бывало!... Ну что ты смотришь на меня такимъ бараньимъ, безтолковымъ взглядомъ?...

— Я... я сомнѣваюсь...

— Сомнѣваешься! а въ чемъ?... Неужели же ты или кто нибудь другой можетъ сомнѣваться, что я теперь государь, что я король, ни отъ кого независимый?

Измученный панъ Онуфрій разинулъ ротъ и съ явнымъ недовѣріемъ смотрѣлъ на стоявшаго передъ ними пана Ладу.

— Я хотѣлъ сказать... заговорилъ оправившійся немного старикъ,—я хотѣлъ сказать, что мы очень радовались, когда увидѣли, что вы такъ искусно спасли насъ отъ нѣмцевъ.

— Ну такъ что же? Говори скорѣй!... крикнулъ нетерпѣливо панъ Лада.

— А теперь мы съ грустію видимъ, что вы, надумавшись, предполагаете, по своей доброй волѣ, передаться пруссакамъ.

— Чортъ ихъ поberi! гаркнулъ громовымъ голосомъ панъ Лада;—кто это тебѣ навралъ, старый пустомеля?...

— Но вѣдь ваша милость не приняли польскихъ комисаровъ, и столбы, которые бѣлѣются теперь за орѣшникомъ и песчанымъ холмомъ, ясно показываютъ...

— Что ты просто на просто глушь... Да, ты глушь, панъ Онуфрій, заговорилъ съ замѣтнымъ хладнокровіемъ панъ Лада, не давая вымолвить старику ни полслова.—Я хотѣлъ было сдѣлать тебя канцлеромъ, но вижу, что ты къ этому неспособенъ. Убирайся съ Богомъ... Да и всѣ вы оставьте

меня въ покоѣ и знайте только одно, что всякія перешептыванія и догадки вамъ строго воспрещаются... Ждите:—придетъ время, и узнаете то, чего теперь никакъ не можете понять.

Растерявшійся старикъ пошелъ назадъ: въ головѣ его былъ невообразимый переполохъ.

Между тѣмъ панъ Лада, запершись въ своей комнатѣ, все читалъ и писалъ. Никто не смѣлъ потревожить его, кромѣ гайдука Игнація, который получалъ непосредственно отъ него какія-то таинственныя приказанія. Гайдуку почти не слѣзаль съ лошади. Едва успѣвалъ онъ отвезти одно письмо, какъ долженъ былъ скакать, сломя шею, съ новымъ посланіемъ своего пана. Но отъ этого вѣрнаго слуги нельзя было добиться ни слова: онъ всегда молчалъ и имѣлъ привычку раскрывать ротъ только тогда, когда нужно было ѣсть или пить.

Прошло еще нѣсколько недѣль, среди тревожныхъ ожиданій всѣхъ проживавшихъ у пана Лады и среди постоянныхъ его занятій писаніемъ и чтеніемъ. Между тѣмъ изъ Торна и Познани, по его приглашенію, явились въ замокъ обойщики, драпировщики и разные мастеровые; въ замкѣ завяпѣла дѣятельная работа, и дней черезъ пять жилище пана Лады явилось въ полномъ блескѣ. Въ главной залѣ замка стѣны покрылись дорогими обоями, голубаго и бѣлаго цвѣта, а на возвышеніи въ нѣсколько ступеней, устланномъ краснымъ сукномъ, поставлено великолѣпное золоченое кресло съ пунцовою бархатною подушкою и гербомъ пана Лады подъ королевскою короною. По обѣимъ сторонамъ этого кресла, на низшихъ уступахъ возвышенія, было поставлено двое другихъ креселъ, хотя и весьма искусной работы, но

уже не столь великолѣпныхъ, какъ среднее. Прямо передъ сѣдалищемъ были двѣ рѣзныя скамьи, а остальная часть залы осталась пустою, какъ это принято для тронныхъ залъ.

Потолокъ залы украсился позолотой и разными лѣпными фигурами и изображеніями, служащими символами для означенія верховной власти и разныхъ царственныхъ добродѣтелей. На стѣнахъ залы были развѣшаны гербы тѣхъ благогородныхъ фамилій, съ которыми была въ родствѣ фамилія пана Лады, а по бокамъ возвышенія, какъ эмблема могущества и силы, были поставлены военные трофеи и рыцарскіе доспѣхи.

Наружность замка тоже подновилась; на фасадахъ его явилось много фигуръ и изображеній, сходныхъ съ тѣми, которыя были помѣщены на потолкѣ парадной залы; надъ главнымъ подъѣздомъ замка былъ прибитъ огромный гербовый щитъ подъ королевскою короной, а на самой возвышенной точкѣ кровли, на высокомъ древкѣ, величественно развѣвался огромный флагъ съ гербовыми цвѣтами пана Лады, бѣлымъ и голубымъ.

Всѣ работы, какъ внутри, такъ и снаружи замка, производились съ чрезвычайною поспѣшностію, подъ надзоромъ самаго пана, но нѣто, даже проницательный капеланъ пана Лады, не могъ угадать цѣль этихъ необыкновенныхъ приготовленій.

Когда замокъ былъ совсѣмъ отдѣланъ и убранъ, то наканунѣ праздника рождества Богородицы стали являться къ пану Ладѣ гости, приглашенные имъ черезъ письма, развезенныя Игнаціемъ.

Великолѣпные новомодные экипажи, старинные рыдваны и колымаги, телѣжки и повозки постоянно подѣзжали къ

главному крыльцу замка; тутъ же останавливались и прѣзжавшіе верхомъ въ гости. Панъ Лада радушно встрѣчалъ гостей, и сообразно съ важностію каждаго изъ нихъ приказывалъ отводить помѣщеніе или во флигелѣ или въ крестьянской избѣ. Затѣмъ, когда по повѣркѣ списковъ всѣ приглашенные оказались на лицо, гости, по особому зову хозяина, собрались къ назначенному времени въ праздничныхъ нарядахъ въ главной залѣ замка, и тамъ съ нетерпѣніемъ ожидали развязки непонятныхъ для нихъ затѣй.

Появленіе пана Лады положило конецъ мучительному ожиданію.

Двери залы широко распахнулись на обѣ половинки, и въ дверяхъ показался хозяинъ. На головѣ у пана Лады была дорогая мѣховая шапка съ цаплинымъ перомъ, пристегнутымъ большою брилліантовой запонкой; одѣтъ онъ былъ въ кунтушъ изъ бархата пурпуроваго цвѣта съ золотымъ поясомъ, на которомъ висѣла кривая сабля, осыпанная драгоценными каменьями. Но въ глаза гостей не столько бросался этотъ великолѣпный нарядъ хозяина, сколько его повелительный видъ и величественная осанка.

Панъ Лада велъ подъ руку свою жену; ея роскошный нарядъ и блескъ дорогихъ каменьевъ и яркая бѣлизна жемчуга еще рѣзче выставляли смущеніе скромной женщины. Видно было, что она смиренно подчинилась волѣ своего мужа, но что сердце ея какъ будто предчувствовало что-то недоброе. Съ выраженіемъ грусти и сдержаннаго ужаса смотрѣла она на все что окружало ее теперь, и какъ будто хотѣла спросить: что же все это значить, къ чему всѣ эти приготовления? За паномъ Ладой и его женой шелъ ихъ сынъ, прехорошенькій десятилѣтній мальчикъ, един-

ственный наследникъ имени, славы и богатства своихъ родителей; онъ былъ одѣтъ въ дорогой венгерскій костюмъ.

При появленіи пана Лады мгновенно смолкнужь гѣворъ присутствующихъ. Онъ медленнымъ шагомъ прошелъ мимо изумленной и онѣмѣвшей толпы, поднялся на возвышеніе, и поставивъ подлѣ себя съ одной стороны жену, а съ другой сына, приподнялъ немного свою шапку, въ знакъ поклона, и громко произнесъ слѣдующую рѣчь:

„При новомъ разграниченіи Польши и Бранденбурга, оба эти государства обошли мои владѣнія, какъ это ясно показываютъ пограничные столбы, разставленные и прусскими, и польскими комиссарами. Такимъ образомъ, земли мои остались незавоенными!.. Вознося благодарственную молитву Господу за явленную его къ намъ милость, мы, Янъ-Калистранъ-Идзіѣ I, обѣщаемся употребить всѣ усилія, чтобы доказать міру, что простой нѣбогда шляхтичъ Янъ Лада, по гербу, впрочемъ, не хуже Понятовскихъ, съумѣеть править подвластными ему, хотя не многочисленными, но за то храбрыми, вѣренными ему Богомъ народами!.. Мы не оставимъ границъ нашихъ владѣній безъ обороны, казны безъ денегъ и законовъ безъ исполненія и опоры.

„Я учреждаю отнынѣ отдѣльную державу подѣ наследственнымъ правленіемъ моего дома. Кто захочетъ споспѣшествовать новому государству и остаться въ его предѣлахъ, тотъ пусть громогласно изъявить свое желаніе... Будьте увѣренны, что со временемъ, когда все устроится, какъ слѣдуетъ, ни одинъ благонамѣренный гражданинъ и ни одинъ истинно-храбрый воинъ не будутъ скучать въ тѣсныхъ, по видимому, границахъ моей державы.

„Законы и конституція уже готовы, остается только присягнуть имъ. Должности военнымъ, гражданскія и придворныя уже учреждены и ожидаютъ только достойныхъ кандидатовъ. Теперь же, братья-шляхта, предлагаемъ вамъ объявить ваше мнѣніе: кто со мной, тотъ пусть остается, а тотъ, кто хочетъ служить республикѣ, тотъ пусть скорее убирается изъ моихъ владѣній.“

Рѣчь эта произвела странное впечатлѣніе на слушателей. Одни изъ нихъ во все время, пока говорилъ панъ Лада, стояли разинувъ ротъ и вытаращивъ глаза, другіе почесывали затылки, третьи потирали лбы, четвертые легонько откашливались, и хотя каждый изъ гостей еще ранѣе ожидалъ чего-то необыкновеннаго, но то что они теперь услышали далеко превзошло всѣ ожиданія.

По окончаніи рѣчи, гости запумѣли; они принялись съ жаромъ толковать между собою о сдѣланномъ имъ предложеніи, и такъ какъ всѣ чрезвычайно любили пана Ладу, какъ добраго сосѣда, и такъ какъ смѣлость его понравилась, то послѣ непродолжительныхъ совѣщаній общій шумъ и говоръ слились въ единодушный, со всѣхъ сторонъ раздавшійся крикъ: „да здравствуетъ панъ Лада!“

Увидѣвъ, что дѣло съ перваго разу идетъ удачно, панъ Лада, привѣтливо поклонившись своимъ новымъ подданнымъ, величественно помѣстился на тронѣ, посадивъ на стоявшихъ по бокамъ его креслахъ жену и сына, и когда, по данному имъ знаку, все смолкло, онъ заговорилъ снова:

„Итакъ, пусть по единодушному желанію, изъявленному предстоящими здѣсь моими соотечественниками, начнется отнынѣ благополучное наше царствованіе. Граматы на долж-

ности уже готовы, нужно только вписать въ нихъ имена и фамилиі назначенныхъ мною лицъ.“

— Вы, отче, сказалъ панъ Лада, обращаясь къ ксендзу, — займете должность канцлера.

Ксендзъ осмотрѣлся, и видя со всѣхъ сторонъ одобрительный взглядъ, почтительно поклонился новому государю и отошелъ къ указанному ему мѣсту.

— Вы, панъ Балтазаръ, будете моимъ государственнымъ казначеемъ, проговорилъ панъ Лада, смотря на шляхтича Годзембу.

Шляхтичъ покраснѣлъ отъ удовольствія и, низко поклонившись пану Ладѣ, отошелъ въ сторону и занялъ мѣсто подлѣ канцлера.

— Вамъ, Якубъ Наленчъ, ввѣряется гетманская булава, произнесъ торжественно панъ Лада, и тотъ, къ кому относились эти слова, послѣдовалъ примѣру канцлера и казначея, а между тѣмъ новый повелитель продолжалъ:

„Въ большомъ числѣ сановниковъ мы пока не нуждаемся, и жезлъ нашего придворнаго маршала остается въ рукахъ пана Онуфрія Побоча. Учреждаемъ, впрочемъ, новую должность съ титуломъ оберегателя государственныхъ нашихъ границъ, и поручаемъ ее племяннику нашему, пану Юзефу. Обязанность его будетъ заключаться въ неусыпномъ надзорѣ за цѣлостію и неприкосновенностію границъ и во внимательномъ наблюденіи, чтобы въ предѣлы наши не допускались люди вредныхъ правилъ и еретики, то есть нѣмецкая саранча изъ-за Одера.

„Завтра, послѣ торжественной службы въ честь Пресвятой Богородицы, мы разставимъ наши пограничные столбы, дабы каждый изъ сосѣдей нашихъ зналъ наши предѣлы и

почиталъ бы въ насъ коронованную особу. Но такъ какъ, по этому случаю, дворъ нашъ долженъ будетъ явиться въ полномъ блескѣ, то мы повелѣваемъ нашему канцлеру раздать всѣмъ надлежащія грамоты, а казначею нашему—выплатить впередъ мѣсячное жалованье по утвержденнымъ нами окладамъ.

„Въ заключеніе приглашаемъ васъ, благородные гости, раздѣлить съ нами нашъ королевскій пиръ.“

Окончивъ эту рѣчь, панъ Лада всталъ съ своего сѣдалища при громкихъ крикахъ: „Да здравствуетъ король!“ Затѣмъ гости, предшествуемые державнымъ хозяиномъ, отправились въ залы, гдѣ были накрыты столы. Много въ этотъ день было съѣдено, а еще болѣе выпито, какъ гостями, такъ и сановниками новаго королевства.

На другой день происходило въ Ладовѣ, по особому церемониалу, поставленіе пограничныхъ столбовъ. Торжественное шествіе сопровождали два отряда: одинъ конный, состоявшій изъ сорока человѣкъ шляхтичей, а другой пѣхотный, состоявшій изъ шестидесяти крестьянъ, вооруженныхъ алебардами и пиками.

Гимнъ, пропѣтый передъ статуей Богородицы, стоявшей на каменномъ столбѣ при въздѣ во владѣнія пана Лады, завершилъ торжество этого дня, съ котораго и положено было считать воцареніе въ Ладовѣ короля Яна-Капистрана-Идзія I.

Вскорѣ вѣсть о продѣлкахъ пана Лады разнеслась во все стороны. Одни подсмѣивались надъ нимъ, считая его за самодура, другіе же, напротивъ, хвалили его смѣлость и

рѣшительность. Короче, о немъ шли самыя разнорѣчивыя толки. Впрочемъ, такъ какъ новый владѣтель былъ богатъ, щедръ, обходителенъ и гостепріименъ, то замокъ его не оставался пустимъ, и во владѣнія его со всѣхъ сторонъ густыми толпами валили новые граждане. Пирь въ Ладовѣ не прекращались.

Что же касается сосѣднихъ государствъ, то отношенія ихъ къ новому королевству были неодинаковы. Польшѣ, обуреваемой въ то время внутренними смутами и угрожаемой извнѣ сосѣдами, некогда было обращать вниманія на отпаденіе пана Лады отъ Рѣчи Посполитой, но акуратные нѣмцы посмотрѣли на поступокъ польскаго пана нѣсколько иначе, и тогда какъ въ Варшавѣ, при дворѣ Понятовскаго кромѣ самого короля, подсмѣивались надъ Ладой, какъ надъ чудачкомъ, въ Берлинѣ, при дворѣ великаго Фридриха, толковали о немъ очень серьезно и методически обсуждали послѣдствія подобныхъ поступковъ. Прусское правительство придавало дѣйствіямъ пана Лады характеръ государственной измѣны и не было вовсе намѣрено выпустить изъ своихъ рукъ превосходное его имѣнье.

Вслѣдствіе всѣхъ этихъ политическихъ и финансовыхъ соображеній, къ пану Ладѣ послано было объявленіе, предлагавшее ему уплатить, безъ малѣйшаго сопротивленія, въ окружную королевскую кассу всевозможныя подати и налоги: подушныя, дорожныя, рѣчныя, лѣсныя, трубныя и т. д.

Нешуточное требованіе Пруссіи заставило опомниться пана Ладу; онъ какъ будто очнулся отъ непріятнаго сна, всѣ его мечтанія о независимости разлетѣлись въ прахъ при видѣ бумаги, запечатанной печатью съ прусскимъ орломъ. Но такое состояніе духа продолжалось самое корот-

вое время. Панъ Лада скоро оправился и въ пылу негодованія велѣлъ, къ общему удовольствію своихъ гостей, за-травить гончими пруссака, доставившаго ему объявленіе.

Такое самоволіе пана Лады должно было навликать на него со стороны Пруссіи грозную расправу. И дѣйствительно, черезъ нѣсколько дней послѣ травли чиновника, оберегатель границъ, панъ Юзефъ, извѣстилъ своего царственнаго дядю, что во владѣнія его идутъ двадцать человѣкъ пѣхоты и столько же конницы въ зеленыхъ бранденбургскихъ мундирахъ, съ красными отворотами и такими же отложными воротниками, въ низенькихъ треугольникахъ, бѣлыхъ чулкахъ, башмакахъ и съ напудренными косами. Посмѣялся панъ Лада надъ нарядомъ своихъ недруговъ, но на дѣлѣ они были для него опасны. Онъ положилъ дѣйствовать рѣшительно, и собравъ десять человѣкъ вооруженной шляхты, принялъ надъ ними начальство и смѣло двинулся противъ приближавшихся пудренныхъ бранденбургцевъ.

Панъ Онуфрій, посланный къ приближавшимся пруссакамъ въ качествѣ парламентаря, добился наконецъ отъ нѣмцевъ объясненія, что войско, вторгнувшееся во владѣнія пана Лады, имѣетъ предписаніе арестовать его за неуваженіе къ королевскому чиновнику и за разные другіе самовольные поступки, совершенные имъ въ противность прусскихъ узаконеній. Съ трудомъ выслушалъ панъ Лада эту вѣсть; онъ кипѣлъ отъ сильнаго гнѣва и вмѣсто отвѣта бросился прямо съ своимъ небольшимъ отрядомъ на неприготовившагося къ отпору и озадаченнаго непріятеля. Нѣмцы не выдержали быстрога натиска и показали свои бѣлыя косы. Въ это же время, на подкрѣпленіе пану Ладѣ

подоспѣло окольными путями нѣсколько вооруженныхъ шляхтичей. Появленіе ихъ въ тылу нѣмецкаго отряда было какъ нельзя болѣе встати. Пруссаки, считая себя окруженными со всѣхъ сторонъ, сдались всѣ военно-плѣнными, и только одинъ вапраль, благодаря быстротѣ своего коня, могъ принести на родину печальную вѣсть о пораженіи и плѣнѣ своихъ ратныхъ товарищей.

Послѣ этой блистательной побѣды начались въ замкѣ пана Лады шумныя празднества, но торжество побѣдителей было весьма непродолжительно, потому что, спустя одинъ день, панъ Юзефъ снова извѣстилъ своего дядю, что на него наступаютъ пруссаки, и что теперь ихъ уже гораздо болѣе, нежели въ первый разъ.

Призадумался сначала панъ Лада при полученіи этой вѣсти, но потомъ вскорѣ оправился и собралъ на военный совѣтъ всю находившуюся въ его замкѣ шляхту. Въ то же время онъ разослалъ гонцовъ во всѣ стороны Рѣчи-Посполитой, съ извѣщеніемъ о томъ что съ нимъ случилось, и съ приглашеніемъ пановъ-братій подать помощь. Между тѣмъ крестьяне принялись работать надъ возведеніемъ укрѣпленій; они копали рвы, устраивали западни и волчьи ямы, переканывали дорогу, огораживали иныя мѣста засѣками и тыномъ, и послѣ трехдневной работы панъ Лада укрѣпился довольно прочно.

Всѣ эти приготовленія были не напрасны. Послѣ пятидневнаго томительнаго ожиданія, на большой дорогѣ, пролегавшей къ владѣніямъ пана Лады, показался со стороны Пруссіи огромный столбъ пыли. Передовые стражники немедленно извѣстили объ этомъ пана Ладу, который далъ приказаніе — взять оружіе и занять каждому свое мѣсто.

Приказанія эти были исполнены въ такой тишинѣ и въ такомъ порядкѣ, что когда прусскій отрядъ, состоявній на этотъ разъ уже изъ двухъ-сотъ человекъ кавалеріи и пѣхоты, вышелъ изъ лѣсу на поляну, то все было кругомъ такъ тихо и спокойно, какъ будто жители, испуганные приближеніемъ храбрыхъ прусскихъ войскъ, разбѣжались во всѣ стороны.

Съ полнымъ сознаниемъ своего превосходства двигался впередъ непріятель, и безъ особыхъ предосторожностей вступилъ на ту мѣстность, гдѣ были устроены западни, волчьи ямы и завалы. Но каково же было его изумленіе, когда вдругъ со всѣхъ сторонъ раздался страшный гикъ, загремѣли ружейные выстрѣлы, разверзлись закрытые до толѣ ямы и рвы, и отрядъ увидѣлъ себя лишеннымъ всякой возможности къ отступленію! И опять только нѣсколько человекъ, составлявшихъ арьергардъ прусскаго отряда, спаслись бѣгствомъ, чтобы принести въ Пруссію вѣсть о новомъ пораженіи...

Между тѣмъ въ деревнѣ завязалась отчаянная борьба, которая, впрочемъ, длилась не долго. Пруссаки, стѣсненные въ узкихъ проходахъ, не имѣли возможности развернуть правильно свои силы противъ хорошо прикрытаго непріятеля. Бой кончился тѣмъ, что пруссаки сдались въ плѣнъ.

Плѣнныхъ заперли въ амбаръ, и послѣ шумныхъ совѣщаній о томъ что съ ними дѣлать, постановили: перевязать ихъ по четыре человека и переслать, въ видѣ подарка, Рѣчи-Посполитой. На этомъ въ особенности настаивалъ панъ Лада, желая подражать такимъ образомъ слав-

ному побѣдителю турокъ — Яну Собѣскому, приславшему въ подарокъ Польшѣ турецкихъ илѣнниковъ.

Къ стачію пана Лады пруссаки въ эту пору не имѣли подъ рукою достаточнаго числа войскъ: приходилось стягивать отряды съ разныхъ сторонъ, и этимъ обстоятельствомъ, какъ нельзя лучше, воспользоваться ладовскій повелитель. Пруссаки торопились, но не медлили и ихъ противникъ.

Извѣстивъ немедленно всю окрестную шляхту о случившемся, панъ Лада встрѣтилъ въ своихъ собратяхъ полное сочувствіе. Всѣ шляхтичи, сидѣвшіе, по случаю мира, у себя дома, и всѣ крестьяне, свободные въ эту пору отъ сельскихъ занятій, повалили на защиту новаго государства, а окрестные паны прислали въ Ладовскій замокъ необходимый провіантъ и фуражъ.

Вскорѣ панъ Лада увидѣлъ въ своемъ распоряженіи значительныя силы. Большая часть его защитниковъ были люди самыя рѣшительныя, не разъ уже окуренные порохомъ въ битвахъ. Предводитель ихъ воспользовался всѣмъ этимъ.

Получивъ самыя точныя свѣденія о числѣ прусскаго отряда, назначеннаго для усмиренія непокорныхъ, панъ Лада собралъ военный совѣтъ, и на этомъ совѣтѣ единогласно было положено — дать отпоръ прусскому войску. Здѣсь же было соображено, что ожидать въ деревнѣ непріятеля, имѣющаго съ собою артиллерію, не слѣдуетъ; и вообще встрѣтиться съ нимъ на территоріи Ладовскаго королевства признано было неудобнымъ, потому что въ этомъ случаѣ можно было подвергнуть разоренію свои земли. Но къ этимъ стратегическимъ соображеніямъ присоединились еще особыя политическія расчеты: до сихъ поръ всѣ дѣйствія пана Лады могли быть оправданы — онъ только оборонялся отъ

наступавшихъ на него враговъ; нападеніе же на прусскія земли было бы равносильно объявленію войны, и такой образомъ дѣйствій нельзя было оправдать. Подобное нашествіе отнесено было бы къ политикѣ Рѣчи Посполитой, и панъ Лада могъ бы лишиться покровительства Польши, на которое онъ, хотя весьма слабо, но все же рассчитывалъ въ крайнемъ случаѣ.

Сообразивъ все это, военный совѣтъ постановилъ принять бой съ пруссаками во владѣніяхъ независимыхъ отъ польскаго королевства, а чтобъ ввести своихъ противниковъ въ заблужденіе, панъ Лада отослалъ свою жену и всѣхъ женщинъ, проживавшихъ въ его государствѣ, въ свои польскія помѣстья и, рассыпавъ свои войска по окрестнымъ лѣсамъ, распустилъ слухъ, будто бы вся окольная шляхта разбѣжалась, испугавшись нѣмецкаго нашествія.

Молва объ этомъ, была, конечно, доведена до отряда прусскихъ войскъ, кочевавшаго вблизи ладовскихъ владѣній и готовившагося съ разсвѣтомъ перейти ихъ границу. Между тѣмъ, ловкій и смѣлый лазутчикъ пана Лады, переодѣвшись угольщикомъ, успѣлъ проникнуть въ прусскій лагерь, осведомился хорошенько о непріятельскихъ силахъ и возвратившись ночью домой представилъ обо всемъ видѣнномъ и слышанномъ самый подробный отчетъ. Полученныя свѣденія придали обороняющимся еще болѣе смѣлости; правда, прусскій отрядъ состоялъ теперь изъ двухъ тысячъ пѣхоты и конницы, и имѣлъ при себѣ четыре пушки, но за то солдаты, по рассказамъ лазутчика, были люди старые, неповоротливые, и казались весьма не бойкими.

Всю ночь провелъ панъ Лада въ объѣздѣ своихъ отрядовъ, разставленныхъ по сторонамъ дороги, прох одившей

почти цѣлую милю черезъ густой лѣсъ. Съ наступленіемъ утра, легкій свистъ, передаваясь отъ поста къ посту, далъ знать, что непріятель тронулся съ своей ночной стоянки. Утро было туманное и это обстоятельство весьма много способствовало удачной засадѣ, устроенной противъ пруссаковъ.

Съ громкимъ барабаннымъ боемъ и при звукахъ трубъ двигался впередъ прусскій отрядъ, и вскорѣ остановился возлѣ лѣса. Высланный впередъ конный разъѣздъ прошелъ беспрепятственно тѣсную дорогу. Дойдя до деревни, онъ сдѣлалъ нѣсколько выстрѣловъ и возвратившись къ отряду объявилъ, что дорога свободна, а деревня не имѣетъ никакой обороны. Получивъ это извѣстіе, пруссаки смѣло, въ боевомъ порядкѣ, тронулись впередъ; за передовымъ отрядомъ конницы, съ торжественной медленностію двинулась артиллерія, прикрываемая со всѣхъ сторонъ пѣхотою.

Едва только пруссаки вышли на середину лѣсной дороги, какъ панъ Лада выстрѣломъ изъ небольшой мортиры подалъ сигналъ къ нападенію. Непріятель съ ужасомъ увидѣлъ, что лѣсъ, до того времени безмолвный, какъ будто ожилъ: вѣтви затрепали, мохъ зашевелился, раскрылись кусты терновника, отовсюду засвистали пули и раздались ободрительные крики; трескотня ружейныхъ выстрѣловъ озадачила пруссаковъ.

Генералъ, командовавшій прусскими войсками, принадлежалъ къ числу людей слишкомъ самоувѣренныхъ; онъ никакъ не воображалъ, чтобы предводительствуемому имъ отряду могло сопротивляться войско пана Лады. Увидя себя окруженнымъ со всѣхъ сторонъ въ лѣсной тѣсотѣ, онъ пересталъ думать о легкой побѣдѣ, и далъ приказаніе отступить, но отступление уже было отрѣзано, а между тѣмъ,

къ ужасу пруссаковъ, зашатались и начали валиться на нихъ громадныя сосны, сверкнулъ огонь, показалось пламя и смолистый дымъ понесся густыми клубами въ глаза прусскимъ солдатамъ. Послѣ самаго непродолжительнаго неровнаго боя, пруссаки бросились въ безпорядкѣ бѣжать; а небольшое число ихъ, успѣвшее кое-какъ выбиться изъ лѣсу, начало строиться на полянѣ. Едва панъ Лада завидѣлъ это, какъ по приказанію его отрядъ конной шляхты, выскочивъ изъ засады, смаль противниковъ и тѣмъ окончательно довершилъ побѣду.

Теперь панъ Лада чувствовалъ себя вправѣ отплатить пруссакамъ за нападеніе нападеніемъ, и потому сталъ преслѣдовать бѣгущихъ на ихъ собственной землѣ. Побѣдитель напалъ на ближнія мѣстечки, забралъ прусскія кассы, и послѣ трехдневнаго похода возвратился въ свои владѣнія, гдѣ ему была приготовлена торжественная встрѣча.

Гордо поднявъ теперь голову панъ Лада, а между тѣмъ шумъ пировъ не умолкалъ въ Ладовѣ, и каждый день прибывали туда новыя охотники. Обнадеженный этой поддержкой, Лада хотѣлъ воспользоваться зимнимъ временемъ и предпринять наступательное движеніе на Пруссію. Панъ Лада горячился и надѣялся, а разсудительный канцлеръ совѣтовалъ своему государю пустить ручей по новому руслу и признать надъ собою власть Рѣчи-Посполитой. Сердце отважнаго короля шляхтича испытывало при этихъ совѣтахъ жесточайшее искушеніе: съ одной стороны, привязанность къ родинѣ заставляла его соглашаться съ совѣтомъ своего канцлера, а съ другой стороны, честолюбіе шептало ему о королевскомъ санѣ.

Надобно сказать, что прусскій генераль, командовавшій войскомъ противъ пана Лады, былъ, какъ почти всѣ люди самонадѣянныя, человѣкъ способностей весьма посредственныхъ, хотя и слылъ человѣкомъ ученымъ. Претерпѣвъ поражение и не находя средствъ поправить неудачу, онъ, чтобы избѣжать королевскаго гнѣва, поскакалъ въ Берлинъ, намѣреваясь предупредить вѣсти о своемъ поражениіи и представивъ войско пана Лады въ преувеличенномъ видѣ, выпросить себѣ болѣе сильный отрядъ для наказанія мятежниковъ.

На пятый день генераль былъ уже въ Берлинѣ.

Въ это время Фридрихъ-Великій, исполнивъ часть своихъ политическихъ плановъ, отдыхалъ на лаврахъ въ государствѣ, прославленномъ его гениемъ и множествомъ побѣдъ. Въ то время, когда, окруженный учеными и философами, которые со всѣхъ сторонъ стремились къ его двору, король бесѣдовалъ о какой-то головоломной философской задачѣ, дежурный камергеръ доложилъ его величеству о прибытіи генерала изъ области, взятой у Польши. Король велѣлъ немедленно пригласить его къ себѣ. Явившись къ государю, военачальникъ выразилъ желаніе поговорить съ его величествомъ наединѣ, но Фридрихъ, не подозрѣвая ничего особеннаго, приказалъ генералу начать докладъ о его подвигахъ въ присутствіи всѣхъ.

Заминаясь, робкимъ голосомъ, началъ генераль реляцію о своихъ военныхъ дѣйствіяхъ. Король, сдвинувъ брови, внимательно слушалъ его, не прерывая ни на одномъ словѣ.

Генераль кончилъ. Наступило глубокое молчаніе. Какъ ни прикрашивалъ генераль свое донесеніе, но король ясно видѣлъ въ чемъ заключалось дѣло. Онъ напустился болѣе

прежняго и грозно взглянул на лживаго рассказчика. Генераль поблѣднѣлъ, и всѣ ожидали, что король, въ справедливомъ гнѣвѣ, примѣрно накажетъ генерала и за опрометчивость, и за ложь. Но общія ожиданія не оправдались. Лицо короля вдругъ приняло привѣтливое выраженіе; онъ медленно поднялся съ кресель, запустилъ пальцы въ карманъ своего коричневаго камзола, гдѣ находился нюхательный табакъ, втянулъ въ носъ хорошую дозу и, остановившись передъ генераломъ, полунасмѣшливо и полудасково спросилъ его:

— Чего же вы теперь отъ меня желаете?

Ободренный такимъ неожиданнымъ исходомъ дѣла, генераль видимо расхрабрился.

— Ваше величество! проговорилъ онъ энергическимъ голосомъ—я желаю получить отъ васъ войско; я пойду уничтожить скопище разбойниковъ и кровью моею обиду, нанесенную побѣдоноснымъ знаменамъ вашего величества.

— Все это весьма похвально, хладнокровно замѣтилъ Фридрихъ;— но вѣдь вы уже имѣли войско,—гдѣ же оно?... Если же дать вамъ другое, то безъ всякаго сомнѣнія и его постигнетъ та же самая участь... Нѣтъ, любезный мой генераль, я вамъ войска не дамъ, но вы отправитесь одни къ этому непокорному шляхтичу... Понимаете?

— Понимаю, проговорилъ невнятно генераль, подъ влияніемъ нашедшаго на него столбняка.

— Вы овладѣете Ладовымъ и его жителями одни, безъ войска; я не дамъ вамъ для этого ни одного солдата. Понимаете?

Генераль растерялся въ конецъ, и почти-что прошепталъ:

— Нѣтъ, этого я не понимаю....

— Потому вы этого не понимаете, что у васъ не развиты всѣ способности, необходимыя, чтобъ быть толковымъ и догадливымъ человѣкомъ... Явитесь завтра утромъ ко мнѣ, я вамъ сообщу инструкцію, съ которой вы отправитесь немедленно, а теперь отдайте коменданту вашу шпагу, а сами потрудитесь переночевать на гаубтвахтѣ.

Генераль почтительно поклонился королю и вышелъ изъ залы, а король возвратился къ прерванной бесѣдѣ. Поздно вечеромъ оставилъ Фридрихъ свое любимое общество и перешелъ въ кабинетъ. Надъ чѣмъ трудился въ это время король, неизвѣстно; извѣстно только, что когда утромъ явился къ нему арестованный генераль, то Фридрихъ далъ ему словесную инструкцію и вручилъ письмо съ адресомъ: Иоанну-Капистрану, королю въ Ладовѣ, троекратному побѣдителю моихъ войскъ.

Озадаченный генераль прямо изъ дворца поскакалъ въ Ладовъ.

Воинственность пана Лады нисколько не уменьшилась, и зимній походъ въ Пруссію былъ его завѣтною мечтою въ то время, когда прискакалъ къ нему въ замокъ, подъ парламентерскимъ флагомъ, передовой гонецъ съ извѣстіемъ, что слѣдомъ за нимъ ѣдетъ изъ Берлина посланникъ короля прусскаго къ Иоанну Капистрану, верховному повелителю Ладовскаго государства.

Остолбенѣлъ отъ удовольствія шляхтичъ, узнавъ, что гордый побѣдитель Австріи такъ легко призналъ его державныя права, и что король прусскій сносится съ нимъ черезъ своего посланника.

Гонцу было объявлено, что королевскій посолъ будетъ принять въ Ладовѣ съ честію, подобающею его высокому званію.

Едва только успѣлся панъ Лада на своемъ тронѣ, какъ въ залу паномъ Онуфриемъ былъ введенъ прусскій посланникъ, въ полномъ мундирѣ, въ лентѣ, въ звѣздахъ и орденнахъ. Посланникъ, какъ мы сказали, принадлежалъ къ числу ученыхъ своего времени, и потому зналъ весьма недурно латинскій языкъ, на которомъ онъ и началъ объясняться съ ладовскимъ державцемъ.

— „Во мнѣ, высокій государь, началъ генералъ, — вы можете узнать начальника того войска, которое потерпѣло поражение въ вашихъ владѣніяхъ. Теперь же, мой августѣйшій повелитель прислалъ меня къ вамъ, чтобы выразить вамъ извиненіе по поводу несправедливаго вторженія въ вашу державу, вторженія, происшедшаго отъ дурно понятыхъ мною предписанія его величества. Вы одержали три побѣды, доставившія вамъ громкую славу и дружбу короля, который тоже, какъ вамъ извѣстно, пользуется во всей Европѣ военною славою, не смотря на нѣкоторыя испытанныя имъ неудачи.“

„Король чтитъ вашу храбрость, ваше мужество, ваши военныя дарованія и, по свойственному его великодушію, ищетъ не мести, но дружбы и мира съ вами, какъ съ достойнымъ своимъ сосѣдомъ. Въ подтвержденіе же моихъ словъ, король соизволилъ прислать вамъ со мною собственноручное письмо, а мнѣ дать лестное порученіе пріобрѣсти для него вашу дружбу.“

Всѣ изъ присутствовавшихъ, которые могли понять эту рѣчь, были поражены изумленіемъ, и только одинъ рассу-

дительный канцлеръ недовѣрчиво покачивалъ головою. Между тѣмъ, панъ Лада прочиталъ самъ и при помощи канцлера сталъ переводить во всеуслышаніе письмо короля Фридриха, написанное превосходною латынью. Письмо это приблизительно было слѣдующаго содержанія:

„Любезный и дорогой нашъ братъ и государь! Посылаемъ вамъ наше королевское привѣтствіе и просимъ васъ быть нашимъ другомъ. Мы питаемъ особое уваженіе къ вашему мужеству. Такихъ героевъ, какъ вы, должны покорять не мечомъ, но любовью, и потому мы, имѣя непреодолимое желаніе познакомиться съ вами лично, приглашаемъ васъ пожаловать ко двору нашему въ Потсдамъ, гдѣ мы найдемъ средства устроить наши дальнѣйшія отношенія. На случай же, если вы, судя по началу нашихъ отношеній, опасаетесь дерзости со стороны нашихъ подданныхъ, мы посылаемъ вамъ охранительную грамоту, которая доставитъ вамъ свободный проѣздъ и должныя почести во время вашего путешествія въ Берлинъ и обратно, и вмѣстѣ съ тѣмъ королевскимъ нашимъ словомъ удостоверяемъ васъ, что въ небытность вашу не будетъ предпринимаемо никакихъ мѣръ противъ независимости вашихъ владѣній отъ нашей короны.“

Королевское письмо произвело всеобщій восторгъ между приверженцами пана Лады, и только немногіе изъ нихъ, люди уже черезчуръ запальчивые, совѣтовали пану Ладѣ отказать отъ всякихъ сношеній съ королемъ; другіе же напротивъ изъявляли желаніе отправиться въ Берлинъ въ свитѣ пана Лады.

Самолюбіе слишкомъ сильно заговорило въ сердцѣ шляхтича, и онъ захотѣлъ, если не окончательно сдѣлаться независимымъ владѣтелемъ, то быть по крайней мѣрѣ другомъ

великаго государя, на котораго вся Европа смотрѣла тогда съ какимъ-то благоговѣніемъ. Панъ Лада рѣшился принять предложеніе короля и собравъ всю свиту изъ самыхъ важныхъ и молодцоватыхъ шляхтичей отправился въ столицу Пруссіи.

Вѣсти объ этомъ донеслись въ скоромъ времени въ Варшаву до короля Станислава Августа, который въ это время приготовлялся къ поѣздѣ въ Каневъ для свиданія съ императрицею Екатериною. Услышавъ любопытныя подробности о панѣ Ладѣ, а также и о его побѣдахъ, Станиславъ Августъ призадумался, и въ засѣданіи тайнаго совѣта предлагалъ ободрить смѣлаго шляхтича, и даже помочь ему денежными средствами и военными снарядами. Говорили даже, будто бы Понятовскій собственноручно писалъ къ пану Ладѣ, изъявляя желаніе увидѣть его и приобрѣсти его дружбу. Съѣздить въ Ладовъ съ королевскими предложеніями было поручено молодымъ вѣтреникамъ того времени, потерявшимъ при веселомъ дворѣ Станислава Августа всякую энергію. Королевскіе посланцы обыкновенно ѣздили медленно, въ тяжелыхъ, спокойныхъ каретахъ; они безпрестанно останавливались для ночлеговъ, и въ каждомъ городѣ или мѣстечкѣ наряжались какъ куелы, пудрились и ухаживали за красавицами. Вслѣдствіе этого, королевскій посланецъ пріѣхалъ въ Ладовъ, спустя уже недѣлю послѣ отъѣзда пана.

Ладовскій замокъ былъ пустъ, и только, какъ свидѣтели воинскихъ подвиговъ пана Лады, оставались слѣды укрѣпленій. Запоздавшій паничъ увидѣлъ свою оплошность и погнался было за паномъ Ладой въ Пруссію, желая пе-

редать ему королевское посланіе, но и тутъ ему не посчастливилось: пруссаки заподозрили его въ шпіонствѣ, схватили и засадили въ крѣпость Шпандау, гдѣ онъ отсидѣлъ довольно долго въ ожиданіи свободы.

Съѣздъ въ Каневѣ, имѣвшій, какъ извѣстно, цѣлью ослабить могущество Фридриха Великаго, устраивался съ большою таинственностію. Но блестящая свита придворныхъ и рой королевскихъ любовницъ разглашали всѣ дипломатическія тайны, такъ что король прусскій зналъ обо всемъ и успѣвалъ принимать мѣры, а потому едва только онъ слышалъ, что въ Варшавѣ думаютъ сдѣлать изъ смѣлаго шляхтича Лады орудіе противъ его плановъ, какъ предупредилъ Понятовскаго и счумѣлъ склонить смѣльчака на свою сторону.

Между тѣмъ панъ Лада совершалъ торжественной путь; мелкія почести усыпляли его, и любопытныя толпы народа собирались на станціяхъ, чтобы взглянуть на пана Ладу, какъ на какое-то чудовище. Генераль, сопутствовавшій пану, торопилъ его съ особеннымъ усердіемъ, увѣряя, что король нетерпѣливо ждетъ своего знаменитаго гостя, а между тѣмъ, тотчасъ по проѣздѣ пана Лады, опускались шлагбаумы и пресѣкались всѣ сообщенія съ Польшей. Послѣ восьмидневнаго путешествія, владѣтель Ладова увидѣлъ резиденцію своего новаго друга. У берлинской заставы ждала его королевская карета, а на встрѣчу ему былъ посланъ королевскій адъютантъ съ разными любезностями. Гостю Фридриха Великаго было отведено помѣщеніе въ роскошныхъ покояхъ королевскаго дворца; здѣсь онъ отдохнулъ послѣ дороги и на другой день отправился въ Потсдамъ, гдѣ въ ту пору находился Фридрихъ. При-

бывъ въ Потсдамѣ, онъ окончательно смутился и началъ уже раскаяваться въ своемъ прїѣздѣ, предчувствуя, что ему трудно будетъ устоять противъ искушеній.

Предчувствія пана Лады сбылись на самомъ дѣлѣ. Фридрихъ отлично понялъ всю суетность шляхтича и сообразилъ, что съ такимъ простакомъ легко совладать при пышномъ и хитромъ дворѣ.

Король встрѣтилъ своего гостя разными любезностями, и ласки Фридриха окончательно покорили сердце пана Лады, который тотчасъ же объявилъ, что считаетъ за счастье знакомство съ полководцемъ, занимающимъ первое мѣсто послѣ Юлія Цесаря.

Веселясь съ нѣмцами на разные способы, добродушный шляхтичъ легко сблизился съ ними, и спустя нѣсколько недѣль послѣ своего прїѣзда принялъ отъ короля титулъ графа и орденъ Чернаго Орла. Когда же ему предложили на выборъ государство, къ которому онъ желаетъ присоединиться, то панъ Лада объявилъ рѣшительно, что не хочетъ отдѣляться отъ своей родины. Но король уже достигъ своей цѣли: онъ приобрѣлъ себѣ сочувствіе въ чловѣкѣ, имѣвшемъ тогда сильное вліяніе на своихъ соотечественниковъ, и тѣмъ самымъ искусно разрушилъ одно изъ предположеній каневского съѣзда.

Возвратившись въ свое государство, шляхтичъ немедленно перенесъ межевые столбы къ новому руслу ручья, и такимъ образомъ, присоединившись опять къ Польшѣ, отказался навсегда отъ своей политической независимости. Но тяжело было пану Ладѣ, послѣ пиршествъ и побѣдъ, сжиться опять съ деревенскимъ затишьемъ. Онъ никогда никому не показывалъ ни графскаго диплома, ни получен-

наго ордена, а шляхта, видя смиреніе пана Лады передъ пруссаками, терялась въ догадкахъ и дѣлала различныя, иногда даже оскорбительныя для него предположенія.

Все это мучило пана Ладу, и когда ето нибудь напоминалъ ему о его государствѣ, онъ видимо терялъ веселое расположеніе духа.

Прошло еще нѣсколько лѣтъ среди этой томительной жизни, началась борьба Рѣчи-Посполитой съ ея сосѣдями, и вскорѣ панъ Лада сложилъ свою сѣдую голову.

XIX.

Неправедное наследство.

Польскій король Михаиль Вишневецкій въ молодости своей, когда онъ былъ еще частнымъ человекомъ, испытывалъ нужду, близкую къ нищетѣ. Одинъ изъ витебскихъ помѣщиковъ Цѣхановецкій полюбилъ молодаго князя, и не предвидя его будущей судьбы помогалъ ему, какъ бы онъ помогалъ самому близкому своему родственнику. При многихъ своихъ слабостяхъ князь Вишневецкій отличался однако благодарностію и поэтому, когда поляки избрали его въ короли, то первымъ его дѣломъ было призвать къ себѣ молодаго Цѣхановецкаго, сына своего благодѣтеля, и щедро наградить, какъ его самого, такъ и его отца. Король почувствовалъ къ сыну Цѣхановецкаго особое расположеніе и удержалъ его при себѣ въ Варшавѣ.

Прошло нѣсколько времени, и Цѣхановецкій получилъ извѣстіе о смерти своего отца; огромное родовое наследство, увеличенное еще болѣе щедростію короля, ожидало

его на родинѣ, и Цѣхановецкій, не теряя времени, поспѣшилъ въ Витебскъ. Едва разнеслась тамъ молва о его приѣздѣ, какъ въ то же самое время страшная новость дошла до него. Его потребовали въ градской судъ, для очныхъ ставокъ съ его матерью, но не Цѣхановецкою, а съ простою женщиною, которая прежде была его кормилицею.

Женщина эта, за нѣсколько дней до приѣзда Цѣхановецкаго, явилась въ градской судъ и объявила, что у нея есть на душѣ страшный грѣхъ, что молодой Цѣхановецкій—вовсе не Цѣхановецкій, но ея сынъ, простой деревенскій холопъ, что настоящій паничъ, котораго она кормила грудью, умеръ внезапно на ея рукахъ, и что она, думая осчастливить своего сына, тайно закопала въ лѣсу умершаго младенца и подмѣнила его своимъ, что долгое время совѣсть мучила ее, что наконецъ, для ея спокойствія и для избѣжанія божіей кары по смерти, одинъ всендзъ велѣлъ ей покаяться во всемъ чистосердечно. Женщина эта привела въ доказательство справедливости своихъ словъ такіа улики, которыя не могли оставить никакого сомнѣнія, что настоящій Цѣхановецкій умеръ, и что приѣхавшій подъ именемъ его изъ Варшавы былъ не кто другой, какъ самозванецъ.

Не столько потеря имущества, сколько позоръ, а главное невозможность жениться на той, которую молодой Цѣхановецкій полюбилъ всей душой, и которая была уже его невѣстой, заставили Цѣхановецкаго рѣшиться на ужасное преступленіе. Между тѣмъ родственники Цѣхановецкихъ, воспользовавшись доносомъ, требовали для себя, какъ для ближайшихъ наслѣдниковъ покойнаго Цѣхановецкаго, все его имѣніе. Цѣхановецкій, съ помощію другаго всендза,

уговорилъ свою бывшую мамку, а вмѣстѣ съ тѣмъ и настоящую мать, сознаться, что весь доносъ, ею сдѣланный, нарочно выдуманъ ею съ цѣлью получить отъ Цѣхановецкаго значительную сумму. Ксендзъ представилъ матери Цѣхановецкаго всѣ послѣдствія ея доноса; онъ объяснилъ ей, что и она сама не избѣгнетъ наказанія за прежнюю вину, и что вмѣстѣ съ тѣмъ она разрушитъ совершенно все счастье своего сына, для котораго въ настоящее время переходъ къ ничтожеству будетъ ужасенъ, тогда-какъ если бы съ самаго ребячества она воспитывала его, какъ крестьянина, то онъ не могъ бы роптать на свою долю и проклинать свою мать.

Въ свою очередь Цѣхановецкій убѣдилъ мать, что онъ навсегда обезпечить ее, увѣрилъ ее, что онъ немедленно поскачетъ въ Варшаву и выпроситъ у короля такъ называемый желѣзный листъ, то-есть повелѣнiе, которое могло не только останавливать, но и уничтожать вовсе исполненiе смертной казни, а что между тѣмъ для истребленiя всякаго подозрѣнiя онъ сдѣлаетъ такъ, что гродской судъ приговоритъ ее къ смертной казни, какъ клеветницу; но что онъ спасетъ ее, предъявивъ желѣзный листъ.

Бѣдная женщина изъ любви къ сыну согласилась и объявила, что все показанное ею—ложь. Цѣхановецкій уѣхалъ въ Варшаву, повторивъ матери, что онъ ѣдетъ за желѣзнымъ листомъ; дѣло приняло другой оборотъ, и судъ приговорилъ клеветницу къ смертной казни. Наступилъ ужасный день; Цѣхановецкій не прiѣзжалъ, мать его была выведена на площадь и тамъ обезглавлена; до послѣдней минуты не теряла она бодрости, думая, что явится сынъ ея съ королевскимъ помилованьемъ.

Между тѣмъ не отказъ короля въ просьбѣ своего любимца и не какія-нибудь особенныя обстоятельства не позволили Цѣхановецкому пріѣхать во-время въ Витебскъ для спасенія своей матери отъ смертной казни. Не спасъ онъ ее вслѣдствіе холоднаго разсчета, что она, по слабости своего характера, можетъ снова навлечь на него бѣду, отъ которой уже не такъ легко будетъ ему избавиться. Онъ ни слова не сказалъ королю о помилованіи виновной, а напротивъ требовалъ ея казни, называя ее орудіемъ своихъ корыстныхъ родственниковъ, желавшихъ воспользоваться его богатствомъ. По стеченію обстоятельствъ, въ тотъ самый день, когда обезглавленный трупъ матери Цѣхановецкаго лежалъ на городской площади, въ Варшавѣ была великолѣпная свадьба Цѣхановецкаго, удостоенная присутствіемъ короля, который за нѣсколько дней предъ этимъ далъ своему любимцу званіе старобы оршанскаго.

Дни проходили за днями, счастье благопріятствовало Цѣхановецкому во всемъ; милости, отличія, награды сыпались на него безпрестанно, онъ былъ отцемъ шестерыхъ дѣтей, которымъ предстояла самая блестящая будущность. Всѣ завидовали Цѣхановецкому, ничто, по видимому, не смущало его спокойствія; но что происходило въ душѣ грѣшника — это извѣстно одному Богу.

Выросли дѣти Цѣхановецкаго, посѣдѣлъ онъ, умерла и жена его: но онъ былъ бодръ и веселъ. Вдругъ однажды онъ собралъ къ себѣ въ комнату всѣхъ дѣтей и заперъ за ними дверь.

— Послушайте, дѣти, сказалъ онъ, вы ни въ чемъ не виноваты, но знайте, что вы носите имя, которое не принадлежитъ вамъ, и будете послѣ моей смерти владѣть бо-

гатствами, на которыя ни я, ни вы не имѣемъ никакого права, и которыя приобрѣтены страшнымъ грѣхомъ.

Дѣти съ изумленіемъ взглянули на отца, а потомъ другъ на друга.

— Вы дивитесь, друзья мои, что я говорю вамъ такія рѣчи, но выслушайте мою исповѣдь.

Тогда староста оршанскій поваялся предъ своими дѣтьми въ томъ, что онъ для удержанія за собою чужаго имени и чужихъ богатствъ пролилъ подъ мечемъ палача кровь своей матери.

— Я иду въ монастырь, добавилъ Цѣхановецкій, и если вы хотите искупить хотя немного ужасный грѣхъ вашего отца, то сдѣлайте то же. Все мое имѣніе я отдаю тѣмъ, кому оно должно принадлежать по праву.

Дѣти согласились обречь себя вѣчнымъ молитвамъ за преступленіе отца и удалились вмѣстѣ съ нимъ въ монастырь св. Эразма, и тамъ, послѣ смерти старика Цѣхановецкаго, дожившаго въ постоянныхъ терзаніяхъ совѣсти до самыхъ преклонныхъ лѣтъ, и послѣ смерти шестерыхъ его сыновей, пресѣклась ложная фамилія Цѣхановецкихъ, а настоящіе обладатели этого имени, прежде обѣднѣвшіе, получили все то что у нихъ было отнято.

XX.

Янъ Деккертъ.

○○○○

Утвердительно можно сказать, что ни одно племя не представляло столько разнообразныхъ видовъ государственнаго управленія, сколько представило ихъ племя славянское: на сѣверѣ, въ Новгородѣ, оно образовало могущественную торговую республику; на югѣ, въ Малороссіи, — военную; посреди ихъ сперва явилась держава, дѣлившаяся между членами одного рода, потомъ изъ соединенія этихъ раздробленныхъ государственныхъ участковъ возникло московское единодержавіе; далѣе на юго-западѣ, въ Черногорьѣ, одна изъ славянскихъ отраслей составила другую военную общину, въ которой съ властью народнаго вождя соединился санъ святителя. Несомнѣнно однако, что самое своеобразное государственное устройство представляла Польша.

Изъ помѣщаемыхъ здѣсь очерковъ и рассказовъ читатель можетъ составить себѣ общее понятіе о томъ поло-

женіи, въ которомъ находилась Польша предъ концомъ своего самобытнаго существованія, и поэтому въ настоящемъ разсказѣ пояснимъ только тѣ событія, которыя приготовили 3-е мая 1791 года, день, когда могла начаться для Польши новая политическая жизнь.

Около второй половины XVIII столѣтія, безпорядки въ правленіи Рѣчи-Посполитой, развращенность и подкупность большей части лицъ высшаго класса, буйство мелкой шляхты и угнетеніе низшихъ сословій достигли крайнихъ предѣловъ, и очевидно было, что для прекращенія всей внутренней неурядицы и для избавленія Польши отъ вліянія на нее ея сосѣдей, пользовавшихся такимъ ходомъ дѣлъ, необходимо было сдѣлать коренныя государственныя преобразованія. Потребность ихъ стали сознавать и сами поляки, но стремленія къ новизнѣ и происходяція отъ нихъ замѣшательства породили въ Польшѣ недовѣріе одного сословія къ другому, взаимную боязнь и зависть и наконецъ открытую вражду между разными партіями, доходившую нерѣдко до ожесточенія и заставлявшую, изъ личныхъ видовъ, забывать пользу и честь роднаго края.

Августъ II, а потомъ и Понятовскій замышляли сдѣлать польскій престоль наследственнымъ; вообще поляки сознавали пользу этого преобразованія, которое могло отворотить отъ Польши прямое участіе сосѣдей въ выборѣ короля и подчиненіе его черезъ это чужеземному вліянію; но вмѣстѣ съ тѣмъ польская шляхта видѣла въ наследственности престола уничтоженіе всего того что было ей такъ дорого и что въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ такъ тѣсно слилось съ государственнымъ бытомъ Польши. Среднее сословіе, для котораго желательно было установить

наслѣдственность престола, какъ средство, уничтожавшее отяготительное вліяніе шляхты на гражданъ Рѣчи-Посполитой, не имѣло никакого вліянія на рѣшеніе государственныхъ дѣлъ; о крестьянствѣ, или хлопствѣ, и говорить нечего; казалось, что въ Польшѣ всѣ позабыли даже о его существованіи. Такимъ образомъ весь ходъ государственныхъ дѣлъ сосредоточился къ описываемому времени на сеймахъ, гдѣ всего болѣе проявлялся духъ магнатскихъ партій, гдѣ завязывалась борьба ихъ между собой и возникали рѣшительныя противодѣйствія нѣкоторымъ королевскимъ намѣреніямъ.

Августъ II, не присмотрѣвшись еще хорошенько къ современному быту Польши, надѣялся сдѣлать престолъ ея наслѣдственнымъ въ саксонскомъ домѣ съ помощію своего нѣмецкаго войска и при содѣйствіи нѣкоторыхъ польскихъ магнатовъ. Поэтому, чтобы предотвратить вліяніе шляхты, крѣпко отстаивавшей свое избирательное право, онъ старался отучить поляковъ отъ сеймовъ и не собиралъ ихъ почти въ продолженіе тридцати лѣтъ своего царствованія; впослѣдствіи, увидѣвъ свою ошибку и убѣдившись въ невозможности достигнуть своихъ намѣреній безъ содѣйствія шляхты, онъ рѣшился дѣйствовать иначе. Его приверженцы разбѣзжали по Литвѣ и Польшѣ и старались склонить даже самыхъ убогихъ дворянъ къ подаванію голосовъ въ пользу наслѣдственности польскаго престола въ саксонскомъ домѣ; но шляхта поняла въ чемъ дѣло: она предвидѣла, что если соберется въ Варшавѣ сеймъ, то королю удастся осуществить свои замыслы, и потому она теперь въ свою очередь старалась не допускать собранія общаго сейма. Средство къ этому было легкое: стоило только,

чтобы не составлялись мѣстные сеймки, и шляхта дѣйствовала съ этою цѣлью неумолимо. Наконецъ въ январѣ 1733 года королю удалось собрать давно-желанный сеймъ; на немъ онъ хотѣлъ рѣшить дѣло о наслѣдїи польскаго и литовскаго престоловъ въ саксонскомъ домѣ, но смерть не допустила его исполнить давно-затѣянные замыслы; Августъ II умеръ въ Варшавѣ 1-го февраля 1733 года, и сеймъ разошелся.

Въ царствованіе Августа III внутренній раздоръ въ Польшѣ усилился еще болѣе; наконецъ дошло до того, что въ послѣдніе годы его правленія послы на сеймахъ сажались уже не на тѣхъ мѣстахъ, которыя имъ, какъ представителямъ извѣстнаго края, были назначены по закону и по обычаю, но рассаживались по партіямъ, приходили на засѣданія не одни, но въ сопровожденіи вооруженныхъ приверженцевъ и большею частію надѣвали панцири подъ платья. Когда оканчивалось засѣданіе, то послы опасались расходиться по одиночѣ и выходили вдругъ. Соединившись партіями, они отправлялись домой уже не въ каретахъ, какъ прїѣзжали, но верхомъ, боясь, что послѣ бурныхъ засѣданій можетъ на улицахъ Варшавы завязаться бой между приверженцами разныхъ партій, и рассчитывали на то, что среди общаго смятенія въ каретѣ не такъ легко будетъ пробраться сквозь разъяренную толпу, какъ ускользнуть отъ нея верхомъ.

Особенно, по бурливости своей, былъ замѣчателенъ сеймъ 1761 года; на немъ нѣкоторые послы, чтобъ обмануть своихъ противниковъ, выставляли свои имена на спискахъ всѣхъ партій, но когда наступала рѣшительная минута, тогда они неожиданно поддерживали только ту партію, съ кото-

рой они дѣйствительно принадлежали. Такой способъ дѣйствія не только обезсиливаль противную сторону, но и отнималъ у нея бодрость и поселялъ въ ней недовѣріе къ прочимъ приверженцамъ; короче, уничтожалъ всѣ ея планы, всѣ ея расчеты.

На сеймѣ 1761 года распри пословъ дошли до того, что двухъ князей Радзивиловъ съ ихъ гусаромъ выбросили въ окно изъ комнаты, въ которой происходили засѣданія. Наконецъ, по смерти Августа III, въ 1763 году, въ Польшѣ явился небывалый случай: противники князей Чарторыхскихъ, имѣвшихъ въ то время огромное вліяніе на ходъ дѣлъ въ Рѣчи-Посполитой, чтобъ уничтожить это вліяніе, дѣйствовали такъ, что сеймъ, собранный для избранія короля, долженъ былъ прекратиться, и Польша оставалась безъ короля, въ ужасномъ безпорядкѣ, около одиннадцати мѣсяцевъ.

Въ 1764 году былъ избранъ въ короли Станиславъ-Августъ Понятовскій. Поляки весьма основательно укоряютъ Понятовскаго, что онъ предпочиталъ личныя свои выгоды и свой личный санъ, а также утвержденіе на польскомъ престолѣ рода Понятовскихъ, не только славѣ, но даже и самобытности своего роднаго края. Съ послѣднимъ намѣреніемъ короля, конечно, никакъ не могли освоиться ни магнаты, которые сами мечтали о коронѣ, ни шляхта, которая могла располагать ею по своему произволу. Съ другой стороны, спокойствіе Польши и устраненіе на дѣла ея чужеземнаго вліянія требовали уничтоженія партій, а этого можно было достигнуть только двумя способами: установленіемъ наслѣдственности престола и укрощеніемъ своеволія шляхты. Первое трудно было исполнить, для исполне-

нія же втораго королю вскорѣ представился удобный случай.

Въ 1789 году начался такъ-называемый великій сеймъ; два вопроса занимали его главнымъ образомъ: одинъ—какъ добыть денегъ на содержаніе войска, которое предполагалось увеличить до 100.000, другой — какой учредить въ Польшѣ образъ правленія, который былъ бы проченъ, утвердился бы общее спокойствіе и пришелся всѣмъ по сердцу. Въ это время явился въ Польшѣ новый дѣятель: это былъ—Янъ Деквертъ. Казалось, судьба не предназначала ему никакого блеска. Съ молодости Янъ Деквертъ занимался только двумя предметами—торговлею и охотою; послѣдняя страсть сблизила его съ саксонскими офицерами; они, какъ пріатели Декверта по охотѣ, сдѣлались постоянными его покупателями и доставили ему по торговлѣ большіе успѣхи. Около того же времени богатый варшавскій купецъ Марциновскій имѣлъ красавицу дочь Юлію. Цѣлая Варшава не могла надивиться ея прелестямъ; блестящая польская молодежь ухаживала за нею, стараясь получить ея руку; но какъ обыкновенно бываетъ, что богатныя дѣвушки, окруженныя толпою поклонниковъ, дѣлаются слишкомъ разборчивыми, такъ точно и Юлія, не замѣчая того, что время летитъ быстро, и отказывая по очереди всѣмъ женихамъ въ ожиданіи еще лучшаго, засидѣлась въ дѣвкахъ; между тѣмъ явилась новая красавица, всѣ отхлынули отъ Юліи, и она принуждена была выдти замужъ за Декверта. Ея значительное состояніе, при бережливости Декверта и при капиталѣ, имъ самимъ нажитомъ, составили замѣчательное состояніе. Деквертъ сталъ употреблять его на пользу общую, и Рѣчь-Посполитая, признательная ему за его добрыя дѣла, дозволила ему купить населенное имѣніе. Деквертъ легко могъ

получить дворянское достоинство, но онъ самъ не хотѣлъ этого: онъ желалъ лучше быть первымъ мѣщаниномъ, чѣмъ послѣднимъ шляхтичемъ; онъ хотѣлъ облагородить свое неизвѣстное еще имя чѣмъ-нибудь болѣе высокимъ, чѣмъ дворянствомъ, короче—онъ рѣшился доказать, что сословіе городскихъ обывателей было, должно и можетъ быть равнымъ шляхтѣ.

Достигнувъ почетнаго званія президента Варшавы, которое соотвѣтствуетъ званію городского головы, и постановивъ употребить свои богатства на пользу того сословія, къ которому онъ принадлежалъ самъ, Деккертъ сталъ приводить въ исполненіе свои похвальные намѣренія. Онъ началъ съ того, что собралъ вокругъ себя людей, хорошо изучившихъ исторію Польши, и съ помощію ихъ отыскалъ тѣ акты объ избраніи польскихъ королей, которые были подписаны мѣщанами вмѣстѣ съ шляхтою, также такіе, изъ которыхъ видно было, что паны вступали въ число городскихъ обывателей, и что они, безъ утраты шляхетскаго достоинства, подчинялись городскому праву; что сенаторы занимали городскія должности, и что мѣщане имѣли право пріобрѣтать помѣстья, что они могли подлежать аресту только въ такихъ случаяхъ, какъ и шляхтичи, что города управлялись сами собою, и что наконецъ мѣщане представляли свободное сословіе, пользовавшееся такими же привилегіями, какъ и шляхта. Собравъ всѣ эти акты въ одну книгу, Деккертъ оповѣстилъ городъ, что если они хотятъ узнать свои права и выйти изъ того униженія, въ которомъ они находятся, то пусть они къ извѣстному сроку пришлютъ въ Варшаву своихъ делегатовъ; собраніе городскихъ представителей Деккертъ назвалъ коалиціею горо-

довъ, а не конфедераціею, такъ-какъ съ послѣднимъ словомъ соединялось въ Польшѣ понятіе о своеволии и насиліи.

На зовъ Деккерта собрались въ Варшаву городскіе депутаты; казалось, шляхта забыла совсѣмъ, что въ Рѣчи-Посполитой есть, кромѣ ея, и другіе еще люди, но Деккертъ и созванные имъ представители городовъ напомнили дворянству, что не оно одно составляетъ цѣлый народъ и что всѣ граждане должны быть равны предъ лицомъ отечества. Деккертъ, въ сопровожденіи депутатовъ, одѣтыхъ въ черное платье, отправился къ королю и почтительно предъявилъ ему тѣ права, которыми при его предшественникахъ пользовались въ Рѣчи-Посполитой городскія сословія. Король милостиво принялъ городовыхъ депутатовъ, призналъ представленіе ихъ основательнымъ; но въ то же время объявилъ имъ, что онъ самъ по себѣ ничего для нихъ сдѣлать не можетъ, и что они должны обратиться къ сейму.

Исполняя волю короля, представители городовъ вошли попарно въ залу сеймовыхъ засѣданій. Скромно объявилъ Деккертъ членамъ сейма причину своего появленія и прибытія лицъ, его сопровождавшихъ; онъ выразилъ ихъ желанія и изложилъ предъ сеймомъ тѣ факты, на которыхъ городскія сословія основывали свои права; въ это время, по распоряженію Деккерта, членамъ сейма роздана была составленная имъ записка, объяснявшая, что города не требуютъ для себя никакихъ новыхъ преимуществъ, но только просятъ о восстановленіи тѣхъ правъ, которыя имъ принадлежали издревле.

Сеймъ, какъ казалось, благосклонно принялъ представ-

леніе городскихъ сословій и обѣщался заняться ихъ дѣломъ. Между тѣмъ черное одѣяніе городскихъ депутатовъ стали объяснять двояко: одни принимали это какъ знакъ покорности, другіе — какъ предвѣстіе той печали, которою угрожаютъ Рѣчи-Посполитой возстающіе горожане. Вообще же, видя стремленіе ихъ къ уравниенію своихъ правъ съ правами шляхты, члены сейма, стараясь остановить это стремленіе, положили дать дворянство почетнѣйшимъ мѣщанамъ, и 300 изъ нихъ получили это достоинство. Послѣ этого тщетны были дальнѣйшія попытки Деккерта вернуть своимъ сословникамъ ихъ древнія права. Измученный неравною борьбою и неизбѣжными съ нею неудачами, Деккертъ умеръ съ горя, оставивъ сейму письмо, исполненное горькихъ и вмѣстѣ съ тѣмъ справедливыхъ укоризнъ. Казалось, со смертію его, шляхта не могла опасаться городскихъ сословій, потому что они остались безъ руководителя; казалось, король лишился всякой поддержки противъ шляхты; онъ старался поднять городскія сословія, чтобъ ими подавить своеволіе шляхты, недопускаящей наслѣдственности польскаго престола; но дѣло вышло иначе: 3-е мая было уже недалеко.

Предметы, подлежашіе обсужденію сейма, не могли быть рѣшены въ скоромъ времени, и поэтому 18-го ноября 1790 года было объявлено о продолженіи сейма и въ 1791 году. По обычаю, издавна существовавшему въ Польшѣ, универсалы о сеймикахъ, предшествовавшихъ сейму, должны были выходить за четыре недѣли до начатія самыхъ сеймиковъ, которые обыкновенно открывались 8-го сентября, въ день Рождества Богородицы. Въ настоящее же время сеймъ объявилъ, что, видя способности находящихся на немъ по-

словъ, онъ намѣренъ продолжать съ ними и дальнѣйшія свои засѣданія. Обстоятельство это весьма неблагопріятно подѣйствовало на умы поляковъ. Обыкновенно сеймовые послы сѣдѣли, какъ можно скорѣе, оканчивая дѣла на сеймѣ, потому что пребываніе пословъ въ Варшавѣ не только могло разстроивать ихъ домашія дѣла, но и требовало часто особнхъ значительныхъ издержекъ. Поэтому въ прежнее время обыкновенно послы сѣтовали на продолженіе сейма, указывая на это обстоятельство, какъ на причину своего разоренія. На великомъ же сеймѣ случилось противное: сами послы желали оставаться представителями своего края на дальнѣйшее время.

Предъ разсужденіемъ о продолженіи сейма началась рѣчь объ избраніи будущаго короля. Самъ Понятовскій заговорилъ объ этомъ; но рѣшеніе вопроса, избрать-ли только ему преемника, или сдѣлать вмѣстѣ съ этимъ польскій престолъ наслѣдственнымъ въ томъ родѣ, на который падеть выборъ, король предоставилъ государственнымъ чинамъ. Надобно замѣтить, что еще до 1791 года являлась въ рѣчахъ и въ печати мысль о томъ, какое правленіе лучше для Польши: избирательное или наслѣдственное? Объ этомъ нѣсколько разъ пытался заговорить при началѣ сейма и Понятовскій; но обыкновенно дѣло это какъ-то заминали и откладывали на будущее время. Теперь вопросъ объ этомъ вдругъ получилъ быстрое движеніе. Послѣ долгихъ разсужденій и упорныхъ споровъ рѣшено было большинствомъ голосовъ—сдѣлать престолъ польскій наслѣдственнымъ. Но такой способъ рѣшенія этого дѣла былъ недостаточенъ, возникъ вопросъ: утвердить-ли это постановленіе тотчасъ на сеймѣ, или послать его на предварительное разсмотрѣніе сей-

миковъ. Большинство держалось послѣдняго мнѣнія, и мнѣніе это взяло верхъ. Сеймовымъ маршаламъ поручено было, чтобъ при универсалахъ, собиравшихъ шляхту на сеймики, была приложена повѣстка съ приглашеніемъ шляхты давать свое рѣшеніе и по дѣлу о наслѣдственности престола, съ тѣмъ, что если они согласятся на это, то обратили бы свой выборъ на саксонскій домъ, такъ какъ память о царствованіи его въ Польшѣ, въ продолженіе слишкомъ полувѣка, живетъ еще въ памяти народной.

Такимъ образомъ Понятовскій достигъ только сущности дѣла, но не исполненія своихъ давнишнихъ замысловъ. Не ожидая однако рѣшенія, которое состоится на сеймикахъ, онъ отважился идти впередъ и, конечно, могъ надѣяться, что, дѣйствуя въ пользу городского населенія и подавляя свѣжею его силою упадавшую крѣпость шляхты, онъ достигнетъ своей цѣли.

Наступило 3-е мая 1791 года. Наканунѣ этого дня король оповѣстидъ всѣ магистраты и цехи Варшавы, чтобы всѣ ихъ старшины собрались въ сенаторской избѣ, а прочіе горожане были бы вооружены, кто чѣмъ можетъ, кто пистолетомъ, кто ружьемъ, кто топоромъ, кто саблей, и чтобы въ то время, когда начнется засѣданіе, они заняли всѣ выходы изъ сеймовой избы и дворъ замка, и были бы готовы исполнять все то что имъ прикажутъ старшины. Въ день 3-го мая король окружилъ себя преданными ему офицерами и расположилъ отряды войска по разнымъ частямъ королевскаго замка. Когда собрались члены сейма, король явился среди ихъ и объявилъ имъ, что онъ получилъ донесенія польскихъ посланниковъ изъ Берлина, Вѣны, Парижа и Гаги о томъ, что Польшѣ угрожаетъ новый раз-

дѣль. Тогда бывшіе на сторонѣ короля послы, а между ними первый краковскій посолъ Линовскій, обратились къ королю и въ лестныхъ выраженіяхъ высказали, что только мудрость его одного можетъ спасти отечество отъ угрожающей опасности. Въ отвѣтъ на рѣчи своихъ приверженцевъ, король объявилъ, что онъ не видитъ другихъ средствъ для предотвращенія опасности, какъ только предоставитъ городамъ вольность, чтобы тѣмъ самымъ соединить городскія сословія со шляхтою, и немедленно объявить польскій престолъ наслѣдственнымъ.

Сообщивъ сейму свое мнѣніе, король приказалъ прочесть заранѣе приготовленный проектъ по этимъ двумъ статьямъ. Секретарь сталъ читать, но вдругъ не только въ залѣ засѣданій, но и въ корридорѣ и на дворѣ раздались громкія восклицанія: „Вивать вольность городовъ! Вивать наслѣдственность престола!“ Противники короля стали возражать, что рѣшеніе этихъ постановленій надлежитъ предоставить всѣмъ государственнымъ чинамъ, что половины пословъ нѣтъ на сеймѣ, что нельзя окончить этихъ дѣлъ такъ поспѣшно; нѣкоторые объявили, что самое согласіе членовъ сейма должно считать вынужденнымъ угрозой, потому что толпы горожанъ созваны королемъ не для спасенія государства, но для гибели шляхты. На эти возраженія сеймовый маршалъ Малаховскій отвѣчалъ, что предметы эти столь важны, что нельзя терять времени, откладывая ихъ рѣшеніе.

Напрасно калишскій посолъ Сухоржевскій растянулся брестомъ на полу залы, бился, рвалъ волосы, колотилъ ногами и кулаками по полу крича во все горло: „стойте, подождите, разрубите меня на части, а потомъ уже гиб-

нитѣ!“ вопли его были заглушены криками: „Вивать!“ Королю успѣшили подать Евангеліе, и онъ предъ Турскимъ, епископомъ краковскимъ, далъ присягу защищать уложеніе 3-го мая до послѣдней капли крови. Послѣ этого король пригласилъ всѣхъ наличныхъ членовъ сейма въ приходскій костелъ для подобной же присяги и такимъ образомъ дѣло о вольности городовъ и о наслѣдіи польскаго престола, длившееся два года, было кончено въ нѣсколько минутъ.

XXI.

Хозяинъ и гость.

Старинная Польша отличалась гостипріимствомъ. „Гость въ домъ, Богъ въ домъ“ говоритъ одна польская пословица. Принять въ своемъ домѣ гостя и отпустить его отъ себя вполне довольнымъ, взявъ съ него обѣщаніе пріѣхать снова было для поляковъ прежняго покроа однимъ изъ высшихъ наслажденій.

Чтобы какъ можно яснѣе выразить это чувство, сродное впрочемъ всему славянскому племени, одинъ богатый шляхтичъ приказалъ на своемъ домѣ сдѣлать слѣдующую надпись: „для пріятелей, земляковъ и соотчичей и во славу Бога построилъ я этотъ замокъ.“ Недостаточно было, однако, только накормить заѣзжаго гостя, нужно было умѣть напоить его. Не будемъ удивляться, что страсть пить была необыкновенно развита въ Польшѣ; это было, впрочемъ, не пьянство, а удалыя попойки въ пріятельскомъ кругу. Быть самому крѣпкоголовымъ и спить своихъ гостей считалось

въ прежнее время у поляковъ однимъ изъ главныхъ условій радушнаго приѣма. Люди, умѣвшіе лихо пить, приобретали себѣ почетную извѣстность. Въ этомъ искусствѣ были своего рода конкурсы и преміи. Такъ, въ началѣ царствованія Августа II, воевода равскій Валицкій велѣлъ сдѣлать огромный серебряный кубокъ, оспагать его драгоцѣнными камнями и объявилъ по всей Польшѣ и по всей Литвѣ, что тотъ, кто выпьетъ разомъ этотъ кубокъ, вмѣщавшій въ себѣ гарнецъ, тотъ получитъ его въ подарокъ, но что тотъ кто возьмется за это, и этого не исполнитъ, вмѣсто кубка, получитъ 50 батоговъ. Множество гостей-конкурентовъ приѣзжали къ воеводѣ; иные посмотрятъ на кубокъ, пошепчутся между собой, поѣдятъ, попьютъ у воеводы, да и съ Богомъ домой: нечего напрасно и искушать себя. Но были и такіе, которые уѣзжали отъ воеводы, увозя съ собою, вмѣсто кубка, память о полсотнѣ батоговъ и сознаніе своей немощи. Были наконецъ и такіе, которые разставались съ гостепріимнымъ хозяиномъ, не по полученіи отъ него 50-ти, но цѣлой сотни батоговъ, потому что, жадно посматривая на дорогой кубокъ, они принимались за него два раза, и каждый разъ исполненіе обоюдныхъ условій оканчивались батогами. Чтобы не сдѣлать расправу позорною въ глазахъ братьи-шляхты, воевода приказалъ вырѣзать на кубкѣ надпись: *Volenti non fit injuria* въ томъ смыслѣ, что въ полученіи пятидесяти батоговъ, по своему собственному согласію, нѣтъ ничего предосудительнаго для шляхтича. Прошелъ годъ въ такихъ напрасныхъ попыткахъ. На другой годъ явился изъ Литвы одинъ удалецъ и успѣлъ увести кубокъ съ собою.

Позднѣе Валицкаго, Адамъ Малаховскій, этотъ образецъ благородства и рыцарства, поставилъ себѣ въ обязанность

уаивать своихъ гостей, но онъ уаивалъ ихъ до того, что всѣ наконецъ стали объѣзжать мимо радушнаго хозяина. Нѣсколько гостей были жертвою его дружескаго приѣма и улеглись на кладбищѣ въ имѣніи Малаховскаго. Если нужно было кому нибудь непременно видѣть Малаховскаго, то они предварительно вступали съ нимъ въ переговоры о количествѣ, которое должно быть выпито въ его домѣ, и брали отъ него особня въ этомъ случаѣ подписки. Малаховскій былъ честенъ, и слѣдовательно на него можно было положиться, но только трудно было добыть отъ него такое обязательство. Притомъ слуги, которые посылались къ Малаховскому для подобныхъ переговоровъ, были опаиваемы имъ въ теченіе нѣсколькихъ дней, и поэтому паны, желавшіе видѣть Малаховскаго, должны были жить въ его сосѣдствѣ иногда очень долго, поджидая возвращеніе своихъ загулявшихъ посланцевъ.

На большихъ пирахъ и на пріятельскихъ сходбахъ дѣло обыкновенно оканчивалось тѣмъ, что сперва гостей, одного за другимъ, а потомъ и самого хозяина выносили изъ-за стола въ безпамятствѣ и укладывали на постели, другіе предупреждали такіе выносы тѣмъ, что сами спускались подъ столъ и тамъ оставались покуда не приходили въ себя.

Такая страсть къ выпивкѣ еще въ началѣ XVIII вѣка существовала и у насъ; стоитъ только заглянуть въ дневникъ гольштинскаго камеръ-юнкера Берхгольца, чтобъ видѣть, какъ славно пили при дворѣ Петра I, какъ онъ заставлялъ пить и пословъ, и придворныхъ дамъ, а для того, чтобы никто не могъ уклоняться отъ этого, ставилъ къ дверямъ военный карауль.

У поляковъ угощеніе и попойка, кромѣ значенія ихъ какъ

проявленія гостепрѣимства, имѣли еще политическую важность. Магнаты поддерживали свое вліяніе среди мелкой шляхты, кормя ее и поя на свой счетъ. Такъ извѣстный Карлъ Радзивиль, имѣвній прозваніе „Panie Kochanku“, прѣзжая на сеймикъ въ Новогрудокъ, обѣдалъ два раза, сперва ѣлъ съ мелкою шляхтою рубцы (фляки) и крупничекъ, а потомъ обѣдалъ во второй разъ съ значительными шляхтичами. Для такихъ угощеній убивали на счетъ Радзивила ежедневно двухъ воловъ.

Конечно, это было злоупотребленіе гостепрѣимства людьми сильными, но задушевное польское радушіе встрѣчалось въ среднемъ кругѣ, у не слишкомъ важныхъ шляхтичей. Туда собирались толпы гостей, обыкновенно къ именинамъ хозяина и хозяйки.

Въ первой половинѣ прошлаго столѣтія самыя богатые поляки жили очень просто. Первые роскошныя замки, въ итальянскомъ вкусѣ, стали являться у подольскихъ и волыньскихъ магнатовъ, вслѣдствіе открытія русскимъ оружіемъ торговли на берегахъ Чернаго моря; туда изъ своихъ помѣстій стали отправлять хлѣбъ и пшеницу польскіе паны и оттуда стали получать большія деньги. Въ прежнее же время было не такъ. Вмѣсто англійскихъ садовъ, которыми зажиточныя паны стали окружать свои жилища, стояло обыкновенно передъ помѣщичьимъ домомъ нѣсколько липъ; иногда передъ домомъ было озеро или прудъ, и по берегамъ ихъ были посажены гряды табаку, капусты, свекловицы и иныхъ овощей. Между домомъ и липовыми аллеями росли махровыя розы, сирень и маргаритки. Къ одной изъ сторонъ дома, противоположной главному фасаду, примыкалъ обширный дворъ, и часть его была засѣяна макомъ и анисомъ.

Заборъ дѣлали изъ высокаго дубоваго частокола; за внѣшней стороною забора былъ широкій выгонъ, который большею частію замыкался полукругомъ хатъ. На дворѣ былъ панскій домъ, иногда, смотря по состоянію хозяина, и на каменномъ фундаментѣ; подлѣ дома была кухня и особня избѣ для гостей, нарочно выстроенныя заботливымъ хозяиномъ. Напротивъ кухни устроивался амбаръ; въ немъ хранились водка, солонина, ветчина и прочее. Годовые запасы амбара истреблялись иной разъ совершенно въ нѣсколько дней пріѣхавшими гостями, которымъ ни въ чемъ не было отказа.

У воротъ устроивались голубятня и коптильня.

Но прежде, чѣмъ намъ удастся побывать въ палатахъ магната, посмотримъ жилище, довольно зажиточнаго шляхтича. Домъ его, если только онъ былъ довольно великъ, слылъ въ околоселѣхъ подъ громкимъ именемъ замка. Надъ крыльцомъ висѣлъ гербъ владѣльца. Крыша дома была высока и покатица; подъ нее обыкновенно ссыпалась мука.

Съ крыльца гости входили въ просторныя сѣни, отопляемыя зимой; тамъ, если не было въ домѣ гостей, сидѣла прислуга, занимаясь весьма-часто приготовленіемъ неводъ. Изъ сѣней гости входили прямо въ гостиную; надъ дверьми, ведшими въ эту комнату, висѣлъ образъ или Борунской, или Ченстоховской, или Остробрамской Божіей Матери. Въ этомъ лучшемъ покоѣ всего дома мебель состояла изъ двухъ дивановъ, дюжины стульевъ, обитыхъ простой холстиной, окрашенной въ клѣточки, изъ двухъ столиковъ и одного комода, окрашенныхъ черною краской. На окнахъ были кисейныя занавѣски, надъ каминомъ было вдѣлано зеркало, а на стѣнахъ висѣли изображенія святыхъ, портреты королей, особенно Августа III, весьма разошедшіеся по всей

Польшѣ, и фамилыные портреты, писанныя неприхотливою кистью мѣстнаго художника, всѣ на одинаковый образецъ, какъ бы для подтвержденія фамилнаго единства ихъ оригиналовъ.

Изъ гостиной одна дверь вела въ спальню, назначенную для самыхъ почетныхъ гостей. Тамъ стояли двѣ широкія лавки съ сѣнниками, закрытыми коврами домашней работы, два дубовыхъ стола, ничѣмъ не покрытые; на одномъ изъ нихъ стояла туалетка съ шашешницею, на другомъ — деревянное распятіе; въ этой комнатѣ было еще шесть стульевъ, а на стѣнѣ висѣлъ образъ. Одинъ изъ двухъ входовъ въ эту комнату былъ обыкновенно запертъ и отпирался только передъ тѣми гостями, которымъ хозяинъ дома оказывалъ особенную честь, помѣщая ихъ на ночлегъ въ этой, а не въ другой комнатѣ. За перегородкою этой комнаты стояла кровать самага хозяина подъ шерстянымъ или ситцевымъ пологомъ; надъ нею обыкновенно висѣлъ образъ, переходившій посредствомъ благословеній, отъ одного поколѣнія къ другому въ родѣ хозяина. Подъ образомъ была пригвѣлена свѣча, называемая у поляковъ громница, освящаемая въ праздникъ Срѣтенія Господня и даваемая въ руки умирающимъ; подъ образомъ же висѣла въ кувшинчикѣ святая вода съ кропиломъ, нѣсколько вербъ и вѣнковъ, сдѣланныхъ для католическаго праздника „Божьяго Тѣла“. У хозяйской постели стоялъ большой столъ, покрытой иногда сукномъ, иногда скатертью; на этомъ столѣ было поставлено распятіе, съ которымъ во время грозы бѣгали мальчики кругомъ дома, спасая его отъ ударовъ молніи.

Сѣни отдѣляли столовую отъ гостиной. Въ столовой находился столъ, за которымъ могло помѣститься сорокъ че-

ловѣе; кругомъ стола были лавки, обитыя зеленымъ сукномъ. Въ столовой были часы съ кукушкой и шкапъ для буфета.

Вотъ всѣ главныя комнаты хозяина; въ особой сторонѣ дома находились спальни для его жены и дѣтей, не отличившіяся своимъ убранствомъ и мебелью отъ прочихъ покоевъ.

Гости, прїѣзжавшіе къ пану, останавливались, смотря по личной своей важности, или въ домѣ самого хозяина, или въ домѣ его эконома, или въ избѣхъ, нарочно устроенныхъ для гостей; въ случаѣ же большого прилива гостей, молодежь размѣщалась по-крестьянскимъ избамъ. Въ гости ѣздили не только на нѣсколько дней, но и на нѣсколько недѣль, съ цѣлыми семьями. Покуда гости оставались у пригласившаго ихъ, хозяинъ каждый день обходилъ или объѣзжалъ своихъ гостей, если они останавливались у эконома или въ деревнѣ; онъ это дѣлалъ для того, чтобы пожелать имъ добраго утра. Хозяинъ большею частію будилъ гостей, потому что по старопольскимъ обычаямъ не годилось, чтобы гости вставали раньше хозяина; обязанность хозяина была какъ можно болѣе быть внимательнымъ и предупредительнымъ къ своимъ гостямъ.

Въ то же время хозяйка навѣщала гостей женскаго пола, разославъ имъ передъ этимъ кофе съ обильнымъ количествомъ блага хлѣба и со сливками, ею самою вскипяченными.

Посѣщеніе гостей хозяиномъ и хозяйкою происходило очень рано, часовъ въ 6 или 7; около полудня гости собирались въ хозяйскій домъ. Хозяинъ встрѣчалъ каждаго гостя въ снѣгахъ и провожалъ къ женѣ. Почетъ отъ хозяина всѣмъ гостямъ былъ одинаковъ; но за то уже сами гости старались выразить или свое старшинство, или свою

малость передъ хозяиномъ. Поэтому, когда послѣдній всѣмъ своимъ гостямъ безъ различія только кланялся, гости, соображаясь съ своимъ собственнымъ значеніемъ, цѣловали хозяина или въ плечо, или въ колѣно. Входя въ гостиную, всѣ мужчины подходили къ ручкѣ сперва къ хозяйкѣ дома, потомъ къ ея дочерямъ, а потомъ и ко всѣмъ дамамъ.

Когда всѣ гости собирались, то слуга приносилъ водку и закуску; хозяинъ снималъ саблю и говорилъ: господа, прошу быть гостями! Вслѣдъ за хозяиномъ всѣ гости снимали сабли и ставили ихъ по угламъ; но если въ это время являлся сенаторъ, или другой какой-нибудь знатный сановникъ, то всѣ снова надѣвали свои сабли и выходили вмѣстѣ съ хозяиномъ на встрѣчу ясновельможному гостю. Особенно-важныхъ гостей хозяинъ дома, со всѣми своими гостями, встрѣчалъ на границахъ своихъ владѣній; такому гостю всѣ встрѣчавшіе кричали: вивать! называя его краскою своего околотка. Всѣ сходили съ коней, даже въ самый глубокой снѣгъ; то же самое дѣлала и встрѣчаемая знатная особа, не смотря на просьбы встрѣчающихъ, чтобъ ясновельможный не беспокоился и не вылѣзалъ изъ саней. Такія встрѣчи продолжались иногда нѣсколько часовъ, потому что знатный гость обходилъ всѣхъ встрѣтившихъ его шляхтичей и цѣловался съ каждымъ, а потомъ ужъ садился не въ сани, а на коня. Послѣ того высшей степенью вѣжливости было опередить такого гостя и встрѣтить его всею ватагой у крыльца хозяйскаго дома.

По прибытіи знатнаго гостя хозяинъ уже не снималъ сабли, а ожидалъ, покуда это сдѣлаетъ почетный посѣтитель, и только тогда предлагалъ прочимъ гостямъ поставить по угламъ свои сабли; но чуть только старшій гость

брался за саблю, какъ всѣ видались по угламъ, чтобъ надѣть свои сабли.

По прибытіи всѣхъ гостей и по принесеніи водки, хозяинъ наливалъ первую рюмку и самъ выпивалъ ее (обычай этотъ и донинѣ сохраняется въ польскихъ домахъ) и потомъ рюмку вмѣстѣ съ бутылкою передавалъ самому почетному гостю, этотъ слѣдующему и такъ далѣе. Послѣдній изъ гостей, пившій водку, наливалъ рюмку слугѣ, который, опорожнивъ ее тутъ же, уносилъ водку. Тогда всѣ принимались за вощеное. Но если среди гостей былъ ксендзь, то питье водки начиналось съ него, хотя бы въ числѣ гостей и былъ сенаторъ. Послѣ закуски, ожидая обѣда, садились играть въ карты; обыкновенно играли въ марьяжъ по злоту.

Неигравшіе мужчины толковали о сеймахъ, о послахъ, женщины толковали о хозяйствѣ и руководѣніяхъ; сплетничали въ ту пору довольно рѣдко.

Около второго часу входилъ человекъ съ салфеткою на плечѣ и докладывалъ тихо хозяину, что столъ готовъ, а хозяинъ, обращаясь къ своей женѣ, громко говорилъ ей: проси такого-то къ столу! Разумѣется, избирался для этого самый почетный гость. Тогда мужчины брали дамъ подъ руку и шли въ столовую. Всѣ садились за столъ, кромѣ хозяина, который переходилъ отъ гостя къ гостю, предупреждая желаніе каждаго.

Во время обѣда старше слуги имѣли право вмѣшиваться въ разговоры хозяина и гостей, особенно если рѣчь шла объ умершихъ панахъ. Послѣ перваго кушанья, начиналось угощеніе виномъ и медомъ изъ малаго круговаго бокала. Обѣдъ былъ продолжителенъ; въ числѣ прочихъ блюдъ

подавали: борщъ, росоль, говядину съ хрѣномъ, рубцы съ инбиремъ, утокъ съ капорцами, индѣекъ съ миндальной подливкой, баплуновъ и тетеревей со свеклою, и разную жареную дичь. Эти блюда перемѣшивались щуками, приготовленными подъ шафраномъ, карпями, поджаренными въ меду, ершами и селявой (родъ ряпушки), подправленной гвоздикой и мускатомъ. У большихъ пановъ, кромѣ этого, подавали медвѣжьи лапы съ вишневымъ соусомъ, бобровые хвосты съ икрой, лосьи ноздри съ грибами, печеныхъ ежей, сернь, поджаренныхъ съ фисташками, и кабаньи головы.

У магнатовъ только для важныхъ гостей былъ во время обѣда токай, для простой же шляхты и молодежи подпивою, рѣдко медъ, на томъ основаніи, что простые и молодые желудки не требуютъ поддержки. Послѣ обѣда хозяинъ приглашалъ гостей помолиться Богу. Чубатня головѣ пожилыхъ гостей благоговѣнно склонялись на широкія волобы груди, и старое поколѣніе набожно шептало молитву, но молодежь около того времени уже начинала шаркать ногами, а нѣкоторые изъ среды ея, жалѣя недопитого, спѣшили опорожнить стоявшіе передъ ними кубки и рюмки. Поѣвши хорошенько, всѣ распускали пояса.

Послѣ обѣда молодые паны и паничи, а также панны и паненки пускались въ танцы. У старинныхъ поляковъ, до введенія вальсовъ, экосезовъ и т. д., были дзигунъ, гайдукъ, цыганка, подолянка и проч., замѣненные потомъ мазуркой, браволякомъ и обертасомъ. Но пока молодежь плясала, пожимая другъ другу ручки, паны тоже не теряли времени, у нихъ начиналась настоящая польская попойка. Подгулявши, они принимались пѣть хоромъ извѣстную польскую пѣсню: „Kosciubusche,“ и когда доходили до словъ:

kurdesz kurdesz, то вскрикивали разомъ *kochaj my się*, т. е. обнимемся, и тутъ-то начинались и объятія, и поцѣлуи, и усиленная выпивка.

Послѣ нѣкотораго времени, кубки и стаканы казались уже маловаты, а къ вечеру брались за такъ-называемые кѣи, огромные бокалы, вышиною чуть-ли не въ аршинъ. Эти кѣи нужно было выпивать разомъ, кто же не могъ этого сдѣлать, тѣхъ обрызгивали виномъ и лили имъ воду за воротникъ. Послѣ такихъ попокъ, если у хозяина и у гостей оставались еще силы, всѣ пытались стать на ноги и начинали читать молитвы, а для облегченія отъ послѣдствій сильной выпивки каждый сѣдалъ огромную миску кислой капусты.

Если гостей было слишкомъ много, такъ что не всѣ могли помѣститься въ домѣ, а время было теплое, то угощеніе происходило на открытомъ воздухѣ. Это всего чаще случалось при сборахъ шляхты для конфедерацій. Въ такихъ случаяхъ шляхтичи размѣщались у хозяина, смотря по своему значенію: одни оставались на дворѣ, другіе сидѣли на крыльцѣ, а третьи были приглашаемы въ домъ. Впрочемъ хозяинъ выражалъ особенную заботливость и о гостяхъ нисшаго разряда, прохаживался между ними, обнималъ, цѣловалъ ихъ, дружески разговаривалъ со всѣми, нѣкоторымъ самъ подносилъ и кушанье, и вино. Но гости этого разряда являлись къ хозяину съ своими ложками, вилками и ножами, которые они имѣли при себѣ за паузой. Пили же они изъ серебрянныхъ хозяйскихъ кубковъ.

Расходы на угощеніе были различны; угощеніе бѣдной шляхты стоило весьма не дорого, но приѣмъ инаго гостя обходился нерѣдко въ 30.000 злотыхъ; разумѣется, что

такого рода приемы могъ давать только магнать магнату или самому королю.

Часто случалось, что при съѣздахъ гостей происходило сватовство; одинъ изъ гостей просилъ руки хозяйской дочери для своего сына, или на оборотъ, и тогда попойка еще болѣе увеличивалась. Гости, поздравляя невѣсту съ помолвкой, снимали узенькій башмачекъ съ ея ножки и пили за здоровье нареченной.

Молодежь оканчивала свое веселье танцемъ, извѣстнымъ подъ названіемъ драбанта и занесеннымъ въ Польшу шведами; это было нѣчто въ родѣ нынѣшняго лансе.

Если пиръ происходилъ наканунѣ заговѣнья, и если въ числѣ гостей былъ ксендзъ, то онъ тутъ же начиналъ свою проповѣдь, и гости, слѣдуя его поученіямъ, утихали и начинали мало по малу приходить въ себя, а по утру всѣ отправлялись въ костель, и въ слѣдующіе дни за тѣмъ не было видно на столѣ ни вина и ни одного скоромнаго блюда, хотя бы гости и оставались еще нѣкоторое время.

XXII.

Сѣверскіе послы.

Княжество Сѣверское было въ Рѣчи Посполитой удѣльнымъ владѣніемъ князя епископа краковскаго, а потому, когда на епископскую кафедру въ Краковѣ сѣлъ Петръ Гембицкій, то сѣверская шляхта опредѣлила отправить къ новому владыкѣ двухъ пословъ, которые привѣтствовали бы отъ имени ея князя-епископа и представили ему о нѣкоторыхъ потребностяхъ его княжества. Выборъ пословъ сопровождался шумнымъ сѣздомъ мѣстной шляхты. Дружеская веселая пирушка была необходимымъ условіемъ подобныхъ сѣздовъ тогдашняго времени.

На пирушкѣ сѣверской шляхты, послѣ многихъ круговыхъ обходовъ огромной стопы съ крѣпкимъ прадѣдовскимъ медомъ, каждый изъ присутствовавшихъ шляхтичей началъ давать избраннымъ посламъ свои собственныя инструкціи, это какъ могъ, и это какъ сумѣлъ. Широки и длинны были эти инструкціи, а между тѣмъ круговая стопа по през-

нему продолжала обходить какъ избирателей, такъ и избранныхъ. Весело, по старинному обычаю, пировали сѣверскіе шляхтичи, а между тѣмъ мало по малу одни изъ нихъ, вслѣдствіе забористаго меда, попадали какъ отравленные мухи, а другіе кое-какъ доплелись домой и улеглись спать.

Не смотря однако на пирушку, длившуюся далеко за полночь, послы встрепенулись чѣмъ-свѣтъ, и сѣвши на коней отправились къ князю-епископу по краковской дорогѣ.

Долго ѣхали они то рядомъ, то обгоняя одинъ другаго, по произволу своихъ коней, такъ какъ сѣдоки едва держали въ рукахъ поводья, и кони ихъ шли какъ хотѣли. Послѣ безсонной ночи и послѣ дикой выпивки, ихъ одолевала еще сладкая утренняя дремота. Но вотъ все выше и выше стало подниматься майское солнце, и все теплѣе и теплѣе начало оно пригрѣвать путниковъ. Послы мало по малу стали разгуливаться и позѣвывать, но въ это время показалась небольшая корчма. При видѣ ея ободрился сперва панъ Вацлавъ, а потомъ и товарищъ его панъ Михалъ. Оба они, приостановивши своихъ коней, вопросительно посмотрѣли другъ на друга.

— День добрый! сказалъ, позѣывая панъ Вацлавъ.

— День добрый! отвѣчалъ панъ Михалъ, тоже позѣывая.

— Вѣдь мы, кажется, ѣдемъ въ Краковъ послами къ князю-епископу?... спросилъ первый.

— А развѣ ты не помнишь данныхъ намъ порученій?... перебилъ хитроватымъ голосомъ его спутникъ.

— Вѣдь о нихъ-то я только что хотѣлъ спросить тебя, отозвался панъ Вацлавъ.

— У меня рѣшительно все вышло изъ памяти послѣ того угощенія, какое намъ задали, проговорилъ панъ Михалъ.

— И у меня медь отбилъ всю память, замѣтилъ товарищъ пана Михала.

— А вѣдь я полагаюся на тебя...

— А я такъ на тебя...

— Хороши же мы! Нечего сказать!... крикнули оба шляхтича въ одинъ голосъ и опять вопросительно посмотрѣли другъ на друга.

Нѣсколько минутъ продолжалось молчаніе. Только конскій топотъ раздавался по дорогѣ.

— Что жъ намъ дѣлать? спросилъ наконецъ панъ Вацлавъ у своего товарища, придерживая коня и въ недоумѣніи пожимая плечами.

Вернуться назадъ, замѣтилъ довольно равнодушно панъ Михаль.

— Стыдно!...

— Такъ поѣдемъ впередъ; что будетъ, то будетъ...

— Пусть будетъ по твоему, отвѣчалъ панъ Вацлавъ — видишь ли не вдалькѣ передъ нами стоитъ корчма: не закусятъ-ли тамъ? Вѣдь извѣстно, что во время ѣды мысли дѣлаются свѣжее и спокойнѣе, мы станемъ припоминать по немногу обо всемъ что съ нами было, и такимъ образомъ по ниткѣ дойдемъ кое-какъ и до клуба...

— Совѣтъ твой сдѣланъ здѣсь кстати, замѣтилъ панъ Михаль: — ошъ кстати, во-первыхъ, потому что желудокъ просить перехватить чего-нибудь, а во-вторыхъ, намъ непремѣнно должно подумать о томъ, зачѣмъ мы ѣдемъ послами отъ нашей братья-шляхты къ его милости князю-епископу.

Пришпоривъ разомъ своихъ коней, которые прежде шли шагомъ, какъ будто желая дать сѣдокамъ возможность подремать на разсвѣтѣ оба шляхтича молодецки подсказали

къ корчмѣ. У [воротъ] ея стоялъ старый еврей Азиекъ, въ шелковомъ потертомъ жупанѣ; онъ поглаживалъ свою бороду и подергивалъ свои пейсы въ ожиданіи проѣзжихъ пановъ. Вѣжливо встрѣтилъ онъ своихъ гостей, объявляя имъ, еще при входѣ ихъ на крыльцо, что у него не только есть овесъ, сѣно, молоко, рыба и яйца, но что у него найдется и такое отличное вино, какого нельзя достать даже и въ Краковѣ.

— А вотъ, панъ арендаторъ, мы это сейчасъ увидимъ!.. крикнули Вацлавъ и Михаль.

Спрыгнувши проворно съ коней, они вошли въ корчму. Покуда гости расправляли ноги и осматривались кругомъ, Азиекъ успѣлъ сбѣгать въ кладовую и вскорѣ явился къ своимъ вельможнымъ гостямъ, неся имъ на пробу нѣсколько фляжекъ венгерскаго.

Проѣзжіе усѣлись за столомъ и въ ожиданіи закуски опершись на столъ локтями, крѣпко призадумались о цѣли своего посольства, стараясь припомнить данныя имъ на этотъ случай инструкціи. Какъ однако они ни силились, все было напрасно, а между тѣмъ поставленное Азиекомъ на столъ венгерское манило ихъ къ себѣ своимъ золотистымъ цвѣтомъ.

— Ну что, панъ Михаль, припомнилъ? спросилъ Вацлавъ.

— А ты?

— А вотъ закусимъ, такъ быть можетъ и вспомнимъ.

Пріятели дружно принялись за поставленную передъ ними закуску. Закуска поубавилась скоро.

— Ну что теперъ, ты вспомнилъ? спросилъ Михаль.

— Нѣтъ еще.

— И я еще нѣтъ.

— Попробуемъ пополоскать горло, сказалъ Вацлавъ — такъ, быть можетъ, память послѣ этого сдѣлается свѣжѣе.

Съ этими словами оба шляхтича принялись за венгерское, которое, по своему превосходному качеству, упрочило въ ихъ мнѣннн славу Азика на вѣки-вѣчные.

Послы однако призадумались крѣпче прежняго, а между тѣмъ передъ ними замѣтно опорожнилась большая миса квашенной капусты, и быстро исчезло все венгерское. Не смотря однако ни на закуску, ни на выпивку, шляхтичи не припомнили данныхъ имъ порученій; мало этого—оказалось даже, что послѣ часовой ѣзды и часоваго питья въ корчмѣ Азика, они не могли пошевелить ни рукой, ни ногой, ни языкомъ, почему они растянулись тутъ же около стола, на скамейкѣ, бормоча другъ другу, что сонъ и отдыхъ необходимы послѣ ѣзды верхомъ и въ особенности послѣ хорошей закуски и отличнаго венгерскаго. Выспавшись порядкомъ они вскочили со всѣхъ ногъ и вопросительно посмотрѣли другъ на друга.

— Ну что жъ теперь, припомнилъ? спросилъ Вацлавъ.

— Снилось что-то, а теперь забылъ опять все!... А ты?...

— И со мной было тоже самое: припоминалъ что-то во снѣ, а теперь хоть по лбухвати, ровно ничего не помню, знаю только то, что мнѣ рѣдко приходилось пить такое славное вино, какимъ поподчивалъ насъ Азигъ.

— А знаешь, пріятель, что намъ нужно сдѣлать для того, чтобъ вспомнить наши порученія? сказалъ Михаль— намъ нужно не торопиться. Вѣдь когда же нибудь мы вспомнимъ все то что намъ поручили. Переночуемъ-ко лучше здѣсь. Неужели же мы и на завтра ничего не вспомнимъ... Хоть бы

чтонибудь вспомнить, а тамъ по ниткѣ доберемся до клубка, повторилъ панъ Михаль.

— А вотъ я помолюсь хорошенько св. Антонію Падуанскому. Молитва его помогала мнѣ всегда находить то что мнѣ случалось терять, замѣтилъ Вацлавъ.

На такіе убедительные доводы очень легко сдались оба пріятеля, и они рѣшились выспаться хорошенько гдѣнибудь въ сараѣ—въ холодеѣ, на душистомъ сѣнѣ. Шляхтичи объявили Азигу о своемъ намѣреніи переночевать въ его ворчмѣ и спросили обѣдать. Услужливый ворчмарь угостилъ ихъ за обѣдомъ рыбой, еврейской лапшой, а за ужиномъ опять подалъ имъ рыбу съ горячительными приправами и яичницу, съ прибавкой отличнаго венгерскаго каеъ за обѣдомъ, таеъ и за ужиномъ.

Послѣ ужина пріятели весело поболтали между собой, и запивая свою бесѣду венгерскимъ дошли уже наконецъ до того, что уже не узнавали другъ друга. Они не отправились спать въ холодокъ, каеъ думали прежде, но въ той же комнатѣ улеглись на сѣнѣ и, каеъ впоследствии рассказывалъ Азигъ, храпѣли таеъ богатырски, что отъ храпу ихъ дрожали стекла

— Уй!... Я боялся, что стекла выскочатъ изъ рамъ, добавлялъ Азигъ, передавая проѣзжимъ о ночлегѣ шляхтичей и въ изумленіи покачивая головой и поправляя на ней свою засаленную ермолку.

На разсвѣтѣ оба шляхтича вскочили со всѣхъ ногъ и вопросительно посмотрѣли другъ на друга.

— Ну что, ты вспомнилъ? спросилъ панъ Михаль.

— Нѣтъ.

— А ты?

— И я тоже.

— Видно, нечистый обморочилъ насъ, сказали въ голосъ оба пріятели.

— Что-жъ дѣлать, вѣдь лбомъ стѣны не прошибешь, сказалъ утѣшающимъ голосомъ панъ Вацлавъ — поѣдемъ лучше дальше; дорога не то, что корчма, гдѣ сидишь въ заперти, на чистомъ воздухѣ другое дѣло, тамъ все вспоминается какъ-то легче.

Оба пріятели безпрекословно согласились въ справедливости этихъ словъ. Разсчитавшись съ Азикою и привѣтливо поблагодаривъ его за радушное угощеніе и за умѣренность въ разсчетѣ, шляхтичи отправились далѣе, во имя божіе. Воздухъ былъ чудный, на поляхъ и въ лѣсахъ гѣли птички; гдѣ жужжалъ жуекъ, гдѣ трещала стрекоза, гдѣ шелкалъ кузнечикъ. Шляхтичи ѣхали молча, и каждый изъ нихъ силился припомнить данныя имъ инструкціи, и только время отъ времени то Вацлавъ у Михала, то Михаль у Вацлава спрашивалъ:

— А что вспомнилъ?

— Нѣтъ, отвѣчалъ обыкновенно и тотъ, и другой.

И затѣмъ оба начинали припоминать позабытое.

Въ каждой встрѣчной корчмѣ послы останавливались на ночлегъ, закусывали, обѣдали, ужинали, пили и спали и потомъ отправлялись далѣе, твердо надѣясь, что если не сонъ, то закуска, если не закуска, то обѣдъ, если не обѣдъ, то ужинъ, если не ужинъ, то чистый воздухъ помогутъ имъ припомнить цѣль ихъ поѣздки къ князю-епископу. Такимъ образомъ, послѣ продолжительнаго странствованія, они добрались наконецъ до Кракова и остановились въ одной изъ тамошнихъ гостинницъ.

Сидя за столомъ, опершись на него локтями, они вѣрше

думали о томъ что имъ слѣдуетъ говорить, явившись передъ княземъ-епископомъ, и вопросительно посматривали другъ на друга, выжидая, кому изъ нихъ посчастливится первому вспомнить забытыя порученія.

— А вѣдь рано или поздно, но все же намъ нужно будетъ идти къ его княжеской и епископской милости, поговорить Вацлавъ, послѣ долгаго молчанія.

— Разумѣется, въ глубокой задумчивости отозвался Михаль.

— Ну, а чтожъ ты ему скажешь отъ имени нашей братьи—шляхты? спросилъ первый.

— Господь какъ нибудь поможетъ намъ. Кто знаетъ, не вспомнимъ-ли мы на нуте къ его дворцу, зачѣмъ мы сюда прѣехали.

— И то правда.

— Что будетъ, то будетъ, крикнули разомъ оба пріятели;—пойдемъ поскорѣе къ князю-епископу. И съ этими словами они принялись одѣваться.

Цирульникъ проворно и ловко подбрилъ имъ головы и расчесалъ ихъ длинныя чубы. Шляхтичи надѣли кунтуши только-что съ иглочки, и прицѣпивъ сабли отправились въ княжескій дворецъ, думая во всю дорогу о чемъ они будутъ говорить съ его княжескимъ преосвященствомъ.

Не долго представителей сѣверской шляхты заставили ждать въ епископской пріемной. Осторожно вошли шляхтичи въ ту комнату, гдѣ сидѣлъ князь - епископъ, и робко поднявъ глаза они увидѣли предъ собою еще бодрого старика, съ добрымъ, открытымъ лицомъ, въ фіолетовой сутанѣ и въ темной бархатной шапочкѣ на головѣ.

Почтительно поклонились шляхтичи преосвященному владыкѣ.

Епископъ, при входѣ ихъ, всталъ съ кресель, подошелъ къ нимъ и подалъ правую руку, которую они и поцѣловали.

— Здравствуйте, дорогие мои братья—сѣверяне, проговорилъ ласковымъ голосомъ князь-епископъ. Что же скажете вы мнѣ отъ имени всей вашей братьи—сѣверской шляхты?...

Панъ Вацлавъ подтолкнулъ изподтишка пана Михала локтемъ, промолвивъ въ полголоса:

— Ну, начинай!...

Панъ Михаль сдѣлалъ тоже, пробормотавъ:

— Начинай ты, вѣдь ты старше меня.

Но ни тотъ, ни другой, какъ говорится, ни п-р-у, ни ну.

Не безъ нѣкотораго удивленія посмотрѣлъ князь-епископъ на молчаливыхъ пословъ, которые ялись на одномъ мѣстѣ, откашливались, блѣднѣли, краснѣли итирали потъ, выступавшій крупными каплями на ихъ лицахъ.

Въ это затруднительное время вдругъ мелькнула въ головѣ пана Вацлава ужасная мысль, что позоръ его и его товарища падеть на всю сѣверскую шляхту, избравшую такихъ нерасторопныхъ представителей. Въ отчаяніи отъ этой мысли панъ Вацлавъ одушевился, откашлялся и твердымъ голосомъ сказалъ:

— Ясноосвященный князь-епископъ! Жители сѣверскаго княжества избрали насъ для того, чтобы мы сложили въ стопы вашей княжеской и епископской милости ихъ покорнѣйшую просьбу. Судьбѣ однако угодно было, чтобы и мы, и отправлявшіе насъ не поняли содержания этой прось-

бы. Кто тутъ правъ, кто виноватъ—разбирать этого мы не можемъ. Довольно, что намъ или не умѣли передать порученій, или мы не умѣли ихъ выслушать. Поэтому—заклучилъ съ почтительнымъ поклономъ панъ Вацлавъ—всенижайше просимъ вашу княжескую и епископскую милость благосклонно принять внесокое къ вамъ уваженіе всей сѣверской шляхты; что же касается собственно насъ, то мы впередъ такими послами не будемъ...

Въ продолженіе этой рѣчи панъ Михаль то раскланивался съ княземъ-епископомъ, то поддакивалъ своему товарищу, то мурлыкалъ что-то себѣ подъ носъ.

Добродушно улыбнулся ученый князь-епископъ, выслушавъ рѣчь пана Вацлава и потрепавъ обонхъ пословъ по плечу, сказалъ имъ:

— Передайте отъ меня братьи моей, шляхтѣ сѣверской, что я сдѣлаю для нихъ все что могу. Если же вамъ что-нибудь понадобится, то не издерживайтесь напрасно на поѣздку ко мнѣ въ Краковъ, а лучше напишите на бумагѣ, добавивъ его преосвященство, закусывая отъ смѣха нижнюю губу.

Почтительно поцѣловали шляхтичи руку снисходительнаго архипастыря и съ радостію вышли изъ его дворца.

— А вѣдь и правду говорятъ, что не святые горшки лѣпятъ, сказали оба шляхтича въ одинъ голосъ, возвращаясь въ гостинницу въ отличномъ расположеніи духа.

— Только не надобно рассказывать, какъ было дѣло, а то, пожалуй, въ другой разъ и въ послы не выберутъ, замѣтилъ панъ Вацлавъ.

По приѣздѣ пословъ домой, шляхта встрѣтила ихъ такой же пирушкой, какой прежде напутствовала ихъ въ

Краковъ. Заходила снова круговая стопа, и такъ какъ въ старое время люди были и откровеннѣе, и проще, то и послы не утерпѣли, чтобъ не рассказать своимъ землякамъ какъ было дѣло. Всѣ отъ души поспѣялись, — и прослыли съ тѣхъ поръ панъ Вацлавъ и панъ Михалъ людьми хоть и съ слабую памятью, но за то весьма находчивыми...

XXIII.

ЯНЪ СОБЪСКІЙ ПОДЪ ВЪНОМЪ.

Недалеко отъ Варшавы, на небольшомъ пригоркѣ, называемомъ Маримонтомъ, т. е. горою Маріи (Mariae mons), королева Марія-Казимира, жена короля Яна III Собѣскаго, построила маленькій загородный дворецъ. Дворецъ этотъ былъ окруженъ въ ту пору густымъ лѣсомъ, который обхватывалъ кругомъ почти всю тогдашнюю Варшаву, и въ которомъ водилось много дикихъ звѣрей. Въ этомъ лѣсу любилъ охотиться Собѣскій.

Однажды, въ исходѣ августа 1683 года, громкіе звуки охотничьихъ роговъ и лай собакъ дали знать королевѣ Маріи-Казимирѣ, что къ Маримонту приближается король, возвращавшійся въ то время съ охоты на пирь, устроенный для него королевой. На этомъ пиру Янъ III, окруженный первѣйшими сановниками королевства, далъ слово, что онъ не приметъ мира, предложеннаго ему грозною въ ту пору Турціею, и что онъ пойдетъ для избавленія Вѣны,

къ которой, какъ страшныя тучи, приближались съ юга турецкія полчища.

Храбрый Собѣскій сдержалъ свое слово.

11-го сентября того же года король, при заходѣ солнца, располагался лагеремъ на горѣ Каленбергъ вблизи Вѣны. Громадныя башни церкви Св. Стефана величаво возвышались передъ королемъ на гаснувшемъ небѣ, а съ занятой Собѣскимъ горы онъ могъ ясно видѣть всю столицу римско-нѣмецкаго кесаря, которая какъ будто лежала у его ногъ. Турецкія войска были въ это время расположены подъ Вѣною на протяженіи слишкомъ полмили. Вскорѣ послѣ прихода поляковъ къ Вѣнѣ поднялся сильный вихоръ, съ ожесточеніемъ подулъ онъ противъ польскаго лагеря, подымая въ воздухѣ огромныя клубы пыли и засыпая ею глаза польскихъ всадниковъ, которые отъ сильныхъ порывовъ вихря едва могли удержаться на коняхъ. Двадцать шесть часовъ сряду бушевала непогода.

Между тѣмъ для короля на опушкѣ дубовой рощи разбили небольшой наметъ и въ немъ разстлали на землѣ его походную постель. Король усѣлся на постели, а передъ нимъ стали въ почтительномъ молчаніи вожди польской рати.

— Не знаю я, на кого мнѣ положиться, сказалъ въ раздумьи Собѣскій: — самъ я усталъ, и мнѣ непремѣнно нужно отдохнуть передъ завтрашней работой, а между тѣмъ нынѣшней ночью вѣнскій комендантъ будетъ давать мнѣ сигналы, нельзя пропускать ихъ, но я такъ усталъ, что нивакъ не могу наблюдать за ними самъ. .

— Положитесь на меня, ваше величество! громко и торопливо сказалъ королевскій конюшій, стараясь предупре-

дить этими словами всѣхъ находившихся въ наметѣ, изъ которыхъ, какъ онъ зналъ, каждый наперерывъ готовъ былъ предложить королю свои услуги.

— Хорошо, сказалъ ласково король и затѣмъ отдалъ по своему войску слѣдующій лозунгъ: „Во имя Богородицы помощи намъ Господи!“

Послѣ этого распоряженія король привѣтливимъ поклономъ далъ знакъ своимъ сподвижникамъ, чтобъ они удалились изъ намета. По выходѣ ихъ, Собѣскій улегся на постели и вскорѣ заснулъ. Между тѣмъ конюшій сѣлъ въ дверяхъ намета, на деревянной скамеечкѣ, которую королевскій стремянной всегда возилъ за Яномъ III, такъ какъ онъ, по своей тучности, не могъ сѣсть на коня, не ставши одной ногой на скамейку. Ровно въ полночь взвилась ракета надъ башней Св. Стефана.

— Ваше величество! крикнулъ громко конюшій, — первый сигналъ поданъ.

— Это значитъ, отвѣчалъ пробудившись Собѣскій, что они переправились благополучно черезъ Дунай.

Спустя нѣсколько времени, на темномъ небѣ разсыпалась красными искрами другая ракета.

— Ваше величество! крикнулъ такъ же громко конюшій, — второй сигналъ поданъ.

— Это значитъ, проговорилъ король, — что они двинулись изъ укрѣпленій.

Прошло немного времени, и снова надъ тихой и погруженной во мракъ Вѣной свергнула и лопнула ракета.

— Ваше величество! уже третій сигналъ поданъ! громче прежняго крикнулъ конюшій, входя въ королевскій наметъ.

Король быстро поднялъ съ подушки голову, и сталъ набожно креститься, приговаривая:

— Да будетъ прославлено имя Господне!—это значить, что они подошли къ намъ на помощь.

Сказавъ это, король завелъ часы съ будильникомъ, поставивъ стрѣлку на трехъ часахъ; послѣ этого онъ улегся на постель, закрылъ глаза и заснулъ богатырскимъ сномъ. Конюшій между тѣмъ дремалъ на скамейкѣ, покачивая голову то внизъ, то изъ стороны въ сторону. Вскорѣ послѣ полуночи вихорь унялся, звѣзды ярко засверкали на темномъ небѣ, тихая и ясная ночь предвѣщала погодное утро.

Въ три часа будильникъ въ наметѣ Собѣскаго сперва зашипѣлъ, а потомъ принялся стучать и звенѣть. Король встрепенулся на постели.

— Кто тутъ? кривнуль онъ громкимъ голосомъ.

На зовъ короля прибѣжалъ одинъ изъ шляхтичей, спавшихъ подлѣ королевскаго намета.

— Бѣги поскорѣе къ всендзамъ-капелланамъ, сказалъ Собѣскій,—разбуди ихъ и скажи, чтобы они велѣли составить алтари изъ барабановъ, и чтобы сами готовились служить обѣдню.

Опротью побѣжалъ шляхтичъ исполнять королевское предписаніе. Между тѣмъ проснулся и конюшій; король взялъ отъ него скамеечку, положилъ на нее листъ бумаги, и сидя на постели принялся писать письмо къ женѣ. Настоящее письмо королю, какъ и вообще всѣ его письма къ королевѣ Маріи-Казимірѣ, начиналось слѣдующимъ обычнымъ привѣтствіемъ:

„Единственная отрада моей души и моего сердца, моя прехорошенькая и моя премиленькая Маруся!“

Въ письмѣ своемъ Собѣскій подробно разсказывалъ женѣ о своей счастливой переправѣ черезъ Дунай, онъ описывалъ ей имперскихъ князей, которые съ своими небольшими отрядами прибыли къ Вѣнѣ на подмогу, и которые поступили подъ его главное начальство; Собѣскій сообщалъ Маріи-Казимірѣ о трудахъ и лишеніяхъ войска во время похода, а также о той страшной непогодѣ, которую привелось испытать полякамъ передъ Вѣной. Ужасный, двадцати-шести-часовой вихорь Собѣскій простодушно приписывалъ колдовству великаго визиря, который, по словамъ короля, былъ великій чародѣй. Письмо свое король окончилъ замѣчаніемъ о томъ, что по всей вѣроятности рѣшительный бой между поляками и турками будетъ не ранѣе, какъ дня черезъ два: королевскому войску, утомленному не близкимъ походомъ, необходимъ былъ порядочный отдыхъ; нужно было также построить батареи и полевые укрѣпленія; а между тѣмъ на дѣлѣ Собѣскому пришлось биться съ турками въ тотъ же день, въ который онъ отправилъ свое письмо въ Варшаву.

Окончивъ письмо, король вышелъ къ войску и въ виду его благоговѣнно отслушалъ обѣдню подъ открытымъ небомъ, а какъ только стало подниматься солнце, король и гетманъ приказали войскамъ садиться на коней. Скоро загремѣли трубы, литавры и барабаны, а спустя немного времени, съ вершины Каленберга потянулись густыми рядами конница, пѣхота и артиллерія, занимая назначенныя имъ мѣста.

На широкое пространство растиался передъ поляками укрѣпленный лагерь великаго визиря. Кара-Мустафы и его сподручника — крымскаго хана. Съ изумленіемъ услышалъ

визирь о томъ, что на него наступаютъ поляки; онъ сперва не повѣрилъ этой грозной вѣсти и опрометью выбѣжалъ изъ своей ставки, стараясь убѣдиться своими глазами въ справедливости этой вѣсти. Легко убѣдился визирь, что онъ имѣетъ дѣло съ тѣмъ, кто еще и прежде такъ безпощадно громилъ турецкія полчища, потому что утреннее солнце ярко освѣщало знамена Собѣскаго.

— О, король! воскликнулъ съ отчаяніемъ визирь, — какъ жестоко ты поступаешь со мной!

Между тѣмъ войска Яна III становились въ боевой порядокъ. Король былъ постоянно впереди ихъ. На немъ, въ это славное для него утро, былъ надѣтъ суконный кунтушъ голубаго цвѣта, бѣлый шелковый жупанъ и литой золотой поясъ, на головѣ былъ серебряный шишакъ съ золотымъ одноглавымъ орломъ. Король былъ верхомъ на конѣ золотисто-гнѣдой масти. На правой сторонѣ королевскаго сѣдла былъ притороченъ небольшой барабанъ, въ который, время отъ времени, ударялъ король, призывая къ себѣ условленнымъ числомъ ударовъ того или другаго изъ польскихъ вѣноначальниковъ.

За Яномъ III безотлучно слѣдовали стремянной и щитоносецъ; послѣдній держалъ въ рукѣ щитъ съ королевскимъ гербомъ, въ которомъ на золотомъ полѣ была изображена черная воловья голова, пронзенная мечомъ. За Яномъ III слѣдовалъ также королевскій хорунжій, на древкѣ его значка горделиво развѣвались соколиныя перья; по этимъ перьямъ королевскія войска должны были узнавать то мѣсто, гдѣ во время боя находился Собѣскій.

Королевичъ Якубъ не отставалъ ни на шагъ отъ своего отца; онъ былъ въ серебряномъ шишакѣ, въ латахъ и имѣлъ

у сѣдла такъ называемый кончарь, оружіе въ родѣ меча, заостренное съ обѣихъ сторонъ.

Когда все войско окончательно стало въ боевой порядоѣ, то король приказалъ сѣрадзскому воеводѣ Щенскому Потоцкому, чтобъ онъ первый ударилъ на турокъ съ своей гусарской хоругвью. Исполняя приказанія государя, воевода выѣхалъ впередъ передъ своимъ отрядомъ; по командѣ его гусары нагнули къ землѣ пики, и склонивъ немного свои головы, покрытыя блестящими шишаками, пустились, какъ вихорь, во весь опоръ противъ показавшейся передъ ними турецкой конницы. Шумѣли и вѣяли холодомъ крылья изъ орлиныхъ и соколиныхъ перьевъ, прикрѣпленные, по обычаю того времени, за плечами гусаровъ. Съ пронзительнымъ свистомъ прорѣзывали воздухъ ихъ длинныя пики, шелестя своими разноцвѣтными значками. Все это сливалось въ какой-то неопредѣленный, но грозный гулъ; казалось, что на врага неслась теперь стая какимъ-то чудовищныхъ птицъ, закованныхъ въ стальные доспѣхи.

Не выдержала турецкая конница дружнаго и неожиданнаго натиска поляковъ; ошеломленная и разстроенная, она въ безпорядкѣ попыталась назадъ; турецкіе кони, испуганные видомъ крылатыхъ всадниковъ, бѣшено метались изъ стороны въ сторону, закусывали удила, ржали, становились на дыбы и сбрасывали съ себя оробѣвшихъ турокъ. Опомнившись однако отъ перваго испуга и вида малочисленности поляковъ, турки собрались снова и съ грознымъ гикомъ окружили со всѣхъ сторонъ отрядъ сѣрадзскаго воеводы. Вѣрная гибель угрожала его хоругви. Въ это время проворно спѣшилась съ коней панцерная хоругвь другаго

Потоцкаго, Станислава, старосты калишскаго, и кинулась на выручку своихъ погибавшихъ товарищей.

Завязалась жестокая сѣча. Между тѣмъ на другомъ концѣ равнины засѣвшіе за окопами янычары осыпали поляковъ градомъ пуль. Три раза ходили на штурмъ окоповъ поляки и три раза устилали къ нимъ путь своими трупами. Наконецъ, только послѣ четвертой ожесточенной и самой продолжительной схватки, окопы достались полякамъ.

Въ это время Собѣскій двинулъ часть своихъ войскъ прямо на визирскую ставку; съ неудержимымъ напоромъ рванулись впередъ поляки. Тщетно визирь, окруженный плотною толпою своихъ тѣлохранителей, приказалъ распустить большое знамя Магомета, желая этимъ воодушевить свои оробѣвшія рати во имя Аллаха и его пророка. Но горсть храбрецовъ скоро пробилась до этого знамени и къ ужасу Кара-Мустафы овладѣла имъ.

— Спасай меня, если можешь! вскрикнулъ въ отчаяніи визирь, обращаясь къ бывшему близъ него татарскому хану.

— Я знаю короли польскаго, отвѣчалъ татаринъ:—онъ спуску не дастъ! Мнѣ теперь не до тебя, только бы самому мнѣ улизнуть отсюда! Прощай!..

И съ этими словами ханъ ударилъ нагайкою своего коня и поскакалъ во весь опоръ съ поля битвы. Слѣдомъ за нимъ помчался и великій визирь. Видя, что на обоихъ врылахъ непріятель дрогнулъ, самъ король ударилъ на турецкій лагерь. Тщетно отстаивали его янычары съ мужествомъ, доходившимъ до отчаянія. Собѣскій скоро овладѣлъ турецкимъ укрѣпленіемъ.

Но опасность для Вѣны, не смотря на успѣхъ Яна III, еще не миновала; часть янычаровъ пошла на штурмъ императорской столицы, а между тѣмъ турецкіе полки, обратившіеся въ бѣгство, оставались безъ преслѣдованія. Собѣскій выходилъ въ это время изъ себя, досадуя на то, что комендантъ Штаренбергъ не воспользовался удобной минутой для того, чтобы, сдѣлавъ вылазку, отбить штурмъ и потомъ преслѣдовать бѣжавшихъ.

— Не будь я король, сказалъ онъ въ припадкѣ гнѣва, — если завтра не велю повѣсить Штаренберга посреди Вѣны; непріятель бѣжитъ, а онъ съ двадцати-тысячнымъ гарнизономъ точно дремлетъ!

Впрочемъ, отбивать штурмъ янычаровъ отъ Вѣны было напрасно: едва только они узнали, что великій визирь и ханъ бѣжали съ поля битвы, какъ сами послѣдовали ихъ примѣру. Густыя толпы янычаровъ послѣшно отклынули отъ стѣнъ Вѣны и пустились въ разсыпную во всѣ стороны.

Но Собѣскій былъ не Штаренбергъ. Онъ воспользовался разстройствомъ турокъ. Быстро ударивъ въ тылъ бѣгущихъ, онъ на большомъ пространствѣ кололъ, рубилъ и топталъ непріятеля. Увидя же, что турки разбиты и разбѣяны окончательно, Собѣскій приказалъ прекратить преслѣдованіе.

Солнце было уже высоко и припекало сильно. Король и войско были утомлены, и по удаленіи турковъ они расположились на отдыхъ въ захваченномъ ими турецкомъ лагерѣ. Король занялъ ставку визира и тотчасъ же принялся писать письмо къ своей дорогой Марусѣ. Въ этомъ письмѣ Янъ III передавалъ своей женѣ всѣ подробности славнаго боя и упомянулъ, что турецкій лагерь былъ такъ обширенъ, какъ Львовъ или Варшава. Слова короля были вполнѣ спра-

ведливы, потому что лагерь Кара-Мустафы могъ вмѣстить въ себѣ не только трехъ-сотъ тысячное турецкое войско, но и огромный турецкій обозъ, а также множество плѣнниковъ, захваченныхъ турками. Когда же въ этомъ лагерѣ расположилось польское войско съ вспомогательными отрядами имперскихъ князей, то въ общей сложности вся армія Собѣскаго заняла только четвертую часть турецкаго лагеря. Это обстоятельство ясно показывало какой неравный бой выдержалъ Янъ III подъ Вѣною.

Среди торжества побѣдителей наступилъ вечеръ, а за нимъ и ночь. Король, не смотря на утомленіе, не ложился спать, но продолжалъ писать письмо къ своей женѣ. Въ полночь страшный грохотъ встревожилъ все войско, всѣ проснулись и засуетились, стали заряжать ружья, садиться на коней, а пѣхота выстроилась въ боевой порядокъ. Самъ король былъ уже верхомъ, когда оказалось, что тревога была напрасна. Весь ночной переполохъ объяснился тѣмъ, что поляки въ нѣсколькихъ мѣстахъ подожгли огромные пороховые склады, оставленные близъ лагеря убѣжавшими турками. Отъ взрыва пороха дрогнула земля. Описывая этотъ случай своей Марусѣ, король замѣчалъ, что онъ „видѣлъ подобіе страшнаго суда.“ Къ счастью, однако, не смотря на ужасный взрывъ, никто не былъ ни убитъ, ни раненъ.

Богатая добыча досталась побѣдителямъ. По словамъ короля, цѣнность того, что поляки забрали въ турецкомъ лагерѣ подъ Вѣною, нельзя даже было сравнить съ тѣмъ что они отбили у турокъ подъ Хотиномъ, хотя и тамъ досталось имъ слишкомъ много. Кромѣ палатокъ, обоза, коней, стоимость однихъ сѣделъ, унизанныхъ рубинами и

сапфирами, оцѣнивали на нѣсколько тысячъ тогдашнихъ червонцевъ. Добыча эта пополнялась множествомъ сабель въ золотыхъ ножнахъ, кинжаловъ въ драгоценной оправѣ, ружей, пистолетовъ и дорогой сбруи. Число захваченныхъ наметовъ простиралось до ста тысячъ. Въ письмѣ Собѣскаго къ женѣ, написанномъ, какъ мы сказали, въ ту же самую ночь, онъ между прочимъ замѣчалъ: „не укоряй меня теперь, моя душечка, какъ укоряютъ татарскія жены своихъ мужей, возвращающихся съ войны безъ поживы, говоря имъ: „видно, что вы не молодцы, если вернулись безъ добычи, потому что она достается только тѣмъ, кто бѣгаетъ впередъ.“

Въ числѣ трофеевъ была и хоругвь Магомета. Огромное это знамя, древко котораго было въ вышину 12 футовъ, имѣло въ длину 8 футовъ. Оно было сдѣлано изъ зеленой шелковой матеріи, богато и узорчато вышитой серебромъ и золотомъ. На этой хоругви, кромѣ арабской надписи, было изображеніе двухъ звѣздъ и полумѣсяца, обращеннаго рогами внизъ. Хоругвь, отбитую подъ Вѣной, король отправилъ въ Римъ съ однимъ изъ польскихъ епископовъ, и папа Иннокентій XI приказалъ повѣсить ее на вѣчныя времена въ храмѣ св. Петра, на память торжества христіанъ надъ невѣрными.

Послѣ взятія турецкаго лагеря, въ немъ найдено было множество христіанскихъ плѣнниковъ, и въ особенности плѣнницъ. Убѣгавшіе турки, въ дикой злобѣ, предавали смерти беззащитныхъ невольниковъ.

„Много оставили они живыхъ людей въ лагерѣ—писалъ въ другой разъ король къ своей женѣ,—но и убили тѣхъ, кого успѣли, въ особенности же много убитыхъ женщинъ.

Мы нашли также множество раненых плѣнниковъ, изъ которыхъ, вѣроятно, нѣкоторые останутся въ живыхъ. Вчера, продолжаетъ король, я видѣлъ одного ребенка, прекорешеньяго мальчика лѣтъ трехъ, которому негоднй турокъ отрѣзалъ губы и разсѣкъ голову.“

Только мужествомъ и рѣшимостью польскаго короля была освобождена Вѣна отъ страшнаго погрома, а вся Австрія была избавлена отъ конечнаго разоренія, потому что въ ту пору всюду, гдѣ только проходили турки или крымцы, оставались однѣ безлюдныя пустыни. Случалось, что крымцы, при своихъ набѣгахъ на пограничныя польскія области, выводили иногда оттуда въ одинъ разъ болѣе 60.000 плѣнныхъ дѣвушекъ! Долго бы не забыла Австрія грозившій ей турецко-татарскій разгромъ, если бы на выручку ей не поспѣшилъ Собѣскій.

На другой день послѣ битвы, т. е. 13-го сентября, король въѣхалъ въ Вѣну. Комендантъ Штаренбергъ просилъ короля пожаловать въ императорскую столицу не черезъ главныя ворота, которыя были завалены во время осады, но просилъ его въѣхать въ Вѣну какимъ-то темнымъ и узкимъ проходомъ, устроеннымъ для вылазокъ и освѣщеннымъ на этотъ разъ нѣсколькими факелами. Едва король показался въ городѣ, какъ народъ кинулся на встрѣчу Собѣскому и бѣжалъ за нимъ, цѣлуя его руки и ноги и провозглашая его своимъ избавителемъ. Вѣна, которая могла бы продержаться лишь нѣсколько дней, представляла въ это время ужасную картину опустошенія: императорскій дворецъ, почти до основанія разметанный турецкими ядрами, лежалъ въ печальныхъ развалинахъ; стѣны большей части домовъ были прострѣлены и едва держались; не мало было

и такихъ зданій, отъ которыхъ остались однѣ только груды камней.

Въ сопровожденіи ликующей толпы, заступавшей дорогу, король шагомъ едва могъ добраться до церкви св. Стефана. Здѣсь встрѣтилъ его проповѣдникъ и началъ свою привѣтственную латинскую рѣчь примѣненіемъ къ королю Яну или Іоанну слѣдующихъ евангельскихъ словъ: „И бысть посланъ отъ Бога человекъ нѣкій, имя ему Іоаннъ.“ Съ подобающимъ благоговѣніемъ выслушалъ Собѣскій обѣдню и благодарственное молебствіе, при громѣ пушекъ и звонѣ колоколовъ, и затѣмъ, окруженный снова плотною толпою, отправился на обѣдъ къ коменданту; а послѣ обѣда тотчасъ оставилъ спасенную имъ Вѣну.

Съ грустью увидѣлъ король, что возвратъ его въ лагерь изъ Вѣны не сопровождался уже тѣми радостными кликами, которыми привѣтствовалъ народъ въѣздъ его въ столицу Леопольда I. Зависть успѣла въ нѣсколько часовъ сдѣлать свое дѣло — и толпѣ запрещено было величать Собѣскаго освободителемъ Вѣны. Въ молчаніи, только протягивая къ королю руки, жители Вѣны проводили Яна до городскихъ воротъ, которыя были теперь уже распахнуты настежь, для его выѣзда; между тѣмъ какъ за нѣсколько часовъ передъ этимъ побѣдитель турокъ долженъ былъ какъ будто украдкой пробираться въ освобожденную имъ столицу!

Тщеславный императоръ Леопольдъ I оказалъ Собѣскому за его богатырскій подвигъ черную неблагодарность. Король, не смотря на свое добродушіе, не могъ сдержатъ справедливаго негодованія противъ надменнаго кесаря и въ письмахъ къ женѣ горько сѣтовалъ на то, какъ отпла-

тила ему Австрія за польскую кровь, пролитую подъ стѣнами Вѣны.

Двѣ поговорки остались у поляковъ въ память этого славнаго, но неоцѣннаго Австріей похода; первая изъ нихъ насмѣшливо твердить людямъ, растерявшимъ свое добро въ чужую пользу, что они ходятъ „съ саблей и съ босыми ногами“ (z kordem a boso), намекая этими словами на то, что храбрые отряды польскихъ гусаровъ и польскихъ панцырниковъ, потерявъ на обратномъ походѣ изъ Вѣны своихъ лихихъ коней по недостатку корма, вернулись домой хотъ и съ саблями, но за то пѣшкомъ и притомъ съ босыми ногами. Другая поговорка употребляется для оцѣнки труда, не приносящаго самому трудящемуся никакого вознагражденія: „это стоитъ столько же, сколько сражаться за Вѣну“, приговариваютъ въ иныхъ случаяхъ поляки.

Замѣчательно, что ни одна пѣсня, ни народная, ни шляхетская, не сохранила въ Польшѣ памяти о славной побѣдѣ подъ Вѣною. Народъ какъ будто оцѣнилъ это событіе прежде, чѣмъ исторія произнесла ему свой справедливый приговоръ. Между тѣмъ какъ будто въ противоположность этому грустному забвенію родной славы, у поляковъ, за десять лѣтъ до вѣнскаго похода, явилась народная пѣсня о побойщѣ съ турками подъ Хотиномъ, гдѣ Янъ Собѣскій, въ то время еще только гетманъ коронный, разбилъ на голову огромное турецкое войско. Пѣсня о хотинской побѣдѣ быстро разносилась по всей тогдашней обширной Польшѣ, которая растилалась отъ Балтійскаго моря до Чернаго и отъ Днѣпра до Эльбы. Пѣснь о хотинскомъ побѣдѣ распѣвали долгое время и въ богатыхъ замкахъ магнатовъ, и въ уголку скромной хаты поселанна; еще

дольше пѣли ее во всѣхъ походахъ и на всѣхъ стоянкахъ польскаго рыцарства. Пѣсня эта увѣровѣчила въ народѣ память о Собѣскомъ, а между тѣмъ, не смотря на то, что побѣда подъ стѣнами Вѣны, изумившая всю Европу, была гораздо славнѣе побѣды хотинской,—никто однако не сложилъ въ честь вѣнскаго побойща никакой пѣсни.

Скажемъ, впрочемъ, что между словаками и венгерцами сохранилась память о Собѣскомъ въ народной пѣснѣ. Пѣсня эта рассказываетъ о томъ, какъ на гнѣдомъ конѣ съ золотыми поводьями съѣзжалъ съ вершины бѣлой горы король Янъ, готовясь на битву съ турчинами, окружившими Вѣну...

XXIV.

Святослава Сандецкая.

Замокъ богатой и славной фамили Тенчинскихъ былъ однимъ изъ самыхъ обширныхъ и самыхъ великолѣпныхъ замковъ, существовавшихъ когда-либо въ Польшѣ и въ Литвѣ. Въ этомъ замкѣ, обратившимся теперь въ груды развалинъ, старинное преданіе еще не такъ давно показывало на одну башню, въ которой, по распоряженію главы уже угаснувшаго рода Тенчинскихъ, лѣтъ за триста назадъ, сохранилась одна изъ представительницъ этого имени. Изъ окна башни, какъ добавляетъ преданіе, молодая и прекрасная узница рассказывала проходившимъ о своей любви въ бѣдному и незнатному юношѣ, бывшей причиною ея томительнаго заключенія. Разказами о своей грѣшной любви она хотѣла разгласить всюду тотъ позоръ, какой она нанесла имени Тенчинскихъ, и тѣмъ самымъ отмстить своей жестокой роднѣ за ея надменность. Несчастная дѣвушка, какъ добавляетъ преданіе, насильственной и преждевременной смертію искупила пылъ своего сердца. Она не нашла мстителя, который разбилъ бы окружавшія ея стѣны, и только потому

время и непогоды обратили въ развалины ея мрачную и тѣсную темницу.

Надобно замѣтить, что вся польская шляхта вообще, а магнаты въ особенности, дорожили въ старинной Польшѣ честью ихъ родового имени, и позорившій или позорившая его подвергались жестокой карѣ не только со стороны общественнаго мнѣнія, но и со стороны своихъ самыхъ близкихъ родственниковъ. Кары этого рода кончались иногда насильственной смертью виновнаго или виновной. Въ эти расправы сильныхъ пановъ съ ихъ родными не смѣлъ мѣшаться никто, кромѣ духовника; притомъ расправы эти всегда совершались въ глубокой тайнѣ, и лѣтописи оставили весьма мало рассказовъ о подобныхъ случаяхъ. Только мѣстное преданіе, измѣняясь при переходѣ отъ одного поколѣнія къ другому, гласило въ околотеѣ о кровавой развязкѣ семейнаго суда. Эта беспощадная строгость къ лицу, опозорившему носимое имъ фамильное прозваніе, объясняется не столько родовой спесью, сколько общей чистотою семейныхъ нравовъ, которою такъ отличалась Польша прежняго времени. Еще въ первыхъ годахъ настоящаго столѣтія показывали въ одномъ изъ старинныхъ краковскихъ домовъ обширную залу, которая, какъ передавали изъ поколѣнія въ поколѣніе, была въ XVIII вѣкѣ свидѣтельницай кровавой семейной драмы. По рассказамъ краковскихъ старожитовъ, въ этой залѣ была отрублена голова молодой дѣвушкѣ, опозорившей знаменитое имя своего отца грѣшною любовью къ юношѣ, неравному ей по происхожденію.

Проводникъ, показывавшій путешественникамъ эту залу, рассказывалъ между прочимъ, что ксендзъ, котораго привезли для исповѣди дѣвушки, обреченной на смерть, успѣлъ какъ-то

ослабить повязку. Вошедши въ залу, онъ увидѣлъ передъ собою женщину, лицо которой было закрыто черной бархатной маской, но густая темная коса, бѣлизна открытыхъ плечъ и рукъ, а также и стройность стана этой женщины безошибочно заставляли предполагать, что подъ таинственной маской скрывалось личико только-что распцѣтшей красавицы. Подлѣ дѣвушки стоялъ высокій и статный мужчина пожилыхъ лѣтъ, съ гордымъ и суровымъ выраженіемъ лица. Въ нѣкоторомъ разстояніи отъ него находился палачъ, у котораго въ рукахъ былъ широкій обнаженный мечъ. Выхода изъ залы, всендѣзъ сосчиталъ ступеньки и успѣлъ украдкой отъ своихъ проводниковъ сдѣлать знакъ на перилахъ лѣстницы. Этимъ способомъ онъ узналъ впоследствии то мѣсто, гдѣ ему привелось видѣть осужденную на смерть дѣвушку. Глухая молва о страшномъ происшествіи разнеслась по Кракову, а вмѣстѣ съ молвой пошло повѣрье, будто бы въ домъ, гдѣ погибла дѣвушка, являлось обезглавленное привидѣніе, и что появленіе его каждый разъ предвѣщало смерть домового владѣльца или особенное несчастіе въ его семействѣ.

Въ замкѣ Тенчинскихъ, о которомъ мы сказали прежде, жилъ воевода Навуй, храбрый и безукоризненный боецъ, честно служившій своей родинѣ и на полѣ брани, и въ совѣтѣ королевскомъ. Въ замкѣ воеводы жила племянница его Святослава Сандецкая, оставшаяся молодой вдовой послѣ смерти своего мужа. Святослава, въ замкѣ своего дяди, вела жизнь чрезвычайно роскошную; огромная толпа слугъ и служанокъ окружала ее. Всѣ въ замкѣ оказывали почетъ вдовѣ знаменитаго каштеляна, и во всей тогдашней Польнѣ не было ни одной пани богаче Святославы, у которой было много обширныхъ волостей, доставшихся ей отъ отца и пере-

шедшихъ къ ней отъ мужа; много было также у нея и серебра, и золота, и драгоценныхъ камней. Старикъ дядя любилъ Святославу, какъ родную дочь; онъ гордился ею и передъ своими близкими сосѣдами, и передъ гостями, заѣзжавшими издалека въ его пышный замокъ. Воевода надѣялся, что молодая вдова скоро выдетъ опять замужъ, и что она своимъ бракомъ еще разъ породнитъ фамилію Тенчинскихъ съ какимъ нибудь самымъ знатнымъ домомъ. Воевода не безъ основанія рассчитывалъ, что тогда, вслѣдствіе подобнаго брака, вліяніе его будетъ еще сильнѣе и на сеймѣ, и въ войскѣ, и въ сенатѣ. Воевода однако обманывался; старикъ плохо зналъ сердце молодой женщины.

Вскорѣ послѣ того, какъ поселилась Святослава Сандецкая въ домъ своего дяди, къ пану Тенчинскому явился на службу молодой и красивый юноша Иштванъ, родомъ венгерець. Въ непродолжительномъ времени Иштванъ успѣлъ приобрѣсти особенное расположеніе воеводы. Живя подѣ одной ервлей съ Святославой, Иштванъ имѣлъ случай довольно часто встрѣчаться съ нею. Молодая парочка не совсѣмъ равнодушно посматривала другъ на друга. Началось съ того, что они сперва робко заговорили между собою о какихъ-то пустякахъ, потомъ стали говорить о другихъ болѣе заманчивыхъ предметахъ, близкихъ къ любви и къ сердцу. Погода немного, они стали видѣться украдкой. Страстнымъ шопотомъ и горячими поцѣлуями начинались и обанчивались эти таинственныя свиданія. На первыхъ порахъ и онъ, и она были чрезвычайно осторожны, ихъ пугали и ихъ собственная тѣнь, и отдаленные шаги, раздававшіеся иногда вдалекѣ отъ нихъ, подѣ сводами длинныхъ корридоровъ. Они дрожали и боязливо прислушивались, если порою какой-нибудь слабый

звукъ долеталъ до ихъ слуха. Извѣстно, однако, что тайна влюбленныхъ, не смотря на всѣ ихъ хитрости и осторожности, отерывается довольно скоро. Это самое было и съ Иштваномъ и со Святославой. Вскорѣ заговорили въ замкѣ о ихъ свиданіяхъ, а вслѣдъ затѣмъ о любви венгерца къ Святославѣ провѣдалъ и самъ воевода. Впрочемъ, Тенчинскій не далъ много вѣры носившейся около него молвѣ. Надменный воевода никакъ не предполагалъ, чтобъ такая богатая и знатная пани, какъ Святослава, могла когда нибудь полюбить бѣднаго и незнатнаго красавца.

Прошло нѣсколько времени. Взаимная страсть Иштвана и Святославы не только не охладѣла, но еще съ каждымъ днемъ разгоралась все сильнѣе и сильнѣе, а между тѣмъ панъ Тенчинскій получилъ приглашеніе пріѣхать на сеймъ въ Варшаву. По окончаніи же сейма, воеводѣ предстояла вѣроятность далекаго похода. Въ замкѣ стали готовиться къ отъѣзду, а воевода изъ жившихъ при немъ шляхтичей и драбантовъ составилъ значительный отрядъ, который долженъ былъ сопровождать его на сеймъ и потомъ сопутствовать ему въ предстоящемъ походѣ. Въ ту пору такіе отряды показывали богатство и могущество польскихъ магнатовъ.

Уѣзжая въ Варшаву, воевода призвалъ къ себѣ Иштвана.

— Я уѣзжаю сегодня изъ замка и самъ не знаю, когда опять вернусь сюда, сказалъ онъ молодому человѣку. — Я оставляю тебя здѣсь на моемъ мѣстѣ, оберегай мой замокъ и охраняй всѣхъ, кто живетъ въ немъ. Но берегись, однако, и самъ, добавилъ строгимъ голосомъ воевода, погрозивъ Иштвану пальцемъ: — веди себя такъ, чтобы до меня не дошли другой разъ вѣсти о твоей любви къ моей племянницѣ.

— Милостивый панъ, отвѣчалъ не совсѣмъ твердымъ

Наступил осенній вечеръ, въ концѣ густаго сада стоялъ на привязи лихой конь Косцюшки, а его хозяинъ, всматриваясь въ темную даль длинной аллеи, прислушивался къ каждому шуму, къ каждому шороху... Но вотъ въ полумракѣ мелькнулъ кто-то и три раза махнулъ бѣлымъ платкомъ. При этомъ условномъ знакѣ, Косцюшко кинулся впередъ, но прежде чѣмъ успѣлъ добѣжать до Сосновской, онъ былъ окруженъ толпою гайдуковъ, изъ которыхъ гетманъ устроилъ засаду. Гайдуки бросились, чтобы схватить скорбителя гетманской чести и расправиться съ нимъ по своему. Долгое время оборонялся Косцюшко весьма удачно, но наконецъ былъ раненъ, и ошеломленный ударомъ въ голову упалъ безъ чувствъ. Очнувшись, онъ увидѣлъ себя одинокимъ среди открытаго поля; не вдалекѣ отъ него лежалъ бѣлый платокъ. Косцюшко узналъ, кому принадлежалъ платокъ, и ему стало ясно, что молодая дѣвушка прорвалась сквозь нападавшую на него толпу, и не оставляла его среди опасности. Онъ поднялъ этотъ знакъ привязанности и сохранилъ его до самой смерти.

Гнѣвъ раздраженнаго гетмана не зналъ предѣловъ. Суровость надменнаго пана легла тяжелымъ гнетомъ на виновную, которую онъ въ скоромъ времени выдалъ по неволѣ замужъ за князя Любомірскаго, искавшаго себѣ поддержки въ богатомъ бракѣ. Князь не обратилъ вниманія на молву, которая ходила о его невѣстѣ, но она съ полною откровенностію рассказала жениху все свое прошлое, прибавивъ, что будетъ уважать его, какъ честнаго человѣка, но что всю жизнь будетъ любить только того, кого полюбила однажды. Снисходительный супругъ оцѣ-

56
нилъ такую откровенность и никогда не запрещалъ своей женѣ переписываться съ Косцюшкой.

Въ это время Косцюшкѣ минуло тридцать лѣтъ; для него наступила та пора жизни, когда при остывающемъ пылѣ юности умъ и сердце мужчины требуютъ не мечтаний, но продолжительнаго труда. Тогдашняя Польша не могла приходиться по нраву Косцюшкѣ. Оставаясь на родинѣ, онъ долженъ былъ примкнуть или къ сторонникамъ короля, хладнокровно изъ мелочныхъ расчетовъ смотрѣвшихъ на паденіе родины, или же стать на сторонѣ старопольской партіи, противодѣйствовавшей во имя патриотизма иноземному вліянію, и въ то же время сохранявшей исконный духъ польскаго магнатства. Къ первой партіи не могъ пристать Косцюшко, какъ патриотъ, во второй,—какъ образованный человекъ своего времени, на котораго уже повѣяло духомъ тогдашняго ученія о гражданскомъ равенствѣ и о новомъ государственномъ строѣ Европы. При томъ, къ какой бы партіи онъ ни принадлежалъ, ему предстояло скорѣе участіе въ междоусобныхъ распряхъ, нежели поле битвы съ внѣшними врагами. Для Косцюшки въ Польшѣ отрывались двѣ главныя дороги: или онъ могъ обратиться въ чиновнаго царедворца и искать для себя счастья въ Варшавѣ при королевскомъ дворѣ, или онъ могъ, сблизившись съ кѣмъ нибудь изъ могущественныхъ польскихъ вельможъ, приобрести для себя вліяніе на сеймикъ, и вслѣдствіе этого получить долю вліянія и на государственныя дѣла. Но ни о томъ, ни о другомъ не помышлялъ Косцюшко.